

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

В.К. Арсеньев

В ДЕБРЯХ УССУРИЙСКОГО КРАЯ

По Уссурийскому
краю

Дерсу Узала

Annotation

В книгу вошли лучшие произведения знаменитого путешественника, исследователя Дальнего Востока: «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала». В них рассказывается об экспедициях 1902—1906 гг. и 1907 г. В первом произведении читатель знакомится со следопытом Дерсу Узала. Дальнейшее развитие этот образ который стал классическим, нашёл в книге «Дерсу Узала».

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

- Дерсу Узала
 - Глава первая
 - Глава вторая
 - Глава третья
 - Глава четвёртая
 - Глава пятая
 - Глава шестая
 - Глава седьмая
 - Глава восьмая
 - Глава девятая
 - Глава десятая
 - Глава одиннадцатая
 - Глава двенадцатая
 - Глава тринадцатая
 - Глава четырнадцатая
 - Глава пятнадцатая
 - Глава шестнадцатая
 - Глава семнадцатая

- [Глава восемнадцатая](#)
- [Глава девятнадцатая](#)
- [Глава двадцатая](#)
- [Глава двадцать первая](#)
- [Глава двадцать вторая](#)
- [Глава двадцать третья](#)
- [Глава двадцать четвёртая](#)
- [Путешественник, учёный, писатель](#)
- [Алфавитный указатель русских и латинских названий растений и животных, упомянутых в тексте](#)
 - [а\) Ботанические названия](#)
 - [б\) Зоологические названия](#)

- notes

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17

- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)

- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)

- [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
-

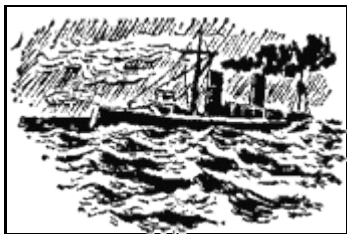

Дерсу Узала

*Посвящается
памяти Дерсу
Автор*

Глава первая

Отъезд

План экспедиции. — Мулы. —
Конское снаряжение. —
Инвентарь. — Питательные
базы. — Прибытие Дерсу. —
Помощь, оказанная моряками. —
Залив Петра Великого. — Остров
Аскольд. — Залив Преображения. —

*Плавание на миноносцах. —
Прибытие в залив Ольги. — Высадка
на берег. — Горбуша*

С января до апреля я был занят составлением отчётов за прошлую экспедицию и только в половине мая мог начать сборы в новое путешествие. В этих сборах есть всегда много прелести. Общий план экспедиции был давно уже предрешён, оставалось только разработать детали.

Теперь обследованию подлежала центральная часть Сихотэ-Алиня, между 45° и 47° северной широты, побережье моря от того места, где были закончены работы в прошлом

году, — значит, от бухты Терней к северу, сколько позволит время, и затем маршрут по Бикину до реки Уссури.

Организация экспедиции 1907 года в общих чертах была такая же, как и в 1906 году. Изменения были сделаны только по некоторым пунктам на основании прошлогоднего опыта.

Новый отряд состоял из девяти стрелков^[1], ботаника Н. А. Десулани, студента Киевского университета П. П. Бордакова и моего помощника А. И. Мерзлякова. В качестве вольнонаёмного препаратора пошёл брат последнего Г. И. Мерзляков. Лошади на этот раз были заменены

мулами. Обладая более твёрдым шагом, они хорошо ходят в горах и невзыскательны на корм, но зато вязнут в болотах. В отряде остались те же собаки: Леший и Альпа.

В конском снаряжении пришлось сделать некоторые изменения. Из опыта выяснилось, что путы — вещь малопригодная. Они цепляются за пни, кусты и сильно стесняют движения коней, иногда совершенно привязывая их к месту. Лошади часто их рвут и теряют, в особенности в сырую и дождливую погоду. Вместо пут мы купили канат для коновязи недоуздки в двойном числе и колокольчики.

В хозяйственной части тоже

пришлось кое-что изменить. Например, мы совершенно отказались от медных чайников. Они тяжелы, требуют постоянной полуды, у них часто отпаиваются носики. Несравненно лучше простые алюминиевые котелки разного диаметра. Они прочны, дешёвы, легки и при переноске вкладываются один в другой. Для ловли рыбы в реках мы захватили с собой маленький бредень.

Самое важное в походе — уметь предохранить спички от сырости: сплошь и рядом случается вымокнуть до последней нитки. В таких случаях никакая обёртка из коней или резины не помогает. Во время

ненастья спички не загораются далее тогда, когда они не были подмочены. Самое лучшее средство — укупорить спички в деревянную коробку с хорошо пригнанной крышкой. От сырости дерево разбухает, и крышка ещё плотней прижимается к краям коробки. Этот неприкосновенный запас спичек я хранил в своей сумке. Стрелкам для табака были куплены резиновые кисеты с затяжными завязками. Кроме того, на всякий случай мы захватили с собой целлулоид, кремьень, огниво, трут и жжёную тряпку.

Инструменты и приборы были те же, что и в прошлом году. Только прибавился плотничий инструмент:

бурав диаметром в 8 миллиметров, рубанок, долото, напильник и поперечная пила с разводкой. Фотографические пластинки для предохранения от сырости были запаяны в цинковые коробки — в каждой по дюжине. Не были забыты и подарки для туземных женщин и детей в виде бус, пуговиц, гаруса, шёлковых ниток, иголок, зеркал, перочинных ножииков, серёг, колец, разных брелоков, цепочек, стекляруса и т. д. Самыми ценными подарками для мужчин были топоры, пилы, берданки кавалерийского образца и огнеприпасы.

За месяц вперёд А. И. Мерзляков был командирован во Владивосток за

покупкой мулов для экспедиции. Валено было приобрести животных некованных, с крепкими копытами. Мерзлякову поручено было отправить мулов на пароходе в залив Рында, где и оставить их под присмотром трёх стрелков, а самому ехать дальше и устроить на побережье моря питательные базы. Таких баз намечено было пять: в заливе Джигит, в бухте Терней, на реке Такеме, на реке Амагу и на реке Кумуху, у мыса Кузнецова.

В апреле всё было закончено, и А. И. Мерзляков выехал во Владивосток. Надо было ещё исполнить некоторые предварительные работы, и потому я

остался в Хабаровске ещё недели на две.

Я воспользовался этой задержкой и послал Захарова в Анучино искать Дерсу. Он должен был вернуться к Уссурийской железной дороге и ждать моих распоряжений.

От села Осиновки Захаров поехал на почтовых лошадях, заглядывая в каждую фанзу и расспрашивая встречных, не видел ли кто-нибудь старика гольда из рода Узала. Немного не доезжая урочища Анучино, в фанзочке на краю дороги, он застал какого-то туземного охотника, который увязывал котомку и разговаривал сам с собою.

На вопрос, не знает ли он гольда Дерсу Узала, охотник отвечал:

— Это моя.

Тогда Захаров объяснил ему, зачем он приехал. Дерсу тотчас стал собираться. Переночевали они в Анучине и наутро отправились обратно. 13 июня я покончил свои работы и распрощался с Хабаровском. На станции Ипполитовке Захаров и Дерсу прожили четверо суток, затем по моей телеграмме вышли к поезду и сели в наш вагон.

Я очень обрадовался приезду Дерсу. Целый день мы провели с ним в разговорах. Гольд рассказывал мне о том, как в верховьях реки Санда-

Ваку зимой он поймал двух соболей, которых выменял у китайцев на одеяло, топор, котелок и чайник, а на оставшиеся деньги купил китайской дрели, из которой сшил себе новую палатку. Патроны он купил у русских охотников; удэгейские женщины сшили ему обувь, штаны и куртку. Когда снега начали таять, он перешёл в урочище Анучино и здесь жил у знакомого старика гольда. Видя, что я долго не являюсь, он занялся охотой и убил пантача-оленья.

Между прочим, в Анучине его обокрали. Там он познакомился с каким-то промышленником и по своей наивной простоте рассказал ему о том, что соболевал зимою на

реке Баку и выгодно продал соболей. Промышленник предложил ему зайти в кабак и выпить вина. Дерсу охотно согласился. Почувствовав в голове хмель, гольд отдал своему новому приятелю на хранение все деньги. На другой день, когда Дерсу проснулся, промышленник исчез. Дерсу никак не мог этого понять. Люди его племени всегда отдавали друг другу на хранение меха и деньги, и никогда ничего не пропадало^[2].

В то время правильного пароходного сообщения по побережью Японского моря не существовало. Переселенческое управление первый раз, в виде опыта,

застраховало пароход «Эльдорадо», который ходил только до залива Джигит. Определённых рейсов ещё не было, и сама администрация не знала, когда вернётся пароход и когда он снова отправится в плавание.

Нам не повезло. Мы приехали во Владивосток два дня спустя после ухода «Эльдорадо». Меня выручили П. Г. Тигерстедт и А. Н. Пель, предложив отправиться с ними на миноносцах. Они должны были идти к Шантарским островам и по пути обещали доставить меня и моих спутников в залив Джигит^[3].

Двадцать второго июня, после полудня, мы перебрались на суда. Вечером в каюте беседы наши с

морьяками затянулись далеко за полночь. Я рассчитывал хорошо уснуть, но не удалось. Задолго до рассвета поднялся сильный шум снимались с якоря. Я оделся и вышел на палубу. Занималась заря; от воды поднимался густой туман; было холодно и сыро. Чтобы не мешать матросам, я спустился обратно в каюту, достал из чемодана тетради и начал свой дневник. Вскоре лёгкая качка известила о том, что мы вышли в открытое море. Шум на палубе стал стихать.

На морской карте Лаперуза 1787 года залив Петра Великого называется заливом Виктории. Посредством Альбертова

полуострова (ныне называемого полуостровом Муравьёва-Амурского) и Евгениева архипелага (острова Русский, Шкота, Попова, Рейнеке и Кикорд) он делится на две части: залив Наполеона (Уссурийский залив) и бухту Герин (Амурский залив)^[4].

Часов около десяти с половиной миноносцы были на траверсе острова Аскольда, называемого китайцами Циндао, что значит — Зелёный остров ($42^{\circ}47'$ северной широты и $160^{\circ}2'$ восточной долготы от острова Ферро, знак на мысе Северо-западном).

Этот какими-то силами оторванный от материка кусок суши

с высокими скалистыми берегами имеет форму подковы, обращённой открытой стороной к югу. Продолжением его по направлению к материку будет остров Путятин и мыс Майдль. Ныне Аскольд известен как естественный питомник пятнистых оленей.

Лет пятнадцать тому назад здесь было до четырёх тысяч оленей. Вследствие браконьерства, глубоких снегов и прогрессивного ухудшения подножного корма животные стали быстро сокращаться в числе, и теперь на всём острове их насчитывается не более полутора ста голов. Выбирая только кормовые травы, олени тем самым способствовали

распространению по острову растений, негодных для корма. Полная изоляция и кровосмешение уменьшили плодovitость до минимума. Олени вымрут, если к ним не будет влита новая кровь с материка. Владивостокское общество любителей охоты, которому принадлежал тогда остров, мало думало об этом, и в настоящее время Аскольдский питомник на краю гибели.

Другой

достопримечательностью острова будет золотой прииск. Разработка производится раздроблением рудной породы и затем извлечением из неё золота при помощи

амальгамирования ртутью.

В открытом море нам встретились киты-полосатики и касатки. Киты плыли медленно в раз взятом направлении, мало обращая внимания на миноносцы, но касатки погнались за судами и, когда поравнялись с нами, начали выскакивать из воды. Стрелок Загурский стрелял; два раза он промахнулся, а в третий раз попал. На воде появилось большое кровавое пятно. После этого все касатки сразу исчезли.

К сумеркам мы дошли до залива Америка и здесь заночевали, а на другой день отправились дальше. После полудня 27 июня мы обогнули

мыс Поворотный и взяли курс на НО (норд-ост). Часа в четыре дня погода начала портиться, с востока стал надвигаться туман, и, хотя ветра ещё не было, море сильно волновалось. Это объясняется тем, что волны часто обгоняют ветер.

Миноносцы шли осторожно, ощупью, соразмеряя свой ход с показаниями лага. Надо удивляться, как в темноте и в таком тумане моряки разыскали залив Преображения и через узкий проход прошли в бухту ($42^{\circ} 54'$ северной широты и $151^{\circ} 34'$ восточной долготы).

Ночью поднялся сильный ветер, и море разбушевалось. Утром,

несмотря на непогоду, миноносцы снялись с якоря и пошли дальше. Я не мог сидеть в каюте и вышел на палубу. Следом за «Грозным» шли другие миноносцы в кильватерной колонне. Ближайшим к нам был миноносец «Бесшумный». Он то спускался в глубокие промежутки между волнами, то вновь взбегал на валы, увенчанные белыми гребнями. Когда пенистая волна накрывала лёгкое судёнышко с носа, казалось, что вот-вот море поглотит его совсем, но вода скатывалась с палубы, миноносец всплывал на поверхность и упрямо шёл вперёд. Когда мы вошли в залив Ольги, было уже темно. Мы решили провести

ночь на суше и потому съехали на берег и развели костёр.

Дерсу, против ожидания, легко перенёс морскую качку. Он и миноносец считал живым существом.

— Моя хорошо понимай — его, — он указывал на миноносец «Грозный», — сегодня шибко сердился.

Мы уселись у костра и стали разговаривать. Наступила ночь. Туман, лежавший доселе на поверхности воды, поднялся кверху и превратился в тучи. Раза два принимался накрапывать дождь. Вокруг нашего костра было темно — ничего не видно. Слышно было, как

ветер трепал кусты и деревья, как неистовствовало море и лаяли в селении собаки.

Наконец стало светать. Вспыхнувшую было на востоке зарю тотчас опять заволокло тучами. Теперь уже всё было видно: тропу, кусты, камни, берег залива, чью-то опрокинутую вверх дном лодку. Под ней спал китаец.

Я разбудил его и попросил подвезти нас к миноносцу.

На судах ещё кое-где горели огни. У трапа меня встретил вахтенный начальник. Я извинился за беспокойство, затем пошёл к себе в каюту, разделся и лёг в постель.

За ночь море немного

успокоилось, ветер стих, и туман начал рассеиваться. Наконец выглянуло солнце и осветило угрюмые скалистые берега.

Тридцатого числа вечером миноносцы дошли до залива Джигит. П. Г. Тигерстедт предложил мне переночевать на судне, а завтра с рассветом начать выгрузку. Всю ночь качался миноносец на мёртвой зыби. Качка была бортовая, и я с нетерпением ждал рассвета. С каким удовольствием мы все сошли на твёрдую землю! Когда миноносцы стали сниматься с якоря, моряки помахали нам платками, мы ответили им фуражками.

В рупор ветром донесло:

«Желаем успеха!» Минут через десять миноносцы скрылись из виду.

Местом высадки был назначен залив Джигит, а не бухта Терней, на том основании, что там, вследствие постоянного прибоя, нельзя выгружать мулов.

Как только ушли миноносцы, мы стали ставить палатки и собирать дрова. В это время кто-то из людей пошёл за водою. Он вернулся и сообщил, что в устье реки бьётся много рыбы. Стрелки закинули неводок и поймали столько рыбы, что не могли вытащить сеть на берег. Пойманная рыба оказалась горбушей (*Oncorhynchus gorbusha* W.). Вместе с нею попали ещё две небольшие

рыбки: огуречник (*Osmerus eperlanus dentex* Stn.) — род корюшки с тёмными пятнами по бокам и на спине (это было очень странно, потому что идёт она вдоль берега моря и никогда не заходит в реки) и колюшка (*Pygosteus sinensis* Guich.) — обитательница заводей и слепых рукавов, вероятно снесённая к устью быстрым течением реки.

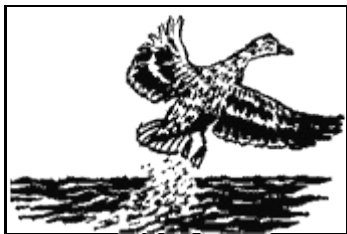
Горбуша не имела ещё такого безобразного вида, который она приобретает впоследствии, хотя челюсти её начали уже немного загибаться и на спине появился небольшой горб. Я распорядился взять только несколько рыб, а остальных пустить обратно в воду.

Все с жадностью набросились на горбушу, но она скоро приелась, и потом уже никто не обращал на неё внимания.

После полудня мы с Н. А. Десулави пошли осматривать окрестности. Он собирал растения, а я охотился.

Глава вторая

Пребывание в заливе

*Залив Рында. — Вечные
переселенцы. — Приспособляемость
к местным условиям жизни. —
Взгляд на туземцев. — Первобытный
коммунизм. — Таинственные*

следы. — Люди, скрывающиеся в тайге. — Золотая лихорадка. — Экспедиция к заливу Пластун. — Туман. — Потерянный трофей. — Бессонная ночь. — Случайная находка. — Стрельба по утке. — Состязание. — Выстрелы гольда. — Дерсу успокаивает стрелков. — Сказка «О рыбаке и рыбке». — Мнение гольда

Залив Рында находится под $44^{\circ}47'$ северной широты и $13^{\circ}22'$ восточной долготы от Гринвича и состоит из двух заливов: северного, именуемого Джигитом, и южного — Пластуна. Оба они открыты со стороны моря и потому во время

непогоды не всегда дают судам защиту. Наибольшая глубина их равна 25-28 метрам. Горный хребет, разделяющий оба упомянутых залива, состоит из кварцевого порфира и порфирита со включением вулканического стекла. Чем ближе к морю, тем горы становятся ниже и на самом берегу представляются холмами высотой от 400 до 580 метров.

На прибрежных лугах около кустарников Десулави обратил моё внимание на следующие растения, особенно часто встречающиеся в этих местах: астру (*Aster tataricus* L.) с удлинёнными ромбовидными и зазубренными листьями, имеющую

цветы фиолетово-жёлтые с белым
хохолком величиной с копейку,
расположенные красивой метёлкой;
особый вид астрогала (*Astragalus*
membranaceus Fisch.), корни которого
в массе добывают китайцы для
лекарственных целей, — это крупное
многолетнее растение имеет
ветвистый стебель, мелкие листья и
многочисленные мелкие бледно-
жёлтые цветы; крупную живокость
(*Delphinium maackianum* Rgl.) с синими
цветами, у которой вся верхняя часть
покрыта нежным пушком;
волосистый журавельник (*Geranium*
wlassovianum Fisch.) с грубыми,
глубоко надрезанными листьями и
нежными малиновыми цветами;

тёмно-пурпуровую кровохлёбку (*Sanguisorba officinalis* L.) с её оригинальными перистыми листьями; крупнолистную горечавку (*Gentiana macrophylla* Pall.) — растение с толстым корнем и толстым стеблем и с синевато-фиолетовыми цветами, прикрытыми длинными листьями; и наконец из числа сложноцветных *Saussurea maximoviczii* Herd., имеющую высокий стройный стебель, зазубренные лировидные листья и фиолетовые цветы.

Из пернатых в этот день мы видели сокола-сапсана. Он сидел на сухом дереве на берегу реки и, казалось, дремал, но вдруг завидел

какую-то птицу и погнался за нею. В другом месте две вороны преследовали сорокопута. Последний прятался от них в кусты, но вороны облетали куст с другой стороны, прыгали с ветки на ветку и старались всячески поймать маленького разбойника. Тут же было несколько овсянок: маленькие рыженькие птички были сильно встревожены криками сорокопута и карканьем ворон и поминутно то садились на ветки деревьев, то опускались на землю.

В окрестностях залива Рында есть пятнистые олени. Они держатся на полуострове Егорова, окаймляющем залив с северо-

востока. Раньше их здесь было гораздо больше. В 1904 году выпали глубокие снега, и тогда много оленей погибло от голода.

Дня через три, 7 июля, пришёл пароход «Эльдорадо», но мулов на нём не было. Приходилось, значит, ждать другой okazji. На этом пароходе в Джигит приехали две семьи староверов. Они выгрузились около наших палаток и заночевали на берегу. Вечером я подошёл к огню и увидел старика, беседующего с Дерсу. Удивило меня то обстоятельство, что старовер говорил с гольдом таким приятельским тоном, как будто они были давно знакомы между собою. Они

вспоминали каких-то китайцев, говорили про тазов и многих называли по именам.

Должно быть, вы раньше встречали друг друга? — спросил я старика.

Как же, как же, — отвечал старовер, — я давно знаю Дерсу. Он был ещё молодым, когда мы вместе с ним ходили на охоту.

И опять они принялись делиться воспоминаниями: вспомнили, как ходили за пантами, как стреляли медведей, вспоминали какого-то китайца, которого называли Косозубым, вспоминали переселенцев, которых называли странными прозвищами — Зелёный

Змий и Деревяное Ботало. Первый, по их словам, отличался злобным характером, второй — чрезмерной болтливостью. Гольд отвечал и смеялся от души. Старик угощал его мёдом и калачиками. Мне приятно было видеть, что Дерсу любят. Старовер пригласил меня присесть к огню, и мы разговорились.

Дерсу не дождался конца нашей беседы и ушёл, а я ещё долго сидел у старика и слушал его рассказы. Когда я собрался уходить, случайно разговор опять перешёл на Дерсу.

— Хороший он человек, правдивый, — говорил старовер. — Одно только плохо — нехристь он, азиат, в бога не верует, а вот, поди-ка,

живёт на земле все равно также, как и я. Чудно, право! И что с ним только на том свете будет?

— Да то же, что со мной и с тобой, — ответил я ему.

— Оборони, царица небесная, — сказал старовер и перекрестился. Я истинный христианин по церкви апостольской, а он что? Нехристь. У него и души-то нет, а пар.

Старовер с пренебрежением плюнул и стал укладываться на ночь. Я распрощался с ним и пошёл к своему биваку. У огня с солдатами сидел Дерсу. Взглянув на него, я сразу увидел, что он куда-то собирается. — Ты куда? — спросил я

его.

— На охоту, — отвечал он. —
Моя хочу один козуля убей — надо
староверу помогай, у него детей
много. Моя считал — шесть есть.

«Не душа, а пар», —
вспомнились мне слова старовера.
Хотелось мне отговорить Дерсу
ходить на охоту для этого «истинного
христианина по церкви
апостольской», но этим я доставил
бы ему только огорчение, и
воздержался.

На другой день утром Дерсу
возвратился очень рано. Он убил
оленья и просил меня дать ему лошадь
для доставки мяса на бивак. Кроме
того, он сказал, что видел свежие

следы такой обуви, которой нет ни у кого в нашем отряде и ни у кого из староверов. По его словам, неизвестных людей было трое. У двоих были новые сапоги, а у третьего старые, стоптанные, с железными подковами на каблуках. Зная наблюдательность Дерсу, я нисколько не сомневался в правильности его выводов.

Часам к десяти утра Дерсу возвратился и привёз с собой мясо. Он разделил его на три части. Одну часть отдал солдатам, другую — староверам, третью — китайцам соседних фанз.

Стрелки стали протестовать.

— Нельзя, — возразил Дерсу. —

Наша так не могу. Надо кругом люди давай. Чего-чего один люди кушай — грех.

Этот первобытный коммунизм всегда красной нитью проходил во всех его действиях. Трудами своей охоты он одинаково делился со всеми соседями, независимо от национальности, и себе оставлял ровно столько, сколько давал другим.

Дня через два я, Дерсу и Захаров переправились на другую сторону залива Джигит. Не успели мы отойти от берега и ста шагов, как Дерсу опять нашёл чьи-то следы. Они привели нас к оставленному биваку. Дерсу принялся осматривать его с большим вниманием. Он установил,

что здесь ночевали русские — четыре человека, что приехали они из города и раньше никогда в тайге не бывали. Первое своё заключение он вывел из того, что на земле валялись коробки из-под папирос, банки из-под консервов, газета и корка такого хлеба, какой продаётся в городе. Второе он усмотрел из неумелого устройства бивака, костра и, главное, по дровам. Видно было, что ночевавшие собирали всякий рухляк, какой попадался им под руку, причём у одного из них сгорело одеяло.

С тех пор всё чаще и чаще приходилось слышать о каких-то людях, скрывающихся в тайге. То

видели их самих, то находили биваки, лодки, спрятанные в кустах, и т. д. Это становилось подозрительным. Если бы это были китайцы, мы усмотрели бы в них хунхузов. Но, судя по следам, это были русские.

Каждый день приносил что-нибудь новое. Наконец недостаток продовольствия принудил этих таинственных людей выйти из лесу. Некоторые из них явились к нам в бивак с просьбой продать им сухарей. Естественно, начались расспросы, из которых выяснилось следующее.

Во Владивостоке в начале этого года разнёсся слух, что в

окрестностях залива Джигит
находятся богатейшие золотые
россыпи и даже алмазы. Масса
безработных в надежде на скорое и
лёгкое обогащение бросилась на
побережье моря. Они пробирались
туда на лодках, шхунах и на
пароходах, небольшими партиями.
Высадившись где-нибудь на берег
около Джигита, они пешком, с
котомками за плечами, тайком
пробирались к воображаемому
Эльдорадо. Золотая лихорадка
охватила всех: и старых и молодых. И
в одиночку, и по двое, и по трое,
перенося всяческие лишения,
усталые, обеспокоенные долгими и
тщетными поисками, эти

несчастные, по существу душевнобольные, люди бродили в горах в надежде найти хоть крупинку золота. Они тщательно скрывали цели своего приезда, прятались в горах и нарочно распускали самые нелепые слухи, лишь бы сбить с толку своих конкурентов. Они все перессорились между собою и начали следить друг за другом. Когда без всяких данных одна партия шла искать золото в какой-нибудь распадок, другой казалось, что именно там-то и есть алмазы. Эта другая партия старалась опередить первую, и нередко дело доходило до кровопролития. Видя, что золото не так-то легко найти и что для этого

нужны опыт, время и деньги, они решили поселиться тут же, где-нибудь поблизости. Тогда они отправились во Владивосток и, получив в переселенческом управлении денежные пособия, возвратились назад в качестве переселенцев. Часть золотоискателей поселилась в бухте Терней.

В заливе Джигит нам пришлось просидеть около двух недель. Надо было дождаться мулов во что бы то ни стало. Без вьючных животных мы не могли тронуться в путь. Воспользовавшись этим временем, я занялся обследованием ближайших окрестностей по направлению к

заливу Пластун, где в прошлом году у Дерсу произошла встреча с хунхузами. Один раз я ходил на реку Кулёму и один раз на север по побережью моря.

По возвращении с этих работ я занялся вычерчиванием съёмок. Н. А. Десулави ботанизировал на берегу моря, а П. П. Бордаков все эти дни проводил с Дерсу. Он расспрашивал его об охоте на тигров, о религии и загробной жизни.

Два дня я просидел в палатке, не отрываясь от планшета. Наконец был нанесён последний штрих и поставлена точка.

Я взял ружьё и пошёл на охоту за козулями.

У правого края долины Иодзыхе
тянутся пологие заболоченные увалы,
покрытые тощею травой,
кустарниками леспедыцы и
редколесьем из дуба, липы и белой
берёзы. Между увалами вода
промыла длинные овраги. Сюда я и
направил свои стопы. Хотя день был
солнечный, но со стороны моря
ветром гнало туман. Он не проникал
далеко на материк и скоро
рассеивался в воздухе. Это обычное
явление, хорошо известное жителям
прибрежного района. В то время как
на берегу моря бывает пасмурно и
сыро, в горах ясно, сухо и тепло. В
сфере нагретого воздуха конденсация
пара прекращается, и он становится

невидимым для глаза.

Отойдя от бивака километра четыре, я нашёл маленькую тропинку и пошёл по ней к лесу. Скоро я заметил, что ветки деревьев стали хлестать меня по лицу. Наученный опытом, я понял, что тропа эта зверовая, и, опасаясь, как бы она не завела меня куда-нибудь далеко в сторону, бросил её и пошёл целиною. Здесь я долго бродил по оврагам, но ничего не нашёл.

Большая часть дня уже прошла. Приближался вечер. По мере того как становилось прохладнее, туман глубже проникал на материк. Словно грязная вата, он спускался с гор в долины, распространяясь шире и

шире и поглощая всё, с чем приходил в соприкосновение. В это время выбежали две козули. Я быстро поднял ружьё и выстрелил. Одна козуля упала, другая отбежала немного и остановилась. Я выстрелил второй раз. Она споткнулась, но тотчас оправилась и медленно пошла в кусты. Не теряя времени, я погнался за подранком, но не мог догнать его. Опасаясь потерять ту козулю, которая была уже убита, я повернул назад. Место, где лежал козёл, я хорошо не запомнил и, вероятно, прошёл мимо него. Тогда я принялся искать его в другом направлении, но тщетно. Кусты и деревья были донельзя

похожи друг на друга. Животное пропало, точно провалилось сквозь землю. Я решил вернуться на бивак, а завтра прийти сюда с людьми и возобновить поиски.

Выбрав направление, которое мне казалось правильным, я пошёл вдоль оврага.

Вдруг радиус моего кругозора стал быстро сокращаться: навалился густой туман. Точно стеной отделил он меня от остального мира. Теперь я мог видеть только те предметы, которые находились в непосредственной близости от меня. Из тумана навстречу мне поочерёдно выдвигались то лежащее на земле дерево, то куст лозняка, пень, кочка

или ещё что-нибудь в этом роде.

В такую погоду сумерки наступают рано. Чтобы не заблудиться, я решил вернуться на тропинку. По моим соображениям, она должна была находиться слева и сзади. Прошёл час, другой, а тропинка не попадалась. Тогда я переменял направление и пошёл по оврагу, но он стал загибать в сторону. Ночёвка в лесу без огня в прошлом году на реке Арзамасовке не послужила мне уроком: я опять не захватил с собой спичек. На выстрелы в воздух ответных сигналов не последовало. Я устал и сел отдохнуть на валежник, но тотчас почувствовал, что начинаю зябнуть.

Холодная сырость принудила меня подняться и идти дальше. Должно быть, взошла луна; сквозь туман её не было видно, но на земле стало светлее. Часа два ещё я бродил наудачу. Местность была поразительно однообразна: поляны, перелески, овраги, кусты, отдельные деревья и валежник на земле — всё это было так похоже друг на друга, что по этим предметам никак нельзя было ориентироваться. Наконец я окончательно выбился из сил и, подойдя к первому лежащему на земле дереву, сел на него, опершись спиной на сук, и задремал. Я сильно зяб, постоянно вскакивал и топтался на одном месте. Так промаялся я до

утра. Рядом лежало другое дерево. Оно показалось мне знакомым. Я подошёл к нему и узнал именно то, на котором я сидел первый раз.

Наконец стало светать. В воздухе разлился неясный серовато-синий свет тумана. Туман казался неподвижным и сонным; трава и кусты были мокрые. Мало-помалу начали просыпаться пернатые обитатели леса. Откуда-то появилась ворона. Она каркнула один раз и лениво полетела через поляну. За ней проснулись дятлы, лесные голуби и сизоворонки. Когда стало совсем светло, я стряхнул с себя сонливость и уверенно пошёл по краю оврага. Не успел я сделать и девяти шагов от

валежника, на котором дремал, как сразу натолкнулся на мёртвого козла.

Оказалось, что я всё время кружил около него. Досадно мне было за бессонную ночь, но тотчас же это досадное чувство сменилось радостью: я возвращался на бивак не с пустыми руками. Это невинное тщеславие свойственно каждому охотнику.

Скоро стало совсем светло. Солнца не было видно, но во всём чувствовалось его присутствие. Туман быстро рассеивался, кое-где проглянуло синее небо, и вдруг яркие лучи прорезали мглу и осветили мокрую землю. Тогда всё стало ясно, стало видно, где я нахожусь и куда

надо идти. Станным мне показалось, как это я не мог взять правильное направление ночью. Солнышко пригрело землю, стало тепло, хорошо, и я прибавил шаг.

Через два часа я был на биваке. Товарищи не беспокоились за меня, думая, что я заночевал где-нибудь в фанзе у китайцев. Напившись чаю, я лёг на своё место и уснул крепким сном.

Несколько дней спустя после этого мы занимались пристрелкой из ружей. Людям были розданы патроны и указана цель для стрельбы с упора. По окончании пристрелки солдаты стали просить разрешения открыть вольную стрельбу. Стреляли

они в бутылку, стреляли в белое пятно на дереве, потом в круглый камешек, поставленный на краю утёса.

Вдруг откуда-то взялась нырковая утка. Не обращая внимания на стрельбу, она спустилась на воду недалеко от берега. Захаров и Сабитов стали в неё целить, и так как каждому хотелось выстрелить первому, то оба горячились, волновались и мешали друг другу. Два выстрела произошли почти одновременно. Одна пуля сделала недолёт, а другая всплеснула воду далеко за уткой. Испуганная птица нырнула и вновь всплыла на поверхность воды, но уже дальше от

берега. Тогда в неё выстрелил Захаров и тоже не попал. Пуля ударилась в воду совсем в сторону. Утка опять нырнула. Солдаты бросили стрельбу в пятнышко и, выстроившись на берегу в одну линию, открыли частый огонь по уходящей птице, и чем больше они горячились, тем дальше отгоняли птицу. По моим соображениям, она была теперь в шагах трёхстах, если не больше. В это время на бивак возвратился Дерсу. Взглянув на него, я сразу понял, что он был навеселе. На лице его играла улыбка. Подойдя к палаткам, он остановился и, прикрыв рукою глаза от солнца, стал смотреть, в кого стреляют солдаты.

Как раз в этот момент выстрелил Калиновский. Пуля сделала такой большой недолёт, что даже не напугала птицу. Узнав, что стрелки не могли попасть в утку тогда, когда она была близко, он подошёл к ним, и, смеясь, сказал:

— Ваша хорошо стреляли. Теперь моя хочу утку гоняй. Сказав это, он быстро поднял своё ружьё и, почти не целясь, выстрелил. Крик удивления вырвался у всех сразу. Пуля ударила под самую птицу так, что обдала её водой. Утка до того была напугана, что с криком сорвалась с места и, отлетев немного, нырнула в воду. Спустя несколько минут она показалась на

поверхности, но уже значительно дальше. С поразительной быстротой Дерсу опять вскинул винтовку и опять выстрелил. Если бы утка не взлетела на воздух, можно было бы подумать, что пуля ударила именно в неё. Теперь птица отлетела очень далеко. Чуть-чуть её можно было рассмотреть простым глазом. Мы взяли бинокли. Дерсу смеялся и подтрунивал над солдатами. Дмитрий Дьяков, который считал себя хорошим стрелком, стал доказывать, что выстрелы Дерсу были случайными и что он стреляет не хуже гольда. Товарищи предложили ему доказать своё искусство. Дьяков сел на одно

колени, долго приспособлялся и долго целился, наконец спустил курок. Пуля сделала рикошет далеко перед уткой. Птица нырнула, но тотчас же опять показалась на поверхности. Тогда Дерсу медленно поднял своё ружьё, прицелился и выстрелил. В бинокль видно было, как пуля опять вспенила воду под самой уткой.

Вероятно, такое состязание в стрельбе длилось бы ещё долго, если бы сама утка не положила ему конец: она снялась с воды и полетела в открытое море.

Вечером я слышал у стрелков громкие разговоры. По настроению я догадался, что они немного выпили.

Оказалось, что Дерсу притащил с собой бутылку спирта и угостил им солдат. Вино разгорячило людей, и они начали ссориться между собой.

— Не надо ругаться, — сказал им тихо Дерсу, — слушайте лучше, я вам песню спою. — И, не дождавшись ответа, он начал петь свои сказки.

Сначала его никто не слушал, потом притих один спорщик, за ним другой, третий, и скоро на таборе совсем стало тихо, Дерсу пел что-то печальное, точно он вспомнил родное прошлое и жаловался на судьбу. Песнь его была монотонная, но в ней было что-то такое, что затрагивало самые чувствительные

струны души и будило хорошие чувства. Я присел на камень и слушал его грустную песню. «Поселись там, где поют; кто поёт, тот худо не думает», — вспомнилась мне старинная швейцарская пословица.

Уже смерклось совсем, зажглись яркие звёзды; из-за гор подымалась луна. Её ещё не было видно, но бледный свет уже распространился по всему небу.

Подвыпившие стрелки уснули, а Дерсу все ещё пел свою песню, и пел он её теперь вполголоса — для себя. Я вернулся в палатку, лёг на постель и тоже уснул.

На другой день вечером, сидя у

костра, я читал стрелкам сказку «О рыбаке и рыбке». Дерсу в это время что-то тесал топором. Он перестал работать, тихонько положил топор на землю и, не изменяя позы, не поворачивая головы, стал слушать. Когда я кончил сказку, Дерсу поднялся и сказал:

— Верно, такой баба много есть. — Он даже плюнул с досады и продолжал: — Бедный старик. Бросил бы он эту бабу, делал бы оморочку да кочевал бы на другое место.

Мы все расхохотались. Сразу сказался взгляд бродячего туземца. Лучший выход из этого положения, по его мнению, был — сделать лодку

и перекочевать на другое место.

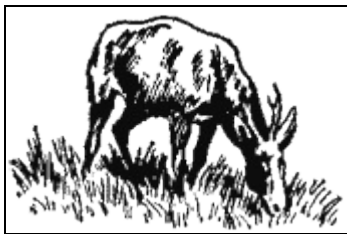
Поздно вечером я подошёл к костру. На дровах сидел Дерсу и задумчиво глядел на огонь. Я спросил его, о чём он думает.

— Шибко жалко старика. Его был смирный люди. Сколько раз к морю ходи, рыбу кричи, — наверно, совсем стоптал свои унты.

Видно было, что сказка «О рыбаке и рыбке» произвела на него сильное впечатление. Поговорив с ним ещё немного, я вернулся в свою палатку.

Глава третья

Первый поход

Выступление. — Дерсу находит отряд по следам. — Река Иодзыхе и река Литянгоу. — Население. — Притоки реки Иодзыхе. — Лудева. — Тайга. — Пауки. — Да-Синанца и её притоки. — Затяжные дожди. — Горбатый таз и его семья. —

Бегство тазов от китайцев. — Сон Дерсу и поминки по усопшим

Наконец, после долгого ожидания, в конце июня на пароходе «Эльдорадо» прибыли наши мулы. Это было радостное событие, выведшее нас из бездействия и позволившее выступить в поход.

Пароход стал шагах в четырёхстах от устья реки. Мулы были спущены прямо на воду. Они тотчас же сориентировались и поплыли к берегу, где их уже ожидали стрелки.

Двое суток мы пригоняли к мулам седла и налаживали вьюки. 30 июня была последняя днёвка, а на

следующий день, 1 июля, мы тронулись в путь.

На реке Иодзыхе наш отряд разделился. Я, Н. А. Десулави и П. П. Бордаков с частью команды отправились на реку Синанцу^[5], а А. И. Мерзляков с остальными людьми пошёл вверх по реке Литянгоу^[6]. Около последних тазовских фанз, в северо-западном углу долины, нам надлежало разойтись. В это время ко мне подошёл Дерсу и попросил разрешения остаться на один день у тазов. Завтра к вечеру он обещал нас догнать. Я высказал опасения, что он может нас не найти. Гольд громко засмеялся и сказал:

— Тебе иголка нету, птица тоже

нету — летай не могу. Тебе земля ходи, нога топчи, след делай. Моя глаза есть — посмотри.

На это у меня уже не было возражений. Я знал его способность разбираться в следах и согласился. Мы пошли дальше, а он остался на реке Иодзыхе. На второй день утром Дерсу действительно нас догнал. По следам он узнал всё, что произошло у нас в отряде: он видел места наших привалов, видел, что мы долго стояли на одном месте — именно там, где тропа вдруг сразу оборвалась, видел, что я посылал людей в разные стороны искать дорогу. Здесь один из стрелков переобувался. Из того, что на земле валялся кусочек тряпки с

кровью и клочок ваты, он заключил, что кто-то натёр ногу, и т. д. Я привык к его анализу, но для стрелков это было откровением. Они с удивлением и любопытством поглядывали на гольда.

Река Иодзыхе^[7] (по-удэгейски — Иеньи) на морских картах названа Владимировкой и почему-то показана маленьким ручейком. Долина её — шириною около трёх вёрст и имеет левый край возвышенный и гористый, а правый — пологие увалы, поросшие редкой осиной, берёзой, ольхой и лиственницей. Уловить, где именно долина переходит в горы, нельзя. Выше по реке картина меняется, и

горы принимают резко выраженный характер.

Здесь, кроме дуба (*Quercus mongolica* Fisch.), растут: чёрная и белая берёза (*Betula cianurica* Pall, et *Betula latifolia* Tausch.), китайский ясень (*Fraxinus phynchophula* Hancf.), орех (*Juglans manshurica* Maxim.), клён (*Acer mono* Maxim.), пихта (*Abies nepholepis* Maxim.), пробковое дерево (*Phelolodndron amurense* Rupr.), тис (*Taxus cuspidata* S. et ?.), акация Маака (*Maackia amurensis* Rupr. Maxim.), осина (*Populus tremula* L.) и липа (*Tilia amurensis* Rupr.), а из кустов — лещина (*Corylus heterophula* Fisch.), боярышник (*Crataegus manschurica* Buke), калина (*Viburnum*

sargenti Koehne), таволга (*Spiraea salicifolia* L.) и леспедеца (*Lespedeza bicolor* Turcz.).

Река Иодзыхе близ устья разбивается на множество рукавов, из которых один подходит к правой стороне долины. Место это староверы облюбовали для своего будущего посёлка.

Тропа от моря идёт вверх по долине так, что все протоки Иодзыхе остаются от неё вправо, но потом, как раз против устья Дунгоу, она переходит реку вброд около фанз, расположенных у подножия широкой террасы, состоящей из глины, песка и угловатых обломков.

Реку Иодзыхе было бы

справедливо назвать «козьей рекой». Нигде я не видел так много этих грациозных животных, как здесь.

Сибирская козуля (*Capreolus pygargus* Pal.) крупнее европейской. Сжатое с боков тело её имеет в длину полтора метра и в высоту 87 сантиметров. Красивая притуплённая голова с большими подвижными округлёнными ушами сидит на длинной шее и у самцов украшена двумя маловетвистыми рогами, на конце вильчатыми и имеющими не более шести отростков. Окраска тела у козули летом тёмно-ржавая, зимою — буро-серая. Сзади на ляжках, около хвоста, цвет шерсти белый. Хвост очень заметён, когда козуля

бежит, сильно вскидывая задом. Охотники называют это пятно «зеркалом». Защитная окраска делает её совершенно невидимой: цвет шерсти животного сливается с окружающей обстановкой и видно одно только мелькающее белое «зеркало».

Осенью, в октябре, козуля большими табунами оставляет лесистые местности Уссурийского края и перекочёвывает в Маньчжурию. Впрочем, некоторая часть животных остаётся в приханкайских степях. Заметив место, где табуны коз переплывали через реку, казаки караулили их и избивали во множестве, не разбирая

ни пола, ни возраста. С проведением железной дороги и заселением долины Уссури сибирская козуля перестала совершать такие кочёвки. Убой животных на переправах сошёл на нет, и о таких ходах нынче сохранились только воспоминания.

В общем, дикая коза — пугливое животное, вечно преследуемое четвероногими хищниками и человеком. Она всегда держится настороже и старается уловить малейший намёк на опасность при помощи слуха и обоняния. Любимым местопребыванием козули являются лиственные леса, и только вечером она выходит пастись на поляны. Даже и здесь, при полной тишине и

спокойствии, козуля всё время оглядывается и прислушивается. Убегая в испуге, козуля может делать изумительно огромные прыжки через овраги, кусты и завалы буреломного леса. В Уссурийском крае козуля обитает повсюду, где только есть поляны и выгоревшие места. Она не выносит высоких гор, покрытых осыпями, и густых хвойных лесов.

Охотятся на козулю ради её мяса. Зимние шкурки идут на устройство спальных мешков, кухлянок и дох; рога продаются по три рубля за пару.

Любопытно, что козуля охотно мирится с присутствием других

животных и совершенно не выносит изюбра. В искусственных питомниках, при совместной жизни, она погибает. Это особенно заметно на солонцах. Если такие солонцы сперва разыщут козы, они охотно посещают их до тех пор, пока не придут олени. Охотники неоднократно замечали, что как только на солонцах побывали изюбры, козули покидают их на более или менее продолжительное время.

Редколесье в горах, пологие увалы, поросшие кустарниковой растительностью, и широкая долина реки Иодзыхе, покрытая высокими тростниками и полынью, весьма

благоприятны для обитания диких коз. Мы часто видели их выбегающими из травы, но они успевали снова так быстро скрываться в заросли, что убить не удалось ни одной.

Кое-где виднелась свежевзрытая земля. Так как домашних свиней содержат в загонах, то оставалось допустить присутствие диких кабанов, что и подтвердилось. А раз здесь были кабаны, значит, должны быть и тигры. Действительно, вскоре около реки на песке мы нашли следы одного очень крупного тигра. Он шёл вдоль реки и прятался за валежником. Из этого можно было заключить, что страшный зверь

приходил сюда не для утоления жажды, а на охоту за козулями и кабанами.

По рассказам тазов, месяца два тому назад один тигр унёс ребёнка от самой фанзы. Через несколько дней другой тигр напал на работавшего в поле человека и так сильно изранил его, что он в тот же день умер.

В долине реки Иодзыхе водится много фазанов. Они встречались чуть ли не на каждом шагу. Любимыми местами их обитания были заросли около пашен и плантаций снотворного мака, засеваемого китайцами для сбора опиума. Среди тальниковых зарослей по старицам и протокам изредка попадались и

рябчики. Они чем-то кормились на земле и только в случае тревоги взлетали на деревья. В воздухе кружилось несколько белохвостых орланов. Один из них вдруг начал спускаться к реке. Осторожно пробрался я по траве к берегу и стал наблюдать за ним. Он сел на гальку около воды. Тут было несколько ворон, лакомившихся рыбой. Орлан стал их прогонять. Вороны сначала пробовали был с обороняться, но, получив несколько сильных ударов клювом, уступили свои места и улетели прочь. Тогда орлан занялся рыболовством. Он прямо вошёл в воду и, погрузив в неё брюхо, хвост и крылья, стал прыгать по воде. Не

более как через минуту он поймал одну рыбину, вытащил её на берег и тут же принялся есть. Насытившись, пернатый хищник опять поднялся в воздух. Тотчас к нему присоединилось ещё два орлана. Тогда они стали описывать плавные круги. Они не гонялись друг за другом, а спокойно парили в разных плоскостях, поднимаясь всё выше и выше, в беспредельную синеву неба. Скоро они превратились в маленькие, едва заметные точки, и если я не потерял их из виду, то только потому, что не спускал с них глаз.

В это время со стороны дороги я слышал призывные крики. Мои

спутники требовали, чтобы я поскорей возвращался. Минут через пять я присоединился к отряду.

В нижнем течении река Иодзыхе принимает в себя три небольших притока: справа — Сяо-Иодзыхе длиной 19 километров и слева — Дунгоу, с которой мы познакомились уже в прошлом году, и Литянгоу, по которой надлежало теперь идти А. И. Мерзлякову. Река Сяо-Иодзыхе очень живописная. Узенькая извилистая долина обставлена по краям сравнительно высокими горами. По рассказам, в вершине её есть мощные жилы серебросвинцовой руды и медного колчедана.

Долина реки Литянгоу какая-то

странная — не то поперечная, не то продольная. Местами она расширяется до 1/2 километра, местами суживается до 200 метров. В нижней части долины есть много полян, засорённых камнями и непригодных для земледелия. Здесь часто встречаются горы и кое-где есть негустые лиственные леса. Чем выше подыматься по долине, тем чаще начинают мелькать тёмные силуэты хвойных деревьев, которые мало-помалу становятся преобладающими. В верховьях Литянгоу есть одинокая зверовая фанза. От неё тропа поворачивает налево, в горы, и идёт на Иман. Подъём на перевал Хунтами с южной

стороны затруднителен; в истоках долина становится очень узкой и завалена камнями и буреломным лесом.

Население окрестностей реки Иодзыхе — смешанное и состоит из китайцев и тазов (удэгейцев). Китайские фанзы сосредоточены главным образом на левом берегу реки, а туземцы поселились выше по долине, около гор.

Здесь манзы очень скрытны; они не хотели указывать дорог и, даже наоборот, всячески старались сбить нас с толку. Все тазы находились в неоплатном долгу у них и немилосердно эксплуатировались. Китайцы отняли у туземцев женщин

и разделили между собою как движимое имущество. На задаваемые по этому поводу вопросы тазы отмалчивались, а если и говорили что-нибудь, то украдкой, шёпотом, озираясь по сторонам. У них ещё живы были воспоминания о сородичах, заживо погребённых в земле за то, что пробовали было протестовать и мстить насильникам. Очевидцы говорили, что эта казнь производилась на глазах жён и детей казнённых: китайцы заставили их присутствовать при погребении.

В этот день мы дальше не пошли и, выбрав фанзу, которая была почище, расположились биваком на дворе её, а седла и все имущество

убрали под крышу.

На следующий день мы расстались с китайцами, которые этому, видимо, были очень рады. Хотя они и старались быть к нам внимательными, но в услугах их чувствовалась неискренность, я сказал бы даже-затаённая злоба.

Тропа опять перешла за реку и вскоре привела нас к тому месту, где Иодзыхе разбивается на три реки: Синанцу, Кулёму (этимология этого слова мне неизвестна) и Ханьдахэзу^[8]. Кулёму, длиною километров в сорок, течёт с запада и имеет истоки в горах Сихотэ-Алиня, а Ханьдахэза — 20 километров; по последней можно выйти на реку

Сицу (приток Санхобе), где в прошлом году меня застал лесной пожар. От места слияния этих рек и начинается, собственно, Иодзыхе. Здесь с правой стороны (по течению) высится высокая скалистая сопка Да-Лаза. Тропа проходит у её подножия. По рассказам, это излюбленное местопребывание тигров.

Река Синанца течёт по продольной долине между Сихотэ-Алинем и хребтом, ему параллельным. Она длиною около 75 километров и шириною до 30 метров. За скалистой сопкой сначала идут места открытые и отчасти заболоченные. Дальше поляна начинает возвышаться и заметно

переходит в террасу, поросшую редким лиственным лесом. Спустившись с неё, мы прошли ещё с полкилометра и затем вступили в роскошный лес.

Если я хочу представить себе девственную тайгу, то каждый раз мысленно переношусь в долину реки Синанцы. Кроме обычных ясеня (*Fraxinus manshurica* Rupr.), берёзы Эрмана (*Betula ermani* Cham.) и ольхи (*Alnus incana* L.), здесь произрастали: аянская ель (*Picea ajanensis* Fisch) — представительница охотской флоры, лён с красными ветвями (*Acer ukurunduense* Tr. et Mey.), имеющий листву как у неклена, затем черёмуха Маака (*Padus maackii* Rupr.) с жёлтой

берестой, как у берёзы, и с ветвями, пригнутыми к земле, над чем немало потрудились и медведи, и наконец, в изобилии по берегам реки ивняки (*Salix acutifolia* Wild.), у которых молодые побеги имеют красноватосизый оттенок.

Подлесье состояло из всевозможных кустарников, между которыми следует отметить колючий крыжовник (*Ribes burejense* Fr. Schindt) с весьма мелкими закруглёнными мохнатыми листьями и белый дёрен (*Cornus alba* L.) с гибкими длинными ветвями и ланцетовидными листьями, сверху тёмно-зелёными, снизу белесоватыми.

Вверху ветви деревьев переплелись между собою так, что совершенно скрыли небо. Особенно поражал своими размерами тополь (*Populus suaveolens* Fisch.) и кедр (*Pinus koraiensis* S. et ?.). Сорокалетний молодняк, растущий под их покровом, казался жалкою порослью. Сирень (*Syginga amurensis* Rupr.), обычно растущая в виде кустарника, здесь имела вид дерева в пять саженей высоты и в два фута в обхвате. Старый колодник, богато украшенный мхами, имел весьма декоративный вид и вполне гармонировал с окружающей его богатой растительностью.

Густой подлесок, состоящий из

чёртова дерева (*Eleutherococcus senticosus* Maxim.), виноградника (*Vitis amurensis* Rupr.) и лиан (*Schizandra chinensis* Baili.), делает места эти труднопроходимыми, вследствие чего наш отряд подвигался довольно медленно: приходилось часто останавливаться и высматривать, где меньше бурелома, и обводить мулов стороною.

В этот день Н. А. Десулави отметил в своём дневнике растущие в сообществе следующие цветковые и тайнобрачные растения: клинтонию (*Clintonia udensis* Tr., et Mey.) с крупными сочными листьями и белыми цветами на длинном стебельке; гнездовку (*Neottia nidus*

avis Kich.), украшенную многочисленными ароматичными фиолетовыми цветами; козелец (*Scorzonera albicaulis* Vge.) — высокое растение с длинными сидящими листьями и с беловато-жёлтыми цветами; затем папоротник (*Nephrodium meuspiculosum* Diels.), большие ажурные листья которого имеют треугольную форму и по первому впечатлению напоминают листья орляка (*Pteris*) и *Athyrium felix-femina* Roth — тоже с отдельными большими листьями, форма которых непостоянна и меняется в зависимости от окружающей их обстановки.

Чем дальше, тем больше лес был

завален колодником и тропа вовсе не была приспособлена для передвижения с вьюками.

Во избежание задержек вперёд был послан рабочий авангард под начальством Захарова. Он должен был убирать бурелом с пути и, где нужно, делать обходы. Иногда упавшее дерево застревало вверху. Тогда обрубали только нижние ветви его, оставляя проход в виде ворот; у лежащего на земле колодника оббивали сучки, чтобы мулы не испортили ног и не накололись брюхом.

После полудня отряд дошёл до лудевы. Она пересекала долину реки Синанцы и одним концом упиралась

в скалистую сопку. Лудева была старая, и потому следовало внимательно смотреть под ноги, чтобы не попасть в какую-нибудь ловушку. Путеводная тропа привела нас к покинутой зверовой фанзе. Около неё на сваях стоял амбар, предназначенный для хранения запасов продовольствия, зверовых шкур, пантов и прочего охотничьего имущества. Здесь мы и заночевали.

На рассвете появилось много мошкеры; воздух буквально кишел ею. Мулы оставили корм и жались к биваку. На скорую руку мы напились чаю, собрали палатки и тронулись в путь.

От зверовой фанзы тропа идёт

густым лесом. Она сильно кружит, обходя колодник и густые заросли виноградников.

Обыкновенно во второй половине лета появляются большие чёрные пауки (*Ereira* sp.). Они строят тенёта колёсного типа, причём основные нити бывают длиною от 5 до 7 метров и так прочны, что их свободно можно оттягивать в сторону рукою. В августе пауки эти пропадают, и на их место появляются другие, меньших размеров, жёлто-зелёного цвета, с красным рисунком на брюшке и головогрудях. Их противные паутины встречаются чуть ли не на каждом шагу. В особенности много

неприятностей испытывает тот, кто едет впереди: ему то и дело приходится снимать паутину с лица или сбрасывать паука, уцепившегося за нос. В этот день мы дошли до того места, где Синанца разделяется надвое: Да-Синанцу^[9] и Сяо-Синанцу^[10]. Первая является главной рекой, вторая — её притоком.

По мере приближения к водоразделу угрюмее становился лес и больше попадалось звериных следов; тропа стала часто прерываться и переходить то на одну, то на другую сторону реки, наконец мы потеряли её совсем.

На этом протяжении в Синанцу впадают следующие горные речки:

Пярл-гоу и Изимлу — справа; Лаза-гоу и Хунголя-гоу^[11] — слева. Сама по себе река немноговодна, но бурелом, сложенный в большие груды, указывает на то, что во время дождей вода подымается настолько высоко, что деревья по ней свободно переносятся с одного места на другое.

Чем дальше, тем идти становилось труднее. Поэтому я решил оставить мулов на биваке и завтра продолжать путь с котомками. Мы рассчитывали в два дня достигнуть водораздела; однако этот переход отнял у нас четверо суток. В довершение всего погода испортилась — пошли дожди.

В верховьях река Синанца с левой стороны принимает в себя целый ряд мелких ручьёв, стекающих с Сихотэ-Алиня.

Выбрав один из них, мы стали взбираться на хребет. По наблюдениям Дерсу, дождь должен был быть затяжным. Тучи низко ползли над землёю и наполовину окутывали горы. Следовательно, на вершине хребта мы увидели бы только то, что было в непосредственной от нас близости. К тому же взятые с собой запасы продовольствия приходили к концу. Это принудило нас на другой день спуститься в долину.

Двое суток мы отсиживались в

палатках. Наружу нельзя было показать носа. По хмурому небу низко, словно вперегонку, бежали тяжёлые тучи и сыпали дождём. Наконец терпение наше лопнуло, и, невзирая на непогоду, мы решили идти назад к морю. Не успели мы отойти от бивака на такое расстояние, с которого в тихую погоду слышен ружейный выстрел, как дождь сразу прекратился, выглянуло солнце, и тогда все вокруг приняло ликующий вид, только мутная вода в реке, прибитая к земле трава и клочья тумана в горах указывали на недавнее ненастье.

Утомлённые непогодой, мы рано стали на бивак. Вечером около

нашего табора с рёвом ходил тигр. Ночью мы поддерживали усиленный огонь и несколько раз стреляли из ружей.

Дня через два мы дошли до того места, где оставили мулов и часть команды. Около устья реки Синанцы мы застали семью, состоящую из горбатого таза, его жены, двух малых детей и ещё одного молодого удэгейца, по имени Чан Лин. Они стояли на галечниковой отмели и занимались ловлей рыбы. Невдалеке от их стойбища на гальке лежала опрокинутая вверх дном лодка, белизна дерева и свежие подпалины на бортах её свидетельствовали о том, что она только что выдолблена и

ещё не видела воды. Горбатый таз объяснил нам, что сам он лодок делать не умеет и для этого пригласил своего племянника с реки Такемы.

Поговорив немного с туземцами, мы пошли дальше, а Дерсу остался. На другой день он догнал нас и сообщил много интересного. Оказалось, что местные китайцы решили отобрать у таза его жену с детьми и увезти их на Иман. Таз решил бежать. Если бы он пошёл сухопутьем, китайцы догнали бы его и убили. Чан Лин посоветовал ему сделать лодку и уйти морем.

Двадцать пятого июля мы пошли к китайским фанзам,

расположенным около реки Дунгоу, по долине которой идёт путь на реку Санхобе.

Следующая ночь была тёмная и дождливая. Тазы решили воспользоваться ею для побега. Совпало так, что китайцы тоже в эту ночь решили сделать нападение и не только отобрать женщину, но и раз навсегда отделаться от обоих тазов. Дерсу как-то пронюхал об этом и сообщил удэгейцам о грозящей им опасности. Захватив с собою винтовку, он отправился в фанзу горбатого таза и разжёг в ней огонь, как будто все обитатели её были дома. В это время тазы тихонько спустили лодку в воду и посадили в

неё женщину и детей. Надо было проплыть мимо китайского селения. Ночь была ветреная, дождливая, и это способствовало успеху.

Чтобы лодку не было видно, Дерсу вымазал её снаружи грязью и углём. Как ни старались оба охотника, но обмануть собак не удалось. Они учуяли тазов и подняли неистовый лай. Китайцы выскочили из фанзы, но лодка прошла опасное место раньше, чем они успели добежать до реки. Дерсу решил проводить тазов до самого моря. Приблизительно через час лодка дошла до моря. Здесь Дерсу распрощался с тазами и вышел на берег. Опасаясь встречи с китайцами,

он не пошёл назад по дороге, а спрятался в лесу и только под утро возвратился к нам на бивак.

Двадцать шестого июля мы пробыли ещё на реке Иодзыхе. Стрелки занимались приведением в порядок своей обуви и стиркой белья.

Целый день Дерсу был в каком-то мрачном настроении. Он всё время уединялся и не хотел ни с кем разговаривать. Потом он попросил у меня три рубля и ушёл куда-то. В четыре часа пополудни Н. А. Десулави и П. П. Бордаков пошли экскурсировать по окрестностям, а я занялся вычерчиванием маршрута по реке Синанце.

В сумерки снова появился

туман. По мере того как становилось темнее, он сгущался всё больше и больше, скоро в нём утонули противоположный берег реки и фанзы китайцев. Казалось, вместе с туманом на землю спустилась мертвящая тишина, нарушаемая только падением капель воды с намокшей листвы деревьев.

В это время пришёл один из стрелков и стал рассказывать о том, что Дерсу (так всегда они его звали) сидит один у огня и поёт песню.

Я спросил солдата, где он видел гольда.

— Далеко, — отвечал он мне, — в лесу около речки.

Стрелок объяснил мне, что надо

идти по тропе до тех пор, пока справа я не увижу свет. Это и был огонь Дерсу. Шагов триста я прошёл в указанном направлении и ничего не видел. Я хотел уже было повернуть назад, как вдруг слабо сквозь туман в стороне заметил отблеск костра. Не успел я отойти от тропы и пятидесяти шагов, как туман вдруг рассеялся.

То, что я увидел, было так для меня неожиданно и ново, что я замер на месте и не смел пошевелинуться. Дерсу сидел перед огнем лицом ко мне. Рядом с ним лежали топор и винтовка. В руках у него был нож. Уткнув себе в грудь небольшую палочку, он строгал её и тихо пел

какую-то песню. Пение его было однообразное, унылое и тоскливое. Он недорезал стружки до конца. Они загибались одна за другой и образовывали султанчики. Взяв палочку в правую руку и прекратив пение, он вдруг обращался к кому-то в пространство с вопросом и слушал, слушал напряжённо, но ответа не было. Тогда он бросал стружку в огонь и принимался строгать новую. Потом он достал маленькую чашечку, налил в неё водки из бутылки, помочил в ней указательный палец и по капле бросил на землю во все четыре стороны. Опять он что-то прокричал и прислушался. Далеко в стороне слышался крик какой-то

ночной птицы. Дерсу вскочил на ноги.

Он громко запел ту же песню и весь спирт вылил в огонь. На мгновение в костре вспыхнуло синее пламя. После этого Дерсу стал бросать в костёр листья табаку, сухую рыбу, мясо, соль, чумизу, рис, муку, кусок синей дабы, новые китайские улы, коробок спичек и наконец пустую бутылку. Дерсу перестал петь. Он сел на землю, опустил голову на грудь и глубоко о чём-то задумался.

Тогда я решил к нему подойти и нарочно спустился на прибрежную гальку, чтобы он слышал мои шаги. Старик поднял голову и посмотрел на меня такими глазами, в которых я прочёл тоску. Я спросил его, почему он так далеко ушёл от фанзы, и сказал, что беспокоился о нём. Дерсу ничего не ответил мне на это. Я сел против него у огня. Минут пять сидели мы молча. В это время опять повторился крик ночной птицы. Дерсу спешно поднялся с места и, повернувшись лицом в ту сторону, что-то закричал ей громким голосом, в котором я заметил нотки грусти, страха и радости. Затем всё стихло.

Дерсу тихонько опустился на своё место и стал поправлять огонь. Накалившаяся докрасна бутылка растрескалась и стала плавиться.

Я не расспрашивал его, что всё это значит, я знал, что он сам поделится со мною. И не ошибся.

— Там люди много, — начал он. — Китайцы, солдаты... Понимай нету, смеяться будут, — мешай.

Я не прерывал его. Тогда он рассказал мне, что прошлой ночью он видел тяжёлый сон: он видел старую развалившуюся юрту и в ней свою семью в страшной бедности. Жена и дети зябли от холода и были голодны. Они просили его принести им дров и прислать тёплой одежды,

обуви, какой-нибудь еды и спичек. То, что он сжигал, он посылал в загробный мир своим родным, которые, по представлению Дерсу, на том свете жили так же, как и на этом. Тогда я осторожно спросил его о криках ночной птицы, на которые он отвечал своими криками.

— Это ханяла^[12], — ответил Дерсу. — Моя думай, это была жена. Теперь она все получила. Наша можно в фанзу ходи.

Дерсу встал и разбросал в стороны костёр. Стало вдвое темнее. Через несколько минут мы шли назад по тропе. Дерсу молчал, и я молчал тоже.

Кругом было тихо. Сочный

воздух точно застыл. Густой туман спустился в самую долину, и начало моросить. При нашем приближении к фанзам собаки подняли громкий лай.

Дерсу, по обыкновению, остался ночевать снаружи, а я вошёл в фанзу, растянулся на тёплом кане и начал дремать. Рядом за стеной слышно было, как мулы ели сено. Собаки долго не могли успокоиться.

Глава четвёртая

В горах

*Река Дунгоу. — Непогода. —
Медведь, добывающий мёд. —
Встреча с Чжан Вао. — Река Бея. —
Зоогеографическая граница
горалов. — Река Кудяхе. — Фанза
Дун-Тавайза. — Реки Фату и
Адимил. — Осыпи в горах. — Мелкие*

речки, текущие в море. — Береговая тропа. — Дикая кошка. — Нападение жуков

На другой день погода была пасмурная, по небу медленно ползли тяжёлые дождевые тучи, и самый воздух казался потемневшим, точно предрассветные сумерки. Горы, которые ещё вчера были так живописно красивы, теперь имели угрюмый вид.

Мои спутники знали, что если нет проливного дождя, то назначенное выступление обыкновенно не отменяется. Только что-нибудь особенное могло задержать нас на биваке. В восемь

часов утра, расплатившись с китайцами, мы выступили в путь по уже знакомой нам тропе, проложенной местными жителями по долине реки Дунгоу к бухте Терней.

В природе чувствовалась какая-то тоска. Неподвижный и отяжелевший от сырости воздух, казалось, навалился на землю, и от этого все кругом притаилось. Хмурое небо, мокрая растительность, грязная тропа, лужи стоячей воды и в особенности царившая кругом тишина — всё свидетельствовало о ненастье, которое сделало передышку для того, чтобы снова вот-вот разразиться дождём с ещё

большой силой.

К полудню мы дошли до верховьев реки Дунгоу и сделали привал. В то время, когда мы сидели у костра и пили чай, из-за горы вдруг показался орлан белохвостый. Описав большой круг, он ловко, с налёта, уселся на сухоствольной лиственнице и стал оглядываться. Захаров выстрелил в него — и промахнулся. Испуганная птица торопливо снялась с места и полетела к лесу.

— Худо, — сказал Дерсу, — будет большой дождь.

Он объяснил, что, если в тихую погоду туман подымается кверху и если при этом бывает сильное эхо,

непременно надо ждать затяжного дождя.

Около часу дня я, Н. А. Десулави и П. П. Бордаков пошли вперёд, а стрелки начали выючить мулов. К трём часам мы взошли на перевал, откуда начинался сток воды по реке Каимбе. Надо было бы здесь стать на бивак, но я уступил просьбам своих товарищей, и мы пошли дальше. Не успели мы спуститься с водораздела, как начался дождь, скоро превратившийся в настоящий ливень. Мы развели большой огонь — мокли и сушились в одно и то же время. К сумеркам подошли мулы, только тогда мы начали переодеваться и ставить палатки. Вечером дождь

пошёл ещё сильнее, и так до самого рассвета. Мы не спали всю ночь, зябли, подкладывали дрова в костёр, несколько раз принимались пить чай и в промежутках между чаепитиями дремали. Утром Н. А. Десулави хотел было подняться на гору Хунтами для сбора растений около гольцов, но это ему не удалось. Вершина горы была окутана туманом, а в два часа дня опять пошёл дождь, мелкий и частый. Днём мы успели как следует обсушиться, оправить палатки и хорошо выспаться.

На следующий день, 26 июля, опять дождь. Нельзя разобрать, где кончается туман и где начинаются тучи. Этот маленький, частый дождь

шёл подряд трое суток с удивительным постоянством.

Терпение наше истощилось. Н. А. Десулави не мог больше ждать. Отпуск его кончался, и ему надлежало возвратиться в Хабаровск. Несмотря на непогоду, он решил ехать в залив Джигит и там дожидаться парохода. Я дал ему двух мулов и двух провожатых. Часов в одиннадцать утра мы расстались, пожелав друг другу счастливого пути и успехов.

В полдень погода не изменилась. Её можно было бы описать в двух словах: туман и дождь. Мы опять просидели весь день в палатках. Я перечитывал свои

дневники, а стрелки спали и пили чай. К вечеру поднялся сильный ветер. Царствовавшая дотолѣ тишина в природе вдруг нарушилась. Застывший воздух пришѣл в движение и одним могучим порывом сбросил с себя апатию.

Сорванная с деревьев листва закружилась в вихре и стала подниматься кверху. Порывы ветра были так сильны, что ломали сучья, пригибали к земле молодняк и опрокидывали сухие деревья.

— Кончай есть, — сказал Дерсу довольным тоном. — Сегодня ночью наша звезды посмотри. Завтра — посмотри солнце.

И действительно, часов в десять

вечера тёмный небесный свод,
усеянный миллионами звёзд,
совершенно освободился от туч.
Сияющие ночные светила словно
вымылись в дожде и приветливо
смотрели на землю. К утру стало
прохладнее.

Следующий день был
последним днём июля. Когда
занялась заря, стало видно, что
погода будет хорошая. В горах ещё
кое-где клочьями держался туман. Он
словно чувствовал, что доживает
последние часы, и прятался в
глубокие распадки. Природа
ликовала: все живое приветствовало
всесильное солнце, как бы сознавая,
что только одно оно может

прекратить ненастье.

Этот день мы употребили на переход к знакомой нам грибной фанзе, около озера Благодати. Опять нам пришлось мучиться в болотах, которые после дождей стали ещё непроходимее. Чтобы миновать их, мы сделали большой обход, но и это не помогло. Мы рубили деревья, кусты, устраивали гати, и всё-таки наши вьючные животные вязли на каждом шагу чуть не по брюхо. Большого труда стоило нам перейти через зыбуны и только к сумеркам удалось выбраться на твёрдую почву. На другой день мы выступили рано. Путь предстоял длинный, и хотелось поскорее добраться до реки Санхобе,

откуда, собственно, и должны были начаться мои работы. П. П. Бордаков взял ружьё и пошёл стороною, я с Дерсу, по обыкновению, отправился вперёд, а А. И. Мерзляков с мулами остался сзади.

Около второго распадка я присел отдохнуть, а Дерсу стал переобуваться. Вдруг до нас донеслись какие-то странные звуки, похожие не то на вой, не то на визг, не то на ворчанье. Дерсу придержал меня за рукав, прислушался и сказал:
— Медведь!

Мы встали и тихонько пошли вперёд. Скоро мы увидели виновника шума. Медведь средней величины возился около большой липы. Дерево

росло почти вплотную около скалы. С лицевой стороны на нём была сделана заметка топором, что указывало на то, что рой этот раньше нас и раньше медведя нашёл кто-то из людей.

С первого взгляда я понял, в чём дело: медведь добывал мёд. Он стоял на задних ногах и куда-то тянулся. Протиснуть лапу в дупло ему мешали камни. Медведь был из числа терпеливых. Он ворчал и тряс дерево изо всей силы. Вокруг улья вились пчелы и жалили его в голову. Медведь тёр морду лапами, кричал тоненьким голосом, валялся по земле и затем вновь принимался за ту же работу. Его уловки были очень

комичны. Наконец он утомился, сел на землю по-человечески и, раскрыв рот, стал смотреть на дерево, видимо что-то соображая. Так просидел он минуты две. Затем вдруг поднялся, быстро подбежал к липе и полез на её вершину. Взобравшись наверх, он протиснулся между скалой и деревом и, упёршись передними и задними лапами в камни, начал сильно давить спиной в дерево. Дерево подалось немного. Но, видимо, у медведя заболела спина. Тогда медведь переменял положение и, упёршись спиной в скалу, стал лапами давить на дерево. Липа затрещала и рухнула на землю.

Этого и надо было медведю.

Теперь оставалось только разобрать заболонь и добыть соты.

— Его шибко хитрый люди, — сказал Дерсу. — Надо его гоняй, а то скоро весь мёд кушай.

Сказав это, он крикнул:

— Тебе какой люди, тебе как чужой мёд карабчи^[13]!

Медведь оглянулся. Увидя нас, он побежал и быстро исчез за скалою.

— Надо его пугай, — сказал Дерсу и выстрелил в воздух.

В это время подошли кони. Услышав наш выстрел, Мерзляков остановил отряд и пришёл узнать, в чём дело. Решено было для добычи мёда оставить двух стрелков. Надо

было дать пчёлам успокоиться, а затем уморить их дымом и собрать мёд. Если бы этого не сделали мы, то все равно медведь съел бы весь мёд.

Минут через пять мы тронулись дальше.

По мере того как продвигаешься на север по побережью моря, замечаешь, что представители маньчжурской флоры один за другим остаются сзади. Первая отстала груша (*Pyrus sinensis* Lindl.). Я видел её последний раз на реке Иодзыхе. Потом — акация Маака (*Cladrastis amurensis* Benth.): бухта Терней, по-видимому, является для неё северной границей. Дальше всех на север проникает монгольский дуб (*Quercus mongolica* Fisch). Зато лиственница (*Larix dahurica* Turcz.) появилась на берегу моря небольшими группами.

Кроме растущих здесь в изобилии калины (*Viburnum sargentii* Koehne), орешника (*Corylus heterophylla* Fisch.) и леспедецы (*Lespedeza bicolor* Turcz), мы заметили перистые пятерные листочки и характерные бледно-жёлтые цветы лапчатки (*Potentilla fruticosa* L.), затем кустарниковую низкорослую рябину (*Sorbus sambucifolia* Tr.), дающую мелкие и почти безвкусные светло-красные плоды, а рядом с ней даурский можжевельник (*Juniperus dahurica* Pall.), стелющийся по траве и поднимающий кверху свои густые зелёные ветви с матово-синим оттенком и прошлогодними сухими ягодами.

Дальнейшее путешествие наше до реки Санхобе прошло без всяких приключений. К бухте Терней мы прибыли в четыре часа дня, а через час прибыли и охотники за пчёлами и принесли с собой 6 килограммов хорошего сотового меду.

Вечером казаки ловили рыбу в реке. Кроме горбуши, в неводок попало несколько гольянов (*Phoxinus lagowskii* Dyb.), мясо которых имело горьковатый привкус.

Здесь мы расстались с П. П. Бордаковым. Он тоже решил возвратиться в Джигит с намерением догнать Н. А. Десулави и с ним доехать до Владивостока. Жаль мне было потерять хорошего товарища, да

ничего не поделаешь. Мы расстались искренними друзьями. На другой день П. П. Бордаков отправился обратно, а ещё через сутки (3 августа) снялся с якоря и я со своим отрядом.

На реке Санхобе мы опять встретились с начальником охотничьей дружины Чжан Бао и провели вместе целый день. Оказалось, что многое из того, что случилось с нами в прошлом году на Имане, ему было известно. От него я узнал, что зимой он ходил разбирать спорный вопрос между тазами и китайцами, а весной был на реке Ното, где уничтожил шайку хунхузов.

Я чрезвычайно обрадовался,

когда услышал, что он хочет идти со мной на север. Это было вдвойне выгодно. Во-первых, потому, что он хорошо знал географию прибрежного района, во-вторых, его влияние на туземцев могло значительно способствовать выполнению моих заданий.

Небольшая речка Бея^[14] (по-удэгейски — Иеля), по которой я пошёл от бухты Терней, впадает в реку Санхобе в 2 километрах от устья. Она длиною около 12 километров и течёт по заболоченной долине, расположенной параллельно берегу моря.

С правой стороны её тянутся пологие увалы, с левой — скалистые

сопки, состоящие из кварцевого порфира, диабазы и диорита.

В истоках река Бея поворачивает на восток и доходит почти до самого моря. Тропа здесь проложена по увалам с правой стороны долины. Окрестные горы, о которых идёт здесь речь, покрыты весьма редким лесом, состоящим преимущественно из клёна, бархата, ореха, липы и чёрной берёзы. По берегам речки густо растут ивняк и ольха. Открытые места заросли леспедецей, таволожником, шиповником и калиной. Внизу, по низинам, царство тростника, подмаренника и полыни. Местами эти травы положительно глушат все

другие растения. Только полевой горошек, пользуясь способностью цепляться за них, мог ещё оспаривать своё право на существование.

Следуя за рекой, тропа уклоняется на восток, но не доходит до истоков, а поворачивает опять на север и взбирается на перевал Кудя-Лин^[15], высота которого определяется в 260 метров. Подъём на него с юга и спуск на противоположную сторону — крутые. Куполообразную гору с левой стороны перевала китайцы называют Цзун-ган-шань^[16]. Эта гора состоит главным образом из породы авгитового андезита.

За перевалом мы нашли

маленькую горную речку Кудя-хе^[17], которая на морских картах называется Кудия, а у тазов Кудя-Базани. Она не имеет выхода в море: устье её занесено песком и галькой. Вследствие этого здесь образовалась болотина. По словам тазов, это лучшие солонцы во всём прибрежном районе. Действительно, около болота виднелось множество звериных следов. От моря Кудяхе отделяется высокими скалистыми горами, покрытыми с подветренной стороны хвойным лесом. В зоогеографическом отношении это очень интересное место. Здесь проходит северная граница распространения горалов

(*Nemorhoedus caudatus* M. Edw).

Небольшие долинки, обставленные невысокими остроконечными сопками, покрытые лиственным редколесьем, весьма удобны для поселений небольшими хуторами. Прибрежные возвышенности состоят из фильзитовых порфиритов, поверх которых лежат слои вулканических туфов.

За рекой Кудяхе тропа переваливает через небольшой мысок и спускается в долину другой горной речки Тавайзы^[18] (по-удэгейски Омуски), длиною в 7-8 километров. Спуск в долину Тавайзы крутой, почти обрывистый. Ещё один

перевал, и мы попали в великолепную плодородную долину небольшой реки Адимил, которая на картах обозначена Акмой и которую удэгейцы называют Агама. Собственно говоря, здесь две речки сходятся вместе в одном километре от моря. При устье их углубление береговой линии образовало небольшую весьма живописную бухточку. Здесь мы нашли хорошенькую китайскую фанзу с названием Дун-Тавайза [\[19\]](#).

От бухты Терней до этого места 27 километров.

Из фанзы навстречу нам вышли два китайца. Они приняли мулов от людей, помогли нам раздеться и

пригласили к себе в жилище. Более радушного приёма я нигде не встречал. У этих китайцев не было и тени раболепства — они просто были гостеприимны и караулили каждое наше желание. Впоследствии от староверов я слышал о них именно такие же отзывы. Где они теперь? Один из них был старик; быть может, его теперь нет в живых. Во всяком случае, у всех нас об этих людях сохранились самые хорошие воспоминания. Здесь было так хорошо и уютно, жизнь китайцев казалась такой тихой и мирной, что я решил остаться у них на днёвку. Вечером, сидя у жаровни с угольями, я пил чай с солёными лепёшками и

расспрашивал старика о путях, ведущих на север.

Река Фату (по-удэгейски — Фарту) впадает в реку Санхобе с левой стороны, в однодневном пути от устья, и течёт с северо-востока параллельно берегу моря. Горный хребет, отделяющий бассейн её от речек, текущих непосредственно в море, имеет в среднем высоту в 600 метров. Следующая большая река, которая берёт начало с Сихотэ-Алиня, будет река Билимбее, впадающая в море около горы Железняк, немного южнее мыса Шанц.

Я рассчитывал часть людей и мулов направить по тропе вдоль

берега моря, а сам с Чжан Бао, Дерсу и тремя стрелками пойти по реке Адимил к её истокам, затем подняться по реке Билимбее до Сихотэ-Алиня и обратно спуститься по ней же к морю.

Утром 4 августа мы стали собираться в путь. Китайцы не отпустили нас до тех пор, пока не накормили как следует. Мало того, они щедро снабдили нас на дорогу продовольствием. Я хотел было рассчитаться с ними, но они наотрез отказались от денег. Тогда я положил им деньги на стол. Они тихонько передали их стрелкам. Я тихонько положил деньги под посуду. Китайцы заметили это и, когда мы выходили

из фанзы, побросали их под ноги мулам. Пришлось уступить и взять деньги обратно.

Река Адимил в верховьях слагается из двух ручьёв, текущих навстречу друг другу. Километрах в пяти от земледельческой фанзы находится другая, лудевая фанза, в которой живут три охотника, занимающиеся ловлей оленей ямами.

В долине реки Адимил произрастают лиственные леса дровяного и поделочного характера; в горах всюду видны следы пожарищ. На речках и по увалам — густые заросли таволги, орешника и леспедецы. Дальше в горах есть немного кедра и пихты. Широкие

полосы гальки по сторонам реки и измочаленный колодник в русле указывают на то, что хотя здесь больших наводнений и не бывает, но всё же в дождливое время года вода идёт очень стремительно и сильно размывает берега.

Так как отряд выступил от фанзы Дун-Тавайза довольно поздно, то пришлось идти почти до сумерек. К вечеру мы дошли до истоков реки Адимил и стали биваком близ перевала на реку Фату. В этот день погода стояла хотя пасмурная и туманная, но было душно и сильно парило. Я опасался дождя и спросил мнения Дерсу насчёт погоды. Он сказал, что сейчас состояние погоды

такое, что «туман сам ещё не знает, превратиться ему в тучи или рассеяться». Сказал это он по-своему и опять назвал туман «люди». У него это вышло так, как будто туман рассуждал, превратиться ли ему в дождь или подождать немного.

Часов в семь вечера вдруг туман быстро начал подниматься кверху. Одновременно с этим стал накрапывать дождь, который минут через пятнадцать перестал, а вместе с ним рассеялся и туман. На небе выглянули звезды.

Наутро мы поднялись довольно рано, напились чаю и стали подыматься на гору Тигровую (595 метров), сплошь покрытую осыпями.

Надо сказать, что в прибрежном районе осыпи больше развиты, чем к западу от Сихотэ-Алиня. Одни из них состоят из обломков в метр величиною, другие — из камней с конскую голову, третьи с голову человека. Обломки в большинстве случаев угловатые и так плотно уложены, что по ним свободно можно идти, как по лестнице. Осыпи древнего происхождения всегда скрыты под мощным покровом растительности. Впрочем, мне часто приходилось видеть старые осыпи, покрытые одними только лишайниками. Они чаще всего располагаются по вершине гор и издали кажутся в виде серых пятен.

Иногда осыпи эти занимают большую часть горы. Тогда участки с растительностью на общем сером фоне осыпей кажутся зелёными пятнами.

Как произошли осыпи? Кажется, будто здесь были землетрясения и целые утёсы распались на обломки. На самом деле эта работа медленная, вековая и незаметная для глаза. Сначала в каменной породе появляются трещины: они увеличиваются в размерах, сила сцепления уступает силе тяжести, один за другим камни обрываются, падают, и мало-помалу на месте прежней скалы получается осыпь. Обломки скатываются вниз до тех

пор, пока какое-либо препятствие их не задержит.

Движение по осыпям, покрытым мхом, всегда довольно затруднительно: то ставишь ногу на ребра, то попадаешь в щели между камнями. Внизу осыпи покрыты землёй и травой настолько густо, что их не замечаешь вовсе, но по мере того как взбираешься выше, растительность постепенно исчезает.

Летом, в жаркие дни, багульник (*Ledum palustre* L.) выделяет такое обилие эфирных масел, что у непривычного человека может вызвать обморочное состояние. За багульником идут мхи и лишайники. Осыпи для людей не составляют

помехи, но для коней и мулов они являются серьёзным препятствием. Приходится обходить их далеко стороною.

Поднявшись на хребет, мы повернули на север и некоторое время шли по его гребню. Теперь слева от нас была лесистая долина реки Фату, а справа — мелкие речки, текущие в море: Секуму, Одега Первая, Одега Вторая, Тания, Вязтыгни, Хотзе, Иеля и Шакира.

Вдоль берега моря проложена пешеходная тропа. Она пересекает все упомянутые речки в трёх — пяти километрах от их устьев. Твёрдый грунт тропы допускает движение вьючных обозов. Перевалы через

горные отроги между речками не превышают 125 метров.

На всём протяжении от реки Секуму до реки Шакиры в последовательном порядке располагаются следующие горные породы: известняки, известковые песчаники, граниты, гнейсы и кристаллические сланцы.

Часа в четыре дня пошёл дождь. Мы спустились с хребта и, как только нашли в ручье воду, тотчас стали биваком. Стрелки принялись развьючивать мулов, а мы с Дерсу по обыкновению отправились на разведку. Я пошёл вверх, а он вниз по ключу.

Дождь в лесу — это двойной

дождь. Каждый куст и каждое дерево при малейшем сотрясении обдают путника водою. В особенности много дождевой воды задерживается на листе леспедецы. Через пять минут я был таким же мокрым, как если бы окунулся головой в реку.

Я хотел было уже повернуть назад, как вдруг увидел какое-то странное животное. Оно спускалось с дерева на землю. Я прицелился и выстрелил. Животное стало биться на земле. Вторым выстрелом я прекратил его мучения. Это оказалась дикая кошка (по-китайски елиза). Меня поразили её размеры. Сначала я думал, что это рысь, но отсутствие кисточек на ушах и

длинный хвост убедили меня, что это *Felis cunctimra* Elliot. Длина её равнялась 1 метру 9 сантиметрам; окраска — буровато-желтовато-серая с едва заметными пятнами по всему телу, брюхо и внутренняя сторона ног — грязновато-белые. Хвост короче, чем у домашней кошки, и не имеет поперечных тёмных полос. От домашней кошки она отличается не только своими крупными размерами, но и другими признаками: более сильными зубами, длинными усами и густой шерстью.

Дикая кошка ведёт одиночный образ жизни и держится в густых сумрачных лесах, где есть скалистые утёсы и дуплистые деревья. Это

весьма осторожное и трусливое животное становится способным на яростное нападение при самозащите. Охотники делали опыты приручения молодых котят, но всегда неудачно. Удэгейцы говорят, что котята дикой кошки, даже будучи взятыми совсем малыми, никогда не ручнеют.

Специально за дикой кошкой никто не охотится, и убой её — дело случайное. Иногда из кошачьего меха делают зимние воротники и шапки.

В Уссурийском крае кошка распространена повсеместно, но чаще встречается около Владивостока — на Русском острове.

Забрав свой трофей, я возвратился на бивак. Там все уже

были в сборе, палатки поставлены, горели костры, варился ужин. Вскоре возвратился и Дерсу. Он сообщил, что видел несколько свежих тигровых следов и один из них недалеко от нашего бивака.

Часов в восемь вечера дождь перестал, хотя небо было по-прежнему хмурое. До полуночи вызвался караулить Дерсу. Он надел унты, подправил костёр и, став спиною к огню, стал что-то по-своему громко кричать в лес.

— Кому ты кричишь, с кем говоришь? — спросили его стрелки.

— Амба, — отвечал он. — Моя говори ему: на биваке много солдат есть. Солдаты стреляй, тогда моя

виноват нету.

И он опять принялся кричать протяжно и громко: «А-та-та-ай, а-та-та-ай». Ему вторило эхо, словно кто перекликался в лесу, повторяя на разные голоса последний слог — «ай». Крики уносились всё дальше и дальше и замирали вдали.

Вдруг какой-то сильный шум, похожий на стрекотание, окружил нас. Что-то больно ударило меня в лицо, и в то же время я почувствовал посторонний предмет у себя на шее. Я быстро поднял руку и схватил что-то жёсткое, колючее и испуганно сбросил на землю. Это был огромных размеров жук, похожий на оленя, но только без рогов. Другого

такого жука я смахнул с руки и вдруг увидел ещё одного у себя на рубашке, я вскочил с постели и отбежал в сторону. Жуки долго ещё попадались то на одеяле, то на шинели, то у кого-нибудь в сумке, то в головном уборе.

Дерсу объяснил:

— Моя раньше такой люди, — он указал на жука, — много посмотри нету; один-один каждый год найди... Как его там много собрался?

Я поймал одного жука и впоследствии узнал его научное название — *Callipogon relictus*. Он является представителем фауны, оставшейся в Уссурийском крае в наследие от третичного периода. Жук

был коричневого цвета, с пушком на спине, сильными челюстями, загнутыми кверху, и очень напоминал жука-дровосека, только усы у него были покороче. Длина тела его равнялась $9 \frac{1}{2}$ сантиметра, а ширина — 3 сантиметрам. Небольшие глаза треугольной формы были расположены по сторонам головы; они были тёмного цвета и как бы прикрыты мелкой сеткой.

Долго мы провозились с жуками и успокоились только после полуночи.

Глава пятая

Наводнение

Река Билимбее. — Плохие приметы. — Чёртово место. Ночная тревога. — Сихотэ-Алинь. — Непогода. — Зверовая фанза. — Тайфун. — Трёхдневный ливень. — Разбушевавшиеся стихии. — Затопленный лес

На другой день мы продолжали наш путь на север по хребту и часов в десять утра дошли до горы Острой, высотой в 678 метров. Осмотревшись, мы спустились в один из ключиков, который привёл нас к реке Билимбее.

Погода все эти дни стояла хмурая; несколько раз начинал моросить дождь; отдалённые горы были задёрнуты не то туманом, не то какою-то мглой. По небу, покрытому тучами, на восточном горизонте протянулись светлые полосы, и это давало надежду, что погода разгуляется.

Выкормив мулов на подножном

корму, мы пошли вверх по реке Билимбее, которую удэгейцы называют Били, а китайцы — Бинь-лянь-бэй^[20]. Она длиною около 90 километров и берёт начало с Сихотэ-Алиня. Перевалов с Билимбее будет три: один влево (если стоять лицом к истокам), на реку Санхобе, другой вправо — на реку Такему, и третий прямо — на Иман. Билимбее течёт по сравнительно узкой долине и на всём протяжении принимает в себя только четыре более или менее значительных притока, по два с каждой стороны. Самый большой из них будет река Забытая. Она впадает в Билимбее слева (по течению), в 29 километрах от устья. Истоки её

находятся в горном узле, откуда берут начало реки Амагу и Кулумбе, о которых речь будет ниже.

В то время реку Билимбее можно было назвать пустынною. В нижней половине река шириною около 20 метров, глубиною до 1 1/2 метра и имеет скорость течения от 8 до 10 километров в час. В верховьях реки есть несколько зверовых фанз. Охотники приходили сюда с Санхобе зимою лишь во время соболевания.

В этот день нам удалось пройти километров тридцать; до Сихотэ-Алиня оставалось ещё столько же.

Билимбее — царство растений. По обоим берегам реки лес растёт так густо, что кажется, будто река

течёт в коридоре.

Наклонившиеся деревья во многих местах перепутались ветвями и образовали живописные арки.

По берегам протоки растут кустарники, любящие свет и влагу. В собранном мною гербарии имеется даурский шиповник (*Rosa cianurica* Pall.), лишённый шипов, с опущенными мелкими листочками и с цветами средней величины; розовая иволистная таволжка (*Spiraea salicifolia* L.), образующая вместе с леспедецей (*Lespedeza bicolor* Turcz.) густые заросли. Тут же можно было видеть серебристо-белые пушки ломоноса (*Clematis intricata* Bunge) с мелкими листьями на длинных

черешках, отходящих в сторону от стебля; крупный раскидистый гречишник (*Polygonum divaricatum* L.), обладающий изумительной способностью приспосабливаться и процветать во всякой обстановке, изменяя иногда свой внешний вид до неузнаваемости; особый вид астры (*Aster scaber* Thund.), растущей всегда быстро, и высокую веронику (*Veronica grandis* Fisch.), выдающую себя большим ростом и соцветием из белых колосовидных кистей.

Часа в четыре дня мы стали высматривать место для бивака. Здесь река делала большой изгиб. Наш берег был пологий, а противоположный — обрывистый.

Тут мы и остановились.

Стрелки принялись ставить палатки, а Дерсу взял котелок и пошёл за водой. Через минуту он возвратился крайне недовольный.

Что случилось? — спросил я гольда.

Моя думай, это место худое, — отвечал он на мой вопрос. — Моя река ходи, хочу воды бери, рыба ругается.

— Как ругается? — изумились солдаты и покатились со смеху.

— Чего ваша смеётся? — сердился Дерсу. — Плакать скоро будете. Наконец я узнал, в чём дело. В тот момент, когда он хотел зачерпнуть котелком воды, из реки

выставилась голова рыбы. Она смотрела на Дерсу и то открывала, то закрывала рот.

— Рыба тоже люди, — закончил Дерсу свой рассказ. Его тоже могу говори, только тихо. Наша его понимай нету.

Только что чайник повесили над огнём, как вдруг один камень накалился и лопнул с такой силой, что разбросал угли во все стороны. Точно ружейный выстрел. Один уголь попал к Дерсу на колени.

— Тьфу! — сказал он в сердцах. Моя хорошо понимай, это место худое.

Стрелки опять стали смеяться.

После ужина я взял ружьё и

пошёл прогуляться вблизи бивака. Отойдя с полкилометра, я сел на бурелом и стал слушать. Кругом царила тишина, только вверху, на перекатах, глухо шумела вода. На противоположном берегу, как исполинские часовые, стояли могучие кедры. Они глядели сурово, точно им известна была какая-то тайна, которую во что бы то ни стало надо было скрыть от людей. После тёплого дождя от земли стали подниматься тяжёлые испарения. Они сгущались всё более и более, и вскоре вся река утонула в тумане. Порой лёгкое дуновение ветерка приводило туман в движение, и тогда сквозь него неясно вырисовывались

очертания противоположного берега, покрытого хвойным лесом.

В это время я увидел в тумане что-то громоздкое и большое. Оно двигалось по реке мне навстречу медленно и совершенно бесшумно. Я замер на месте, сердце моё усиленно забилося. Но я ещё больше изумился, когда увидел, что тёмный предмет остановился, потом начал подаваться назад и через несколько минут так же таинственно исчез, как и появился. Был ли это зверь какой-нибудь или это плыл бурелом по реке, не знаю. Сумерки, угрюмый лес, густой туман и главным образом эта мертвящая тишина создавали картину, невыразимо жуткую и

тоскливую. Мне стало страшно. Я встал и поспешно пошёл назад. Минут через десять я подходил к биваку.

Люди двигались около огня и казались длинными привидениями. Они тянулись куда-то кверху, потом вдруг сокращались и припадали к земле. Я спросил Захарова, не проплыло ли мимо что-нибудь по реке. Он ответил отрицательно.

Тогда я рассказал им о виденном и пробовал объяснить это явление игрою тумана.

Гм, какое худое место, — услышал я голос Дерсу. Я обернулся. Он сидел у огня и качал головой.

— Надо его гоняй, — сказал он

и вслед за тем взялся за топор.

— Кого? — спросил я.

— Черта, — отвечал гольд самым серьёзным образом.

Затем он пошёл в лес и принялся рубить сырую ель, осину, сирень и т. п., то есть такие породы, которые трещат в огне.

Когда дров набралось много, он сложил их в большой костёр и поджёг. Яркое пламя взвилось кверху, тысячи искр закружились в воздухе. Когда дрова достаточно обуглились, Дерсу с криками стал разбрасывать их во все стороны.

Стрелки обрадовались случаю и прибежали ему помогать. Они крутили горящими головешками и

бросали их кверху. Красивую картину представляет собою такая вертящаяся ракета, разбрасывающая во все стороны искры. Два полена упали в воду. Они сразу потухли, но долго ещё дымились. Наконец костёр был уничтожен. Разбросанные в лесу головешки медленно гасли одна за другой.

После этого мы принялись за чаепитие, а затем стали укладываться на ночь. Я хотел было почитать немного, но не мог бороться со сном и незаметно для себя заснул. Мне показалось, что я спал долго. Вдруг я почувствовал, что кто-то трясёт меня за плечо.

— Вставайте скорее!

— Что случилось? — спросил я и открыл глаза.

Было темно — темнее, чем раньше. Густой туман, точно вата, лежал по всему лесу. Моросило.

— Какой-то зверь с того берега в воду прыгнул, — ответил испуганно караульный.

Я вскочил на ноги и взял ружьё. Через минуту я услышал, что кто-то действительно вышел из воды на берег и сильно встряхивался. В это время ко мне подошли Дерсу и Чжан Бао. Мы стали спиной к огню, старались рассмотреть, что делается на реке, но туман был такой густой и ночь так темна, что в двух шагах решительно ничего не было видно.

— Ходи есть, — тихо сказал Дерсу.

Действительно, кто-то тихонько шёл по гальке. Через минуту мы слышали, как зверь опять встряхнулся. Должно быть, животное услышало нас и остановилось. Я взглянул на мулов. Они жались друг к другу и, насторожив уши, смотрели по направлению к реке. Собаки тоже выражали беспокойство. Альпа забилась в самый угол палатки и дрожала, а Леший поджал хвост, прижал угли и боязливо поглядывал по сторонам.

Но вот опять стала бренчать галька.

Я велел разбудить остальных

людей и выстрелил. Звук моего выстрела всколыхнул сонный воздух. Глухое эхо подхватило его и далеко разнесло по лесу. Послышалось быстрое бречание гальки и всплеск воды в реке. Испуганные собаки сорвались со своих мест и подняли лай.

— Кто это был? — обратился я к гольду. — Изюбр? Он отрицательно покачал головой.

— Может быть, медведь?

— Нет, — отвечал Дерсу.

— Так кто же? — спросил я нетерпеливо.

— Не знаю, — ответил он. Ночь кончай, след посмотри, тогда поймай.

После переполоха сна как не бывало. Все говорили, все высказывали свои догадки и постоянно обращались к Дерсу с расспросами. Гольд говорил, что это не мог быть изюбр, потому что он сильнее стучит копытами по гальке; это не мог быть и медведь, потому что он пыхтел бы.

Посидели мы ещё немного и наконец стали дремать. Остаток ночи взялись окарауливать я и Чжан Бао. Через полчаса все уже опять спали крепким сном, как будто ничего и не случилось.

Наконец появились предрассветные сумерки. Туман сделался серовато-синим и хмурым.

Деревья, кусты и трава на земле покрылись каплями росы. Угрюмый лес дремал. Река казалась неподвижной и сонной. Тогда я залез в свой комарник и крепко заснул.

Проснулся я в восемь часов утра. По-прежнему моросило. Дерсу ходил на разведки, но ничего не нашёл. Животное, подходившее ночью к нашему биваку, после выстрела бросилось назад через реку. Если бы на отмели был песок, можно было бы увидеть его следы. Теперь остались для нас только одни предположения. Если это был не лось, не изюбр и не медведь, то, вероятно, тигр.

Но у Дерсу на этот счёт были свои соображения.

— Рыба говори, камень стреляй, тебе, капитан, в тумане худо посмотри, ночью какой-то худой люди ходи... Моя думай, в этом месте черт живи. Другой раз тут моя спи не хочу!

Часов в девять утра мы снялись с бивака и пошли вверх по реке Билимбее. Погода не изменилась к лучшему. Деревья словно плакали: с ветвей их на землю всё время падали крупные капли; даже стволы были мокрые.

Чем дальше, тем долина становилась всё уже и уже. На пути нам повстречалось несколько пустых зверовых фанз. В них я увидел только то, что заметил бы и всякий другой

наблюдатель, но Дерсу увидел ещё многое другое. Так, например, осматривая кожи, он сказал, что у человека нож был тупой и что он, когда резал их, то за один край держал зубами. Беличья шкурка, брошенная звероловами, рассказала ему, что животное было задавлено бревном. В третьем месте Дерсу увидел, что в фанзе было много мышей и хозяин вёл немилосердную войну с ними, и т. д.

Мы немного задержались в последней фанзе и к полудню достигли верховьев реки. Тропа давно кончилась, и мы шли некоторое время целиною, часто переходя с одного берега реки на

другой.

По мере приближения к Сихотэ-Алиню лес становился гуще и больше был завален колодником. Дуб, тополь и липа остались позади, и место чёрной берёзы заняла белая.

Под ногами появились мхи, на которых обильно произрастали плаун (*Lycopodium odscurum* Thund.), папоротник (*Athyrium spinulosum*^[21] Milde), мелкая лесная осока (*Carex pilosa* Scop.) и заячья кислица (*Oxalis acetosella* L.).

В верховьях река Билимбее разбивается на две речки. Если пойти по правой, то можно перевалить на реку Кулумбе (верхний приток Имана), если же идти по левой (к

северо-западу), то выйдешь в один из верхних притоков реки Арму. Мы пошли по правой речке, которая скоро привела нас к подножию Сихотэ-Алиня. Теперь Билимбее имела вид горного ручья, с руслом, заваленным большими камнями. Вода маленькими струйками сбегала по ним вниз, пряталась в траве и вдруг, неожиданно, вновь появлялась где-нибудь в стороне около бурелома.

Подъем на перевал со стороны моря довольно крутой. В этих местах гребень Сихотэ-Алиня голый. Не без труда взобрались мы на хребет. Я хотел остановиться здесь и осмотреться, но за туманом ничего не было видно. Дав отдохнуть мулам,

мы тронулись дальше. Редкий замшистый хвойный лес, заросли багульника и густой ковёр мхов покрывают западные склоны Сихотэ-Алиня.

Спустившись немного с водораздела, мы стали биваком у первого же попавшегося ручья...

К вечеру погода не изменилась, земля по-прежнему, словно саваном, была покрыта густым туманом. Этот туман с изморосью начинал надоедать. Идти по лесу в такую погоду всё равно что во время дождя. Каждый куст, каждое дерево, которые нечаянно задеваешь плечом, обдают тысячами крупных капель.

После ужина, протерев ружья,

стрелки сейчас же легли спать. Я хотел было заняться съёмками, но работа у меня как-то не клеилась. Я завернулся в бурку, лёг к огню и тоже уснул.

Следующий день был посвящён осмотру западных склонов Сихотэ-Алиня. Здесь нет настоящих горных ручьёв. Вода бесшумно просачивается под мхом. Речки текут спокойно среди невысоких берегов, заросших елью, пихтой, лиственницей и ольхою.

Я хотел спуститься по реке Кулумбе до того места, где в прошлом году нашёл удэгейцев, но Дерсу и Чжан Бао не советовали уходить далеко от водораздела. Они

говорили, что надо ждать сильных дождей, и в подтверждение своих слов указывали на небо. Теперь туман поднялся выше и имел вид дождевых туч. Оба мои проводника объяснили мне, что, если во время штиля туман вдруг перестаёт моросить и начинает подниматься кверху и если при этом раскатистое эхо исчезает, надо ждать весьма сильного дождя. Действительно, все эти дни земля точно старалась покрыться туманом, спрятаться от чего-то угрожающего, и вдруг туман изменил ей и, как бы войдя в соглашение с небом, отошёл в сторону, предоставляя небесным стихиям разделаться с землёю по

своему усмотрению.

Чжан Бао советовал вернуться назад на Билимбее и постараться дойти до зверовых фанз. Совет его был весьма резонным, и потому мы в тот же день пошли обратно. Ещё утром на перевале красовалось облако тумана. Теперь вместо него через хребет ползли тяжёлые тучи. Дерсу и Чжан Бао шли впереди. Они часто поглядывали на небо и о чём-то говорили между собой. По опыту я знал, что Дерсу редко ошибается и если он беспокоится, то, значит, тому есть серьёзные основания.

Часа в четыре дня мы дошли до первой зверовой фанзы. Вдруг опять появился туман, и такой густой, что

казалось, чтобы пройти сквозь него, нужно употребить усилие. Дерсу выстрелил в воздух. Гулкое эхо с перекатами разнеслось по лесу. После этого я совсем запутался в метеорологии и попросил у Дерсу объяснений. Он остался доволен. По его словам выходило, что повторное появление тумана с изморосью и гулкое эхо указывали на то, что дождь отодвигается по крайней мере до рассвета. Значит, можно идти дальше. Мы пошли скорее и к сумеркам добрались до второй фанзы. Она была уютнее и больше размерами.

В несколько минут фанза была приведена в жилой вид.

Разбросанное имущество мы сложили в один угол, подмели пол и затопили печь. Вследствие тумана, а может быть и оттого, что печь давно уже не топилась, в трубе не было тяги, и вся фанза наполнилась дымом. Пришлось прогревать печь горячими углями. Только вечером, когда было уже совсем темно, тяга установилась и каны стали нагреваться. Стрелки развели снаружи большой костёр, варили чай и что-то со смехом рассказывали друг другу. У другого огня сидели Дерсу и Чжан Бао. Оба они молчали и курили трубки. Посоветовавшись с ними, я решил, что, если завтра большого дождя не будет, пойдём

дальше. Надо было во что бы то ни стало пройти «щеки», иначе, если станет прибывать вода в реке, мы будем вынуждены совершить большое обходное движение через скалистые сопки Онку Чжугдыни, что по-удэгейски значит «чёртово жилище».

Ночь прошла благополучно.

Было ещё темно, когда всех нас разбудил Чжан Бао. Этот человек без часов ухитрялся точно угадывать время. Спешно мы напились чаю и, не дожидаясь восхода солнца, тронулись в путь. Судя по времени, солнце давно взошло, но небо было серое и пасмурное. Горы тоже были окутаны не то туманом, не то

дождевой пылью. Скоро начал накрапывать дождь, а вслед за тем к шуму дождя стал примешиваться ещё какой-то шум. Это был ветер.

— Начинай есть, — сказал Дерсу, указывая на небо.

Действительно, сквозь разорвавшуюся завесу тумана совершенно явственно обозначилось движение облаков. Они быстро бежали к северо-западу. Мы очень скоро вымокли до последней нитки. Теперь нам было всё равно. Дождь не мог явиться помехой. Чтобы не обходить утёсы, мы спустились в реку и пошли по галечниковой отмели. Все были в бодром настроении, стрелки смеялись и

толкали друг друга в воду. Наконец в три часа дня мы прошли теснины. Опасные места остались позади.

В лесу мы не страдали от ветра, но каждый раз, как только выходили на реку, начинали зябнуть. В пять часов пополудни мы дошли до четвёртой зверовой фанзы. Она была построена на берегу небольшой протоки с левой стороны реки. Перейдя реку вброд, мы стали устраиваться на ночь. Развьючив мулов, стрелки принялись таскать дрова и приводить фанзу в жилой вид.

Кому приходилось странствовать по тайге, тот знает, что значит во время непогоды найти зверовую

фанзу. Во-первых, не надо заготавливать много дров, а во-вторых, фанза всё же теплее, суше и надёжнее, чем палатка. Пока стрелки возились около фанзы, я вместе с Чжан Бао поднялся на ближайшую сопку. Оттуда сверху можно было видеть, что делалось в долине реки Билимбее.

Сильный, порывистый ветер клубами гнал с моря туман. Точно гигантские волны, катился он по земле и смешивался в горах с дождевыми тучами.

В сумерки мы возвратились назад. В фанзе уже горел огонь. Я лёг на кан, но долго не мог уснуть. Дождь хлестал по окнам; вверху,

должно быть на крыше, хлопало корьё; где-то завывал ветер, и не разберёшь, шумел ли то дождь или стонали озябшие кусты и деревья. Буря бушевала всю ночь.

Наутро, 10 августа, я проснулся от сильного шума. Не надо было выходить из фанзы, чтобы понять, в чём дело. Дождь лил как из ведра. Сильные порывы ветра потрясали фанзу до основания.

Я спешно оделся и вышел наружу. В природе творилось что-то невероятное. И дождь, и туман, и тучи — все это перемешалось между собою. Огромные кедры качались из стороны в сторону, сердито шумели и словно жаловались на свою судьбу.

На берегу реки я заметил Дерсу. Он ходил и внимательно смотрел на воду.

— Ты что делаешь? — спросил я его.

— Камни смотрю, вода прибавляй, — отвечал он и стал ругать тех, кто построил фанзу так близко от реки.

Тут только я обратил внимание, что фанза действительно стояла на низком берегу и в случае наводнения могла быть затоплена.

Около полудня Дерсу и Чжан Бао, поговорив о чём-то между собою, пошли в лес. Накинув на себя дождевик, я пошёл следом за ними и увидел их около той сопки, на

которую подымался накануне. Они таскали дрова и складывали их в кучу. Меня удивило, почему они складывают их так далеко от фанзы. Я не стал мешать им и поднялся на горку. Напрасно я рассчитывал увидеть долину Билимбее: я ничего не видел, кроме дождя и тумана. Полосы дождя, точно волны, двигались по воздуху и проходили сквозь лес. Вслед за моментами затишья буря как будто хотела наверстать потерянное и неистовствовала ещё больше.

Измокший и озябший, я возвратился в фанзу и послал Сабитова к Дерсу за дровами. Он возвратился и доложил, что Дерсу и

Чжан Бао дров не дают. Зная, что Дерсу никогда ничего не делает зря, я пошёл вместе со стрелками собирать дрова вверх по протоке.

Часа через два возвратились в фанзу Дерсу и Чжан Бао. На них не было сухой нитки. Они разделись и стали сушиться у огня.

Перед сумерками я ещё раз сходил посмотреть на воду. Она прибывала медленно, и, по-видимому, до утра не было опасений, что река выйдет из берегов. Тем не менее я приказал уложить все имущество и заседлать мулов. Дерсу одобрил эту меру предосторожности. Вечером, когда стемнело, с сильным шумом хлынул страшный ливень.

Стало жутко.

Вдруг в фанзе на мгновение всё осветилось. Сверкнула яркая молния, и вслед за тем послышался резкий удар грома. Гулким эхом он широко прокатился по всему небу. Мулы стали рваться на привязи, собаки подняли вой.

Дерсу не спал, он лежал на кане и прислушивался к тому, что происходило снаружи. Чжан Бао сидел у дверей и время от времени перебрасывался с ним короткими фразами. Я что-то сказал, но Чжан Бао сделал мне знак молчать. Затаив дыхание, я стал тоже слушать. Ухо моё уловило за стеной слабый звук, похожий на журчанье. Дерсу

вскочил со своего места и быстро выбежал из фанзы. Через минуту он вернулся и сообщил, что надо скорее будить людей, так как река вышла из берегов и вода кругом обходит фанзу. Стрелки вскочили и быстро стали одеваться. При этом Туртыгин и Калиновский перепутали обувь и начали смеяться.

— Чего смеётесь? — закричал сердито Дерсу. — Скоро будете плакать.

Пока мы обувались, вода успела просочиться сквозь стену и залила очаг. Угли в нём зашипели и погасли. Чжан Бао зажёг смольё. При свете его мы собрали свои постели и пошли к мулам. Они стояли уже по

колени в воде и испуганно озирались по сторонам. При свете бересты и смолья мы стали выючить мулов, — и было пора. За фанзой вода успела уже промыть глубокую протоку, и опоздай мы ещё немного, не переправились бы вовсе. Дерсу и Чжан Бао куда-то убежали, и я, признаться, испугался изрядно. Приказав людям держаться ближе друг к другу, я направился к той горке, на которую взбирался днём. Тьма, ветер и дождь встретили нас сразу, как только мы завернули за угол фанзы.

Ливень хлестал по лицу и не позволял открыть глаз. Не было видно ни зги. В абсолютной тьме

казалось, будто вместе с ветром неслись в бездну деревья, сопки и вода в реке, и всё это вместе с дождём образовало одну сплошную, с чудовищной быстротой движущуюся массу.

Среди стрелков произошло замешательство.

В это время я увидел впереди небольшой костёр и догадался, что его разложили Дерсу и Чжан Бао. За фанзой образовалась глубокая протока. Я велел стрелкам держаться за мулов со стороны, противоположной течению. До костра было не больше полутораста шагов, но, чтобы пройти их, потребовалось много времени. В

темноте мы залезли в бурелом, запутались в кустах, потом опять попали в воду. Она быстро бежала вниз по долине, из чего я заключил, что к утру, вероятно, будет затоплен весь лес. Наконец мы добрались до сопки. Тут только я увидел, до какой степени были предусмотрительны Дерсу и Чжан Бао. Теперь только мне стало ясно, зачем они собирали дрова. На жердях были укреплены два куска кедрового корья. Под этой-то защитой они и развели огонь.

Не теряя времени, мы стали ставить палатку. Высокая скала, у подножия которой мы расположились, защищала нас от ветра. О сне нечего было и думать.

Долго мы сидели у огня и сушились, а погода бушевала все неистовее, шум реки становился всё сильнее.

Наконец стало светать. При дневном свете мы не узнали того места, где была фанза; от неё не осталось и следа. Весь лес был в воде; вода подходила уже к нашему биваку, и пора было позаботиться перенести его выше. С одного слова люди поняли, что надо делать. Одни принялись переносить палатки, другие — рубить хвою и устилать ею сырую землю. Дерсу и Чжан Бао опять принялись таскать дрова. Перенос бивака и заготовка дров длились часа полтора. В это время дождь как будто немного стих. Но это

был только небольшой перерыв. Опять появился густой туман; он быстро поднялся кверху, и вслед за тем снова хлынул сильнейший ливень. Такого дождя я не помню ни до, ни после этого. Ближайшие горы и лес скрылись за стеной воды. Мы снова забились в палатки.

Вдруг раздались крики. Опасность появилась с той стороны, откуда мы её вовсе не ожидали. По ущелью, при устье которого мы расположились, шла вода. На наше счастье, одна сторона распадка была глубже. Вода устремилась туда и очень скоро промыла глубокую рывину. Мы с Чжан Бао защищали огонь от дождя, а Дерсу и стрелки

боролись с водой. Никто не думал о том, чтобы обсушиться, — хорошо, если удавалось согреться.

Порой сквозь туман было видно тёмное небо, покрытое тучами. Они шли совсем не в ту сторону, куда дул ветер, а к юго-западу.

— Худо, — говорил Дерсу, — скоро кончай нету.

По его словам, такой же тайфун был в 1895 году. Наводнение застало его на реке Даубихе, около урочища Анучино. Тогда на маленькой лодочке он спас заведующего почтово-телеграфной конторой, двух солдаток с детьми и четырёх китайцев. Два дня и две ночи он разъезжал на оморочке и снимал

людей с крыш домов и с деревьев. Сделав это доброе дело, Дерсу ушёл из Анучина, не дожидаясь полного спада воды. Его потом хотели наградить, но никак не могли разыскать в тайге.

Перед сумерками мы все ещё раз сбегали за дровами, дабы обеспечить себя на ночь.

Утром 12 августа, на рассвете, подул сильный северо-восточный ветер, но скоро стих. Дождь лил по-прежнему без перерыва. Все страшно измучились и от усталости еле стояли на ногах. То надо было держать палатку, чтобы её не сорвало ветром, то укрывать огонь, то таскать дрова. Ручей, бегущий по ущелью,

доставлял нам немало хлопот. Вода часто прорывалась к палаткам; надо было устраивать плотины и отводить её в сторону. Намокшие дрова горели плохо и сильно дымили. От бессонницы и от дыма у всех болели глаза. Ощущение было такое, как будто в них насыпали песок. Несчастные собаки лежали под скалой и не подымали голов.

На реку было страшно смотреть. От быстро бегущей воды кружилась голова. Казалось, что берег с такой же быстротой двигался в противоположную сторону. Вся долина от гор и до гор была залита водою. Русло реки определялось только стремительным течением. По

воде плыл мелкий мусор и крупные коряжины; они словно спасались бегством от того ничем не поправимого несчастья, которое случилось там, где-то в горах. Подмытые в корнях лесные великаны падали в реку, увлекая за собою глыбы земли и растущий на ней молодняк. Тотчас этот бурелом подхватывался водою и уносился дальше. Словно разъярённый зверь, река металась в своих берегах. Бешеными прыжками стремилась вода по долине. Там, где её задерживал плавник, образовывались клубы жёлтой пены. По лужам прыгали пузыри. Они плыли по ветру, лопались и появлялись вновь.

Миновал ещё один день. Вечером дождь пошёл с новой силой. Вместе с тем усилился и ветер. Эту ночь мы провели в состоянии какой-то полудремоты. Один подымался, а другие валялись с ног.

Природа словно хотела показать, до какой степени она способна обессилить человека в борьбе со стихиями. Так прошла четвёртая бурная ночь.

На рассвете то же, что и вчера. Невозможно разобрать, отчего происходит такой шум: от ветра, от дождя или от воды в реке. Часов в девять утра ветер переменился ещё раз и подул с юго-востока. Стрелки забились в палатки и, прикрывшись

шинелями, лежали неподвижно. У огня оставались только Дерсу и Чжан Бао, но и они, видимо, начали уставать. Что же касается меня, то я чувствовал себя совершенно разбитым. Мне не хотелось ни есть, ни пить, ни спать, — мне просто хотелось лежать, не шевелиться. Около полудня небо как будто просветлело, но дождь не уменьшался.

Вдруг появились короткие, но сильные вихри. После каждого такого порыва наступал штиль. Вихри эти становились реже, но зато каждый последующий был сильнее предыдущего.

— Скоро кончай, — сказал

Дерсу.

Слова старика сразу согнали с людей апатию. Все оживились, поднялись на ноги. Дождь утратил постоянство и шёл порывами, переходя то в ливень, то в изморось. Это вносило уже некоторое разнообразие и давало надежду на перемену погоды. В сумерки он начал заметно стихать и вечером прекратился совсем. Мало-помалу небо стало очищаться, кое-где проглянули звезды.

С каким удовольствием мы обсушились, напились чаю и легли на сухую подстилку! Это был настоящий отдых.

Глава шестая

Возвращение к морю

*Переправа через реку
Билимбее. — Встреча с А. И.
Мерзляковым. — Доставка
продовольствия китайцами. —
Устье реки Билимбее. — Олений
хвост. — Птицы. — Тигр, убитый
Дерсу. — Свечение моря*

На следующий день мы проснулись поздно. Сквозь прорывы в облаках виднелось солнце. Оно пряталось в тучах, точно не желало смотреть на землю и видеть, что натворила вчерашняя буря. Всюду мутная вода шумящими каскадами сбегала с гор; листва на деревьях и трава на земле ещё не успели обсохнуть и блестели, как лакированные; в каплях воды отражалось солнце и переливалось всеми цветами радуги. Природа снова возвращалась к жизни. Тучи ушли к востоку. Теперь буря свирепствовала где-нибудь у берегов Японии или южной оконечности

острова Сахалин.

Весь этот день мы простояли на месте: сушили имущество и отдыхали. Человек скоро забывает невзгоды. Стрелки стали смеяться и подтрунивать друг над другом.

Вечерняя заря была багрово-красная и сумерки длинные. В этот день мы улеглись спать рано. Нужно было отоспаться и за прошедшее и на будущее.

Следующий день был 15 августа. Все поднялись рано, с зарёй. На восточном горизонте тёмной полосой все ещё лежали тучи. По моим расчётам, А. И. Мерзляков с другой частью отряда не мог уйти далеко. Наводнение должно было

задержать его где-нибудь около реки Билимбее. Для того чтобы соединиться с ним, следовало переправиться на правый берег реки. Сделать это надо было как можно скорей, потому что ниже в реке воды будет больше и переправа труднее.

Для исполнения этого плана мы пошли сначала вниз по долине, но вскоре должны были остановиться: река подмывала скалы. Вода нанесла сюда много бурелома и сложила его в большую плотину. По ту сторону виднелся небольшой холмик, не покрытый водою. Надо было обследовать это место. Первым перешёл Чжан Бао. По пояс в воде, с палкой в руках он бродил около

противоположного берега и
ощупывал дно. Исследования
показали, что река здесь разбивается
на два рукава, находящиеся один от
другого в расстоянии тридцати
метров. Второй рукав был шире и
глубже первого и не был занесён
плавником. Шестом достать дна
нельзя было, потому что течение
относило его в сторону. Дерсу и
Чжан Бао принялись рубить большой
тополь. Скоро на помощь им пришли
стрелки с поперечной пилою. Стоя
больше чем по колено в воде, они
работали очень усердно. Минут через
пятнадцать дерево затрещало и с
грохотом упало в воду. Комель тополя
сначала было подался вниз по

течению, но вскоре за что-то зацепился, и дерево осталось на месте. По этому мосту мы перешли через вторую протоку. Оставалось пройти затопленным лесом ещё метров пятьдесят.

Убедившись, что больше проток нет, мы вернулись назад.

Люди перейдут, имущество и седла тоже можно перенести, но как быть с мулами? Если их пустить вплавь, то силой течения их снесёт под бурелом раньше, чем они достигнут противоположного берега. Тогда решено было переправить их на верёвке. Выбрав самый крепкий недоуздок, мы привязали к нему верёвку и перетаскивали конец её через

завалы. Когда всё было готово, первого мула осторожно спустили в реку. В мутной воде он оступился и окунулся с головой. Сильное течение тотчас подхватило его и понесло к завалу. Вода пошла через голову мула. Бедное животное оскалило зубы и начало задыхаться. В этот момент его подтащили к берегу.

Первый опыт был не совсем удачен. Тогда мы выбрали другое место, где спуск в реку был пологий. Тут дело попело успешнее.

Немало трудностей доставил нам переход по затопленному лесу. В наносной илистой почве мулы вязли, падали и выбивались из сил. Только к сумеркам нам удалось подойти к

горам с правой стороны долины. Вьючные животные страшно измучились, но ещё больше устали люди. К усталости присоединился озноб, и мы долго не могли согреться.

Но самое главное было сделано: мы переправились через реку.

Когда стемнело, пошёл опять дождь, мелкий и частый. Всю ночь моросило.

От места нашей переправы через реку Билимбее до моря оставалось ещё километров сорок. Это расстояние мы прошли в два дня (16 и 17августа) без всяких приключений. Как и надо было ожидать, чем ниже, тем воды в реке

было больше. В тех местах, где маленькие распадки выходили в долину, около устья их была нагромождена масса песку и глины. Завалы эти надо исчислять тысячами тонн. И все это образовалось в течение каких-нибудь трёх суток. Кое-где вода промыла глубокие овраги, по сторонам их произошли огромные оползни, но от обвалившейся земли не осталось и следа — бешеный поток все унёс и разметал по долине. Маленькие, ничтожные ручейки превратились теперь в бурные многоводные потоки, переправа через которые отняла у нас много времени. Волей-неволей пришлось придерживаться

возвышенного края долины, следуя всем её изгибам.

По мере того как мы приближались к морю, лес становился хуже и однообразнее. Иногда встречались группами берёза и лиственница, клён, липа и дуб дровяного характера.

Около реки на галечниковых наносах в изобилии растут: корзиночная ива (*Salix viminalis* L.) и пирамидальная ива (*Salix acutifolia* Willd.), из ствола которой туземцы выдалбливают челноки. Среди ивняков на затопляемой гальке мы видим особое сообщество растений. Чаще всего (и в данном случае) здесь можно видеть довольно высокую

охотскую хохлатку (*Corydalis ochotensis* Turcz.) с мелкими жёлтыми цветами, нежные розовые цветы донтостемена (*Dontostemon hispidus* Maxim.), у которого и стебель и верхние листья покрыты тонким пушком, и цепляющийся за ивняки *Schizopereon bryoniifolius* Maxim, с выемчатыми сердцевидными листьями; затем звездчатку водяную (*Stellaria aquatica* Scop.) с характерными для неё бледною листвою и узловатым стебельком и пышный белокопытник (*Petasites palmata* Asa Gray.), образующий большие заросли громадных жирных листьев, напоминающих лопасти рогов сохатого (*Alces palmatus* Pal.).

Недолго нас баловала хорошая погода. Вечером 16 августа опять появился туман и опять качало моросить. Эта изморось продолжалась всю ночь и весь следующий день. Мы шли целый день чуть ли не по колено в воде. Наконец начало темнеть, и я уже терял надежду дойти сегодня до устья реки Билимбее, как вдруг услышал шум моря. Оказалось, что в тумане мы внезапно вышли на берег и заметили это только тогда, когда у ног своих увидели окатанную гальку и белую пену прибойных волн.

Я хотел было идти налево, но Дерсу советовал повернуть направо. Свои соображения он основал на

том, что видел на песке человеческие следы. Они шли от реки Шакиры к реке Билимбее и обратно. Поэтому гольд и заключил, что бивак А. И. Мерзлякова был в правой стороне.

Я сделал два выстрела в воздух, и тотчас же со стороны реки Шакиры последовал ответ. Через несколько минут мы были у своих. Начались обоюдные расспросы: с кем что случилось и кто что видел.

Вечером мы долго сидели у костра и делились впечатлениями.

Странно устроен человек... Бивак этот ничем не отличался от других биваков. Так же он был под открытым небом, так же около односкатной палатки горел костёр,

так же кругом было мокро и сыро, но тем не менее все чувствовали себя так, как будто вернулись домой.

Часов в девять вечера прошёл короткий, но сильный дождь, после которого туман сразу исчез, и мы увидели красивое звёздное небо. И это небо, по которому широкою полосой протянулся Млечный Путь, и тёмный океан, в котором разом отражались все светила небесные, одинаково казались беспредельно глубокими.

Ночью было холодно. Стрелки часто вставали и грелись у огня. На рассвете термометр показывал 7°C. Когда солнышко пригрело землю, все снова уснули и проспали до девяти

часов утра.

Переправляться через реку Билимбее, пока не спадёт вода, нечего было и думать. Нет худа без добра. Мы все нуждались в отдыхе: мулы имели измученный вид; надо было починить одежду и обувь, исправить седла, почистить ружья. Кроме того, у нас начали иссякать запасы продовольствия.

Я решил заняться охотой и послал двух стрелков на реку Адимил за покупками. За последние пять дней я запустил свою работу, и нужно было заполнить пробелы.

Стрелки Сабитов и Аринин стали собираться в дорогу, а я отправился на реку Билимбее, чтобы

посмотреть, насколько спала вода за ночь. Не успел я отойти и ста шагов, как меня окликнули. Я возвратился назад и увидел подходящих к биваку двух китайцев с вьючными конями. Это были рабочие из фанзы Дун-Тавайза, куда я хотел посылать за продовольствием. Китайцы сказали, что хозяева их, зная, что перейти теперь через Билимбее нам не удастся, решили послать четыре кулька муки, 10 килограммов свиного сала, 16 килограммов рису, 4 килограмма бобового масла, 4 килограмма сахару и плитку кирпичного чаю. При этом они заявили, что им воспрещено брать с нас деньги.

Я был тронут таким вниманием китайцев и предложил им подарки, но они отказались их принять.

Китайцы остались у нас ночевать. От них я узнал, что большое наводнение было на реке Иодзыхе, где утонуло несколько человек. На реке Санхобе снесло водой несколько фанз; с людьми несчастий не было, но зато там погибло много лошадей и рогатого скота.

На другой день китайцы, уходя, сказали, что если у нас опять не хватит продовольствия, то чтобы присылали к ним без стеснения.

Отпустив их, мы с А. И. Мерзляковым пошли к устью реки

Билимбее. Море имело необыкновенный вид: на расстоянии двух или трёх километров от берега оно было грязно-жёлтого цвета, и по всему этому пространству плавало множество буреломного леса. Издали этот плавник казался лодками, парусами, шаландами и т. д. Некоторые деревья были ещё с зелёною листвою. Как только переменился ветер, плавник погнало обратно к берегу. Море стало выбрасывать назад все лишнее, все мёртвое и всё, что чуждо было его свободной и живой стихии.

Устье реки Билимбее находится около горы Железняк (460 метров), состоящей из кварцевого порфирита,

прорезанного в разных местах жилами глубинной зеленокаменной породы, дающей при разрушении охристо-жёлтый древесняк. Недалеко от устья, с левой стороны реки, высится небольшая береговая терраса с основанием из мелкозернистого туфа, а с правой — расстилается заболоченная низина. Раньше здесь проходила река Билимбее. Устье её было в том месте, где теперь находится река Шакира. Со временем морским прибоем заметало старое русло; тогда река проложила себе выход в море около горы Железняк. В нижнем течении река Билимбее в малую воду имеет в ширину 25 метров. Жёлтая грязная вода шла

сильной струёй, и казалось, будто и в море ещё продолжала течь Билимбее.

Продукты разрушения горы в виде мелкого песка, выносимого рекою, отлагаются там, где течение пресной воды ослабляется морским прибоем. Вследствие этого около устья реки Билимбее образовалась полоса мелководья — бар, которая, как барьером, преграждает доступ к реке.

С 19 по 21 августа мы простояли на месте. Стрелки по очереди ходили на охоту, и очень удачно. Они убили козулю и двух кабанов, а Дерсу убил оленя. Из голеней и берцовых костей изюбра он вынул костный жир, подогрел его немного на огне и слил

в баночку. Жир этот у туземцев предназначен для смазки ружей. После кипячения он остаётся жидким и не застывает на морозе.

Вечером Дерсу угостил меня оленьим хвостом. Он насадил его на палочку и стал жарить на углях, не снимая кожи. Олений хвост представляет собою небольшой мешок, внутри которого проходит тонкий стержень. Всё остальное пространство наполнено буровато-белой массой, по вкусу напоминающей не то мозги, не то печёнку. Олений хвост ценится как особое гастрономическое лакомство. Целые дни я проводил в палатке, вычерчивал маршруты, делал записи

в дневниках и писал письма. В перерывах между этими занятиями я гулял по берегу моря и наблюдал птиц.

Один раз из болот, заросших тростниками, я выгнал камышовку. Отлетев немного, она сейчас же опустилась в осоку, и после, сколько я ни искал её, не мог уже найти вторично. Тут яге были и кулики средней величины, с загнутыми кверху носами, должно быть, улиты; вероятно, уже началось перекочёвывание их к югу. По берегу моря, по песку, у самой воды, бегали грациозные кулички-песочники; они тоже готовились к перелёту. В море, на воде, держались нырковые утки и

белые и сизые чайки. Около устья Билимбее по воздуху с быстротой молнии носились какие-то тёмные длиннокрылые птички, похожие на ласточек. Я с трудом убил одну из них. Это оказался иглохвостый стриж (*Acanthillis caudacuta* Lath.). Около береговых обрывов можно было усмотреть каменных дроздов с тёмно-бурой окраской, с белыми крапинками на спине. Они весьма подходили под цвет окружающей обстановки и ловко прятались в камнях.

В ручьях, среди кустарников и в ямах с водою около реки держались чирки-клоктуны^[22] (*Nettion formosus* Georgi.).

Эти доверчивые и смирные уточки при приближении человека не выказывали испуга и не улетали прочь, а старались лишь немного отплыть в сторону, точно так, как это делают домашние утки.

Вечером мы с Дерсу долго разговаривали об охоте, о зверях, о лесных пожарах и т. д. У него были интересные и тонкие наблюдения. Так, по его словам, Лет двадцать тому назад две зимы подряд тигры двигались от запада к востоку. Заметил это не он один, а также и другие охотники. Все тигровые следы шли в этом направлении. По его мнению, это был массовый переход тигров из Сунгарийского края в

Сихотэ-Алинь. Затем он припомнил, что в 1886 году был общий падеж зверя. Летом гибли пятнистые олени, потом стали падать изюбры, а зимой — кабаны.

Раньше я несколько раз пытался расспрашивать Дерсу, при каких обстоятельствах он убил тигра, но гольд упорно отмалчивался или старался перевести разговор на другую тему, но сегодня мне удалось выпытать от него, как это случилось.

Дело было на реке Фудзине, в мае месяце. Дерсу шёл по долине среди дубового редколесья. При нём была маленькая собачонка. Сначала она весело бежала вперёд, но потом стала выказывать признаки

беспокойства.

Не видя ничего подозрительного, Дерсу решил, что собака боится медвежьего следа, и без опаски пошёл дальше.

Но собака не унималась и жалась к нему так, что положительно мешала идти. Оказалось, что поблизости был тигр. Увидев человека, он спрятался за дерево. По совершенной случайности вышло так, что Дерсу направлялся именно к тому же дереву.

Чем ближе подходил человек, тем больше прятался тигр; он совсем сжался в комок. Не замечая опасности, Дерсу толкнул собаку ногой, но в это время выскочил тигр.

Сделав большой прыжок в сторону, он начал бить себя хвостом и яростно реветь.

— Что ревёшь? — закричал ему Дерсу. — Моя тебя трогай нету. Зачем сердишься?

Тогда тигр отпрыгнул на несколько шагов и остановился, продолжая реветь. Гольд опять закричал ему, чтобы он уходил прочь. Тигр сделал ещё несколько прыжков и снова заревел.

Видя, что страшный зверь не хочет уходить, Дерсу крикнул ему:

— Ну, хорошо! Тебе ходи не хочу — моя стреляй, тогда виноват не буду.

Он поднял ружьё и стал

целиться, но в это время тигр перестал реветь и шагом пошёл на увал в кусты. Надо было воздержаться от выстрела, но Дерсу не сделал этого. В тот момент, когда тигр был на вершине увала, Дерсу спустил курок. Тигр бросился в заросли. После этого Дерсу продолжал свой путь. Дня через четыре ему случилось возвращаться той же дорогой. Проходя около увала, он увидел на дереве трёх ворон, из которых одна чистила нос о ветку.

«Неужели я убил тигра?!» — мелькнуло у него в голове.

Едва он перешёл на другую сторону увала, как наткнулся на мёртвого зверя. Весь бок у него был в

червях. Дерсу сильно испугался. Ведь тигр уходил, зачем он стрелял? Дерсу убежал. С той поры мысль, что он напрасно убил тигра, не давала ему покоя. Она преследовала его повсюду. Ему казалось, что рано или поздно, а он поплатится за это и даже по ту сторону смерти должен дать ответ.

— Моя теперь шибко боится, — закончил он свой рассказ. Раньше моя постоянно один ходи, ничего бойся нету, а теперь чего-чего посмотри — думай, след посмотри думай, один тайга спи — думай...

Он замолчал и сосредоточенно стал смотреть на огонь.

Ночь была тёплая и тихая.

Иногда сквозь облака на мгновение выглядывала луна, но хмурые тучи стремились заслонить её, точно они не хотели, чтобы она светила на землю. Сонный воздух, наполненный запахом багульника, был неподвижен. Где-то звонко капала вода и стрекотали кузнечики.

Дня через два вода в реке начала спадать, и можно было попытаться переправиться на другую её сторону. Буреломный лес хотя и продолжал ещё плыть, но не уносился в море, а застревал на баре.

Приказ выступать назавтра обрадовал моих спутников. Все стали суетиться, разбирать имущество и укладывать его по местам.

После бури атмосфера пришла в равновесие и во всей природе воцарилось спокойствие. Особенно тихими были вечера. Ночи стали прохладными.

На следующий день, когда я проснулся, солнце было уже высоко. Мои спутники напились чая и ждали только меня. Быстро я собрал свою постель, взял в карман кусок хлеба и, пока солдаты выючили мулов, пошёл вместе с Дерсу, Чжан Бао и А. И. Мерзляковым к реке Билимбее.

Собаки тотчас переплыли на другую сторону, но, видя, что мы не переходим, вернулись обратно. Надо было поискать брод. С той и с другой стороны тянулись отмели. Одна из

них была выше по течению, а другая ниже. Очевидно, брод шёл наискось. Вода в реке стояла ещё довольно высоко, и течение было быстрое. Положим, что лошади и люди могли бы переплыть, но как перетащить грузы? Оставалось только одно средство — сделать плот и на нём переправиться. Эта работа отняла у нас почти целый день. Часов в семь вечера мы закончили переправу, основательно устав и промокнув. Мулы, напуганные во время наводнения, сначала не хотели идти в воду. Дьяков переплыл с одним из них, и тогда остальные без всяких заминок пошли сзади.

На другом берегу высилась

большая терраса. Тут мы и остановились.

Когда на западе угасли последние отблески вечерней зари и все кругом погрузилось в ночной мрак, мы могли наблюдать весьма интересное явление из области электрометеорологии: свечение моря и в то же время исключительную яркость Млечного Пути. Море было тихое. Нигде ни единого всплеска. И вся обширная гладь воды как-то тускло светилась. Иногда вдруг разом вспыхивало все море, точно молния пробегала по всему океану. Вспышки эти исчезали в одном месте, появлялись в другом и замирали где-то на горизонте. На небе было так

много звёзд, что оно казалось одною сплошною туманностью; из всей этой массы особенно явственно выделялся Млечный Путь. Играла ли тут

роль прозрачность воздуха или действительно существовала какая-нибудь связь между этими двумя явлениями боюсь сказать. Мы долго не ложились спать и любовались то на небо, то на море. На другое утро караульные сообщили мне, что свечение морской воды длилось всю ночь и прекратилось только перед рассветом.

Глава седьмая

Экскурсия на Сяо-Кему

Мелкие речки, текущие в море. — Кости оленей. — Комета. — Что такое солнце? Река Конор. — Староверы. — Непогода. — Река Сакхома. — Недоразумение с

условными знаками. — Река Угрюмая. — Горы в истоках реки Горелой. — Звезды. — Суеверие дикаря и образованного человека. — Красные волки. — Возвращение.

Двадцать четвёртого августа мы распрощались с рекой Билимбее и пошли вдоль берега моря. Продолжением берегового хребта, отделяющего реку Фату и реку Бейцу (притоки Санхобе) от моря, будет гора Узловая. Далее, на север, за ней в море впадают следующие речки: Кольгатео (по-удэгейски Куалигаса), Хаома (Хома), Сюригчи (Сюликси), Гицироза, Вязтыгни, Ойонктого (по-китайски — Куандал и по-удэгейски

— Куанда), Ада, Чуркан (по-китайски — Чаан-уоза и по-удэгейски — Анкуга) и Конор. На этом протяжении в обнажениях на берегу моря встречаются слюдистые сланцы, известковые и глинистые песчаники, окрашенные окисью железа, затем известняки, сланцевая глина, мелафиры, базальты и андезиты. Гора Железняк падает к морю обрывистыми утёсами, у подножия которых тянется узкая, местами совсем исчезающая полоса прибоя. Во время волнения идти здесь совсем нельзя. Около реки Кольгатео есть скала, удивительно похожая на голову человека. Удэгейцы называют её Кадани, то

есть каменный человек. По их преданию, это был великан. Один раз он вошёл в воду и стал кричать, что никого не боится. В этот момент властитель морей — Тэму — превратил его в камень. От тяжести он стал увязать в земле и опускаться всё ниже и ниже. Лет пятьдесят тому назад ещё были видны его плечи, а теперь над водной поверхностью осталась только одна голова. Иногда великан шевелится: тогда содрогаются и стонут прибрежные сопки.

От устья реки Билимбее до Конора двенадцать километров по прямой линии. В этот день, несмотря на хорошую погоду, нам удалось

пройти немного. На бивак мы стали около небольшой речки Сюригчи. Нижняя часть её заболочена, а верхняя покрыта гарью. Здесь был когда-то хороший лес. Недавнее наводнение размыло оба берега речки.

Невдалеке от бивака Дьяков нашёл скелеты двух оленей, спутавшихся рогами. Я отправился по указанному направлению и вскоре действительно увидел на земле излюбровые кости. Видно было, что над уборкой трупов потрудились и птицы и хищные звери. Особенный интерес представляли головы животных. Во время драки они так сцепились рогами, что уже не могли

разойтись и погибли от голода. Стрелки пробовали разнять рога; шесть человек (по три с каждой стороны) не могли этого сделать.

Можно представить себе, с какой силой бились изюбры! Очевидно, при ударе рога раздались и приняли животных в смертельные объятия. Хотя мулы наши были перегружены, тем не менее я решил дотащить эту редкую находку до первого жилого пункта и там оставить её на хранение.

Ночью, перед рассветом, меня разбудил караульный и доложил, что на небе видна «звезда с хвостом». Спать мне не хотелось, и потому я охотно оделся и вышел из палатки.

Чуть светало. Ночной туман исчез, и только на вершине горы Железняк держалось белое облачко. Прилив был в полном разгаре. Вода в море поднялась и затопила значительную часть берега. До восхода солнца было ещё далеко, но звезды стали уже меркнуть. На востоке, низко над горизонтом, была видна комета. Она имела длинный хвост.

Скоро проснулись остальные люди и принялись рассуждать о том, что предвещает эта небесная странница. Говорили, что земля обязана ей своим недавним наводнением, а Чжан Бао сказал, что в той стороне, куда направляется комета, будет война. Видя, что Дерсу

ничего не говорит, я спросил его, что думает он об этом явлении.

— Его так сам постоянно по небу ходи, людям никогда мешай нету, — отвечал гольд равнодушно.

При всём своём антропоморфизме он был прав и судил о вещах так, каковы они есть на самом деле.

Но вот на востоке стала разгораться заря, и комета пропала. Ночные тени в лесу исчезли; по всей земле разлился серовато-синий свет утра. И вдруг яркие солнечные лучи вырвались из-под горизонта и разом осветили все море.

— Дерсу, — спросил я его, — что такое солнце?

Он посмотрел на меня недоумевающе и, в свою очередь, задал вопрос:

— Разве ты никогда его не видал? Посмотри! — сказал он и указал рукой на солнечный диск, который в это время поднялся над горизонтом.

Все засмеялись. Дерсу остался недоволен: как можно спрашивать человека, что такое солнце, когда это самое солнце находится перед глазами? Он принял это за насмешку.

Вследствие того, что мы рано встали, мы рано выступили и с бивака. Тропа по-прежнему шла по берегу моря. После реки Сюригчи на значительном протяжении идут

метаморфические глинистые
сланцы.

Из мелких речек здесь наиболее интересна река Конор. Она длиною около 10 километров и состоит из слияния двух речек: большойлевой и меньшей Правой. Истоки реки Конор находятся в том же горном узле (горы Туманная и Дромацер), где истоки реки Забытой (приток реки Билимбее).

Долина Конор большей частью болотистая, покрыта лиственным редколесьем; река маловодная, но имеет довольно быстрое течение. Около устья она разделяется на два рукава, текущие по глубоким расщелинам. По сторонам их

возвышаются морские береговые террасы — как результат отрицательного движения береговой линии.

Отдохнув немного на Коноре, мы снова тронулись в путь.

Тут тропа оставляет берег моря и по ключику Ада поднимается в горы, затем пересекает речку Чюриги и тогда выходит в долину реки Сяо-Кемы, которая на морских картах названа Сакхемой.

На Сяо-Кеме, в полутора километрах от моря, жил старообрядец Иван Бортников. Семья его состояла из него самого, его жены, двух взрослых сыновей и двух дочерей. Надо было видеть, как

испугало их наше появление! Захватив детей, женщины убежали в избу и заперлись на засовы. Когда мы проходили мимо, они испуганно выглядывали в окна и тотчас прятались, как только встречались с кем-нибудь глазами. Пройдя ещё с полкилометра, мы стали биваком на берегу реки, в старой липовой роще.

Сегодня весь день стояла в воздухе какая-то мгла. Она медленно сгущалась. После полудня в ней потонули дальние горы. Барометр стоял на 757 миллиметрах при $+14,5^{\circ}\text{C}$. На западной части неба всё время держалась тёмная туча с резко очерченными краями. Характер ветра был неровный: то он становился

порывистым, то спадал до полного штиля. В тот момент, когда солнце скрылось за облаками, края последних стали светиться, как будто были из расплавленного металла. Прошло несколько минут, и вдруг из-за тучи по жёлто-зелёному фону неба веером поднялись три пурпуровых луча. Явление это продолжалось не более двух минут. Затем оно начало блекнуть, и вместе с тем туча стала быстро застилать небо.

Я думал, что на другой день, 26 августа, будет непогода. Но опасения мои оказались напрасными. Наутро небо очистилось, и день был совершенно ясный.

Староверы Бортниковы жили

зажиточно, повинностей государственных не несли, земли распахивали мало, занимались рыболовством и соболеванием и на своё пребывание здесь смотрели как на временное. Они не хотели, чтобы мы отправились в горы, и неохотно делились с нами сведениями об окрестностях.

Река Сяо-Кема состоит из слияния двух рек: Горелой длиной в 15 и Сакхомы длиной в 20-25 километров. Слияние их происходит недалеко от моря. Здесь долина становится шире и по сторонам окаймляется невысокими сопками, состоящими главным образом из базальтов, с резко выраженной

флюидалльной структурой и
листоватую сфероидальнойю
отдельностью.

Во время недавнего наводнения вода сильно размыва русло реки и всюду проложила новые протоки. Местами видно было, что она шла прямо по долине и плодородную землю занесла песком и галькой. Около устья все протоки снова собираются в одно и образуют нечто вроде длинной заводи.

Сегодняшняя вечерняя заря была опять очень интересной и поражала разнообразием красок. Крайний горизонт был багровый, небосклон — оранжевый, затем жёлтый, зелёный и в зените мутно-бледный.

Это была паутина перистых облаков. Мало-помалу она сгущалась и наконец превратилась в слоистые тучи. Часов в десять вечера за ней скрылись последние звезды. Началось падение барометра.

Утром разбудил меня шум дождя. Одевшись, я вышел на улицу. Низко бегущие над землёй тучи, порывистый ветер и дождь живо напомнили мне бурю на реке Билимбее. За ночь барометр упал на 17 миллиметров. Ветер несколько раз менял своё направление и к вечеру превратился в настоящий шторм.

В этот день работать не удалось. Палатку так сильно трепало, что,

казалось, вот-вот её сорвёт ветром и унесёт в море. Часов в десять вечера непогода стала стихать. На рассвете дождь перестал и небо очистилось.

28, 29 и 30 августа были посвящены осмотру реки Сяо-Кемы. На эту экскурсию я взял с собою Дерсу, Аринина и Сабитова. Маршрут я наметил по реке Сакхоме до истоков и назад, к морю, — по реке Горелой. Стрелки с вьючным мулом должны были идти с нами до тех пор, пока будет тропа. Дальше мы идём сами с котомками, а они тою же дорогою возвращаются обратно.

Часов в восемь утра мы выступили с бивака.

Тропа начинается от самого

дома староверов и идёт по левому берегу реки. Здесь рельеф представляется в виде холмов с длинными пологими скатами. Разбросанные по долине реки, густо поросшие орешником холмы чередуются с болотцами и каменистыми участками, лишёнными растительности. Между ними река проложила себе много проток. После недавнего дождя они все были переполнены водою. Эти пологие увалы есть не что иное, как размытые речные террасы, покрытые редколесьем из дуба, бархата, клёна, чёрной берёзы, тополя, вяза и липы в возрасте от 150 до 200 лет.

Как и везде, густое подлесье в

долине Сакхомы состояло из зарослей калины, таволжки и леспедецы. Среди кустарников нагнел себе приют охотский хмель (*Atrangene ochotensis* Pall.) с зимующим одеревенелым стеблем, повесивший на близрастущее деревце свои цепкие плети с белыми пушинками, как у одуванчика. В другом месте тонкие длинные ветви ломоноса (*Clematis manshurica* Rupr.) с мелкими белыми цветами совсем опутали куст шиповника. Тут же из зарослей подымала свою красивую головку пышная ятрышниковая любка (*Platanthera chlorantha* Custor.), а рядом с ней — ядовитая чемерица (*Veratrum album* L.), которую легко

узнать по плойчатым, грубым листьям и шапке белых цветов, теперь уже побуревших и засохших.

По дну длинных балок, прорезывающих террасы в направлении, перпендикулярном к линии тальвега долины, текут небольшие извилистые ручейки. Около их устьев кустарники прерываются, и их места занимают тростники (*Phragmites communis* Trin.) и обыкновенная полынь (*Artemisia vulgaris* L.) сажённой высоты, оспаривающие друг у друга открытые и сухие места.

Мул, которого взяли с собою Аригин и Сабитов, оказался с ленцой, вследствие чего стрелки

постоянно от нас отставали. Из-за этого мы с Дерсу должны были часто останавливаться и поджидать их. На одном из привалов мы условились с ними, что в тех местах, где тропы будут разделяться, мы будем ставить сигналы. Они укажут им направление, которого надо держаться. Стрелки остались поправлять седловку, а мы пошли дальше.

Река Сакхома около устья шириною 6-8 и глубиною не более 1-1 1/2 метра. Немного выше того места, где она соединяется с рекой Горелой, долина суживается. С правой стороны поднимаются высокие горы, поросшие густым

смешанным лесом, а слева тянутся размытые террасы с лиственным редколесьем.

Здесь тропы первый раз разделились: одна пошла вверх по реке, другая куда-то вправо. Надо было поставить условленный сигнал. Дерсу взял палочку, застругал её и воткнул в землю; рядом с ней он воткнул прутик, согнул его и надломленный конец направил в ту сторону, куда надо идти. Установив сигналы, мы отправились дальше в уверенности, что стрелки поймут наши знаки и пойдут как следует. Пройдя километра два, мы остановились. Не помню, мне что-то понадобилось во вьюках. Мы стали

ждать стрелков, но не дождались и пошли назад, к ним навстречу. Минут через двадцать мы были у места разветвления троп. С первого лее взгляда стало ясно, что стрелки не заметили нашего сигнала и пошли по другой дороге. Дерсу начал ругаться.

— Какой народ! — говорил он в сердцах. — Так ходи, головой качай, всё равно как дети. Глаза есть — посмотри нету. Такие люди в сопках живи не могу — скоро пропади.

Его удивляло не то, что Аринин и Сабитов ошиблись. Это не беда! Но как они, идя по тропе и видя, что на ней нет следов, всё-таки продолжают идти вперёд. Мало того, они столкнули оструганную палочку. Он

усмотрел, что сигнал был опрокинут не копытом мула, а ногою человека.

Однако разговором дела не поправишь. Я взял своё ружьё и два раза выстрелил в воздух. Через минуту откуда-то издалека послышался ответный выстрел. Тогда я выстрелил ещё два раза. После этого мы развели огонь и стали ждать.

Через полчаса стрелки возвратились. Они оправдывались тем, что Дерсу поставил такие маленькие сигналы, что их легко было не заметить. Гольд не возражал и не спорил. Он понял, что то, что ясно для него, совершенно неясно для других.

Напившись чаю, мы опять пошли вперёд. Уходя, я велел людям внимательно смотреть под ноги, чтобы не повторить ошибки. Часа через два мы достигли того места, где в Сакхому с правой стороны впадает река Угрюмая.

Тут тропы опять разделились. Первая ведёт на перевал к реке Илимю (приток Такемы), а по второй нам следовало идти, чтобы попасть в истоки реки Горелой. Дерсу снял котомку и стал таскать бурелом.

Рано делать бивак, — сказал я ему. — Пойдём дальше.

— Моя дрова таскай нету. Моя дорога закрывай, — ответил он серьёзным тоном.

Тогда я понял его. Стрелки бросили ему укор в том, что оставляемые им сигналы незаметны. Теперь он решил устроить такую преграду, чтобы они упёрлись в неё и остановились. Меня это очень рассмешило. Дерсу навалил на тропе множество бурелома, нарубил кустов, подрубил и согнул соседние деревья — словом, создал целую баррикаду. Завал этот подействовал. Натолкнувшись на него, Сабитов и Аринин осмотрелись и пошли как следует.

Река Угрюмая течёт в широтном направлении. Узкая долина её покрыта густым хвойно-смешанным лесом. Следы разрушительного

действия воды видны на каждом шагу. Лежащие на земле деревья, занесённые галькою и песком, служат запрудами, пока какое-нибудь новое большое наводнение не перенесёт их в другое место.

По дороге мы несколько раз видели козуй. Я стрелял и убил одну из них. В сумерки мы дошли до верховьев реки и стали биваком.

Вечером Дерсу особым способом жарил козулятину. Он выкопал в земле яму размером 40 сантиметров в кубе и в ней развёл большой огонь. Когда стенки ямы достаточно прогрелись, жар из ямы был вынут. После этого гольд взял кусок мяса, завернул его в листья

подбела (*Petasites palmata*) и опустил в яму. Сверху он прикрыл её плоским камнем, на котором снова развёл большой огонь на полтора часа. Приготовленное таким образом мясо было удивительно вкусно. Ни в одном первоклассном ресторане не сумели бы так хорошо его зажарить: снаружи козулятина покрылась красновато-бурой плёнкой, но внутри была сочная. С той поры при каждом удобном случае мы жарили мясо именно таким способом.

Отсюда на другой день стрелки Аринин и Сабитов с мулом пошли обратно, а мы с Дерсу продолжали маршрут дальше.

В верховьях река Угрюмая

разбивается на две реки, расходящиеся под углом градусов в тридцать. Мы пошли влево и стали взбираться на хребет, который здесь описывает большую дугу, охватывая со всех сторон истоки реки Горелой (река Угрюмая огибает его с запада). С этих гор берут начало и другие реки. На запад течёт река Сяо-Кунчи (приток Такемы), на юг — один из притоков реки Билимбее, на юго-восток — Конор. Если стоять лицом вверх по реке Горелой, а спиною к морю, то вершины, составляющие упомянутый горный хребет, располагаются справа налево в следующем порядке: гора Голиаф (960), Туманная (970), Шпиц (940),

Шанц (1000), Дромадер (1060), Облачная (980) и Алмазная (900 метров). Последняя состоит из крупнозернистого кварцевого порфира. Здесь в жилах часто находили грузы горного хрусталя. Это обстоятельство, вероятно, и послужило поводом для того, чтобы окрестить её Алмазной горой.

— Все окрестные сопки обезлесены пожарами; дожди смыли всю землю и оголили старые осыпи, среди которых кое-где сохранились одинокие скалы с весьма причудливыми очертаниями. Одни из них похожи на людей, другие — на колонны, третьи — на наковальни и т.д.

Мы с Дерсу прошли вдоль по хребту. Отсюда сверху было видно далеко во все стороны. На юге, в глубоком распадке, светлой змейкой извивалась какая-то река; на западе в синеве тумана высилась высокая гряда Сихотэ-Алиня; на севере тоже тянулись горные хребты; на восток они шли уступами, а дальше за ними виднелось тёмно-синее море. Картина была величественная и суровая.

Когда начало смеркаться, мы немного спустились с гребня хребта в сторону реки Горелой. После недавних дождей ручьи были полны водою. Очень скоро мы нашли удобное место и расположились

биваком высоко над уровнем моря.

С утра день был облачный, но к вечеру небо очистилось. Золотисторозовые лучи заходящего солнца некоторое время скользили по склонам гор и взбирались всё выше и выше. Потом они оставили скалы и стали играть с облаками на небе; потом угасло и это явление: вечерняя заря стала медленно замирать. Дромадер, Шанц и Алмазная гора резко вырисовывались на светлом фоне неба и казались теперь ещё сумрачнее и выше. По мере того как пропадал свет солнца на небе, по земле разливался другой, бледно-голубой свет луны. Тени стали резче и темнее. Кругом пала обильная

роса.

Ночь обещала быть холодной, и потому мы постарались собрать побольше дров, благо в них здесь не было недостатка.

Лёжа у костра, я любовался звёздами. Дерсу сидел против меня и прислушивался к ночным звукам. Он понимал эти звуки, понимал, что бормочет ручей и о чём шепчется ветер с засохшей травой.

Мы разговаривали: говорили о небе, о луне, о звёздах. Мне интересно было узнать, как объясняет все небесные явления человек, прошедший всю жизнь среди природы, ум которого не был заполнен книжными аксиомами.

Оказалось, что он никогда не задумывался над тем, что такое небо, что такое звезды. Объяснял он все удивительно просто. Звезда-звезда и есть; луна — каждый её видел, значит и описывать нечего; небо — синее днём, тёмное ночью и пасмурное во время ненастья. Дерсу удивился, что я расспрашиваю его о таких вещах, которые хорошо известны всякому ребёнку.

— Кругом люди понимай. Разве тебе, капитан, посмотри нету? — спрашивал он меня, в свою очередь.

Я так увлёкся созерцанием звёздного неба, что совершенно забыл о том, где я нахожусь. Вдруг голос Дерсу вывел меня из

задумчивости.

— Посмотри, капитан, — сказал он, — эта маленькая уикта (звезда).

Я долго не мог разобраться, на какое светило он указывал, и наконец после разъяснений понял, что он говорил про Полярную звезду.

— Это самый главный люди, — продолжал гольд. — Его всегда один место стоит, а кругом его все уикта ходят.

В это время яркая падающая звезда черкнула по небу.

Что это такое, Дерсу? Как ты думаешь? — спросил я его.

— Одна уикта упала.

Я думал, что он свяжет это явление с рождением или со смертью

человека, даст ему религиозную окраску. Ничего подобного. Явление простое: одна звезда упала.

— Люди говорят, — добавил он, — там, где упала звезда, надо искать женьшень.

Для образованного человека это явление сложное: осколок астероида, случайно вошедший в сферу земного притяжения, раскалившийся от трения о воздух, горящий за счёт кислорода воздуха, метеорное железо, космическая пыль... Падение их на Землю в течение многих веков должно влиять на объём, вес и плотность Земли, а всякое малейшее изменение в этом направлении влечёт изменение в

движении её и рефлектирует на движение других планет и т. д.

Я очнулся от своих дум. Костёр угасал. Дерсу сидел, опустив голову на грудь, и дремал. Я подбросил дров в огонь и стал устраиваться на ночь.

На другое утро мы проснулись от холода. Роса, выпавшая с вечера на землю, замёрзла и превратилась в иней. Согревшись чаем, мы надели свои котомки и стали спускаться к реке Горелой. Долина её шире, чем долина реки Сакхомы, и имеет явно выраженный характер размыва. Другой отличительной чертой её будет отсутствие лесов, большею частью уничтоженных пожарами. Все склоны гор, обращённые к реке

Горелой, сплошь покрыты осыпями, заросшими травой, кустарниками, и завалены буреломом. Река имеет порожистый характер. Долина её длиною в 14 километров, ширина около устья — 4-6 и глубина не более 0,6-0,9 метра.

По мере того как мы подвигались книзу, ручей становился многоводнее. Справа и слева в него впадали такие же ручьи, и скоро наш ручей стал довольно большою горного речкой. Вода с шумом стремилась по камням, но этот шум до того однообразен, что забываешь о нём, и кажется, будто в долине царит полная тишина.

Пробираться сквозь заросли

горелого леса всегда трудно. Оголённые от коры стволы деревьев с заострёнными сучками в беспорядке лежат на земле. В густой траве их не видно, и потому часто спотыкаешься и падаешь. Обыкновенно после однодневного пути по такому горелому колоднику ноги у лошадей изранены, у людей одежда изорвана, а лица и руки исцарапаны в кровь. Зная по опыту, что гарь выгоднее обойти стороною, хотя бы и с затратой времени, мы спустились в ручей и пошли по гальке.

Вдруг за поворотом речки я увидел какое-то животное, похожее на собаку, только выше ростом. Широкая голова, небольшие

мохнатые стоячие уши, притуплённая морда, сухое сложение и длинный пушистый хвост изобличали в нём красного волка, или шакалоподобную дикую собаку (*Cyon alpinus* Palb.). Цвет волка действительно был красный, тёмный на спине и светлый на брюхе. Животное лакало воду. Когда мы вышли на гальку, оно перестало пить и большими прыжками побежало к лесу. Вслед за ним из прибрежных кустов выскочили ещё два волка, из которых один был такой же окраски, как и первый, а другой темнее, и ещё несколько животных промелькнуло мимо нас по кустам. Я стрелял и ранил одного из них. В это время

подошёл Дерсу. Узнав, в чём дело, он направился в заросли и стал что-то искать. Минуты через две я услышал его оклик и повернул в ту сторону. Гольд стоял около большого кедра и махал мне рукою. Подойдя к нему, я увидел на земле большое кровавое пятно и кое-где клочки оленьей шерсти. Дерсу сообщил мне, что красные волки всегда бродят по тайге стаями и охотятся за козами сообща, причём одни играют роль загонщиков, а другие устраивают засаду. Когда они бросаются на животное, то растаскивают его на части, оставляя на месте, как и в данном случае, только кровавое пятно и клочки шерсти. Охотники

говорят, что бывали случаи нападения их на человека.

Область распространения красных волков обнимает долину реки Уссури, Южноуссурийский край и прибрежный район к северу от залива Ольги до мыса Плитняк. Другими словами, северная граница их обитания совпадает с границей распространения диких коз и пятнистых оленей. Чаще всего животное это встречается в Посъетском, Барабашевском и Суйфунском районах.

Отдохнув немного около речки, мы пошли дальше и к вечеру дошли до берега моря.

Следующий день, 31 августа, мы

провели на реке Сяо-Кеме, отдыхали и собирались с силами. Староверы, убедившись, что мы не вмешиваемся в их жизнь, изменили своё отношение к нам. Они принесли нам молока, масла, творогу, яиц и хлеба, расспрашивали, куда мы идём, что делаем и будут ли около них сажать переселенцев.

Глава восьмая

Такема

*Птицы на берегу моря. —
Население. — Дугообразно
расположенные горные складки. —
Река Илимо. — Старуха с
внучатами. — Река Цимухе. —
Леший и следы тигра. — Изюбр.
Пороги. Переправа вброд. Бивак*

старика китайца

Сегодня первый день осени (1 сентября). После полудня мы оставили реку Сяо-Кему и перешли на Такему. Расстояние это небольшое всего только 7 километров при хорошей тропе, проложенной параллельно берегу моря.

Окрестные горы состоят из метаморфизированных базальтов, авгитового андезита и туфов и имеют вид размытых невысоких холмов с пологими скатами. На Такему мы пришли рано, но долго не могли переправиться через реку. На правом её берегу, около устья, паслись лошади под наблюдением старика

китайца и хромого таза. Последний, по словам старика, поехал на лодке в деревню за продуктами и должен был скоро возвратиться обратно. Пришлось его дожидаться. Пока стрелки варили чай, я от нечего делать пошёл к берегу моря посмотреть птиц.

Перелёт только что начался. Прежде всего я заметил серых уток и узконосых чирков. Тех и других было очень много. Первые очень пугливы. Они не подпускали к себе человека и взлетали тотчас, как только слышали шум шагов. Вторые — маленькие серые уточки с синими зеркальцами на крыльях, смирные и доверчивые, — старались только

немного отплыть в сторону. В другом месте я увидел нескольких чернетей. Чёрные, с синим отливом и с белыми пятнами на спине, они быстро плавали по лагуне и часто ныряли. Я убил двух птиц, но есть их было нельзя, потому что мясо сильно пахло рыбой. На противоположном берегу стайками ходило много куличков. Некоторые из них перелетали на нашу сторону. Это были красноногие щёголи. Около воды сустились камнешарки — красивые пёстренькие птички, тоже с красными ногами. Они бегали по воде и каждый раз, когда отходила волна, заглядывали под камни, переворачивали травинки и

выискивали корм. Ближе к морю держались самые крупные и красивые кулики-сороки с красными клювами и ногами серо-фиолетового цвета. Они подпускали человека не более как на сто пятьдесят-двадести шагов, затем снимались по очереди и, отлетев шагов на четыреста, снова садились у воды, озираясь по сторонам. Около устья реки в одиночку бегали по камням, помахивая хвостиками, грациозные трясогузки и нисколько не боялись присутствия человека. В море плавали обычные каменухи, которые, видимо, были совершенно равнодушны к перелёту. Их не беспокоили надвигавшиеся холода.

Приближалось время хода кеты, и потому в море перед устьем Такемы держалось множество чаек. Уже несколько дней птицы эти в одиночку летели куда-то к югу. Потом они пропали и вот теперь неожиданно появились снова, но уже стаями. Иногда чайки разом снимались с воды, перелетали через бар и опускались в заводь реки. Я убил двух птиц. Это оказались тихоокеанские клуши.

На Такеме фазанов нет вовсе, несмотря на то, что возделывают землю здесь уже более десяти лет. Это объясняется тем, что между реками Санхобе и Такемой лежит пустынная область, без пашен и

огородов. По-видимому, река Такема в Уссурийском крае является северной границей распространения обыкновенной белобокой сороки, столь обычной для Ольгинского района и быстро сокращающейся в числе по мере продвижения на север по побережью моря.

Наконец хромой таз вернулся, и мы стали готовиться к переправе. Это было не так просто и легко, как казалось с берега.

Течение в реке было весьма быстрое, перевозчик таз каждый раз поднимался вверх по воде метров на триста и затем уже спускался к противоположному берегу, упираясь изо всех сил шестом в дно реки, и всё

же течением его сносило к самому устью.

В низовьях река Такема разбивается на три рукава. Они все впадают в длинную заводь, которая тянется вдоль берега моря и отделена от него песчаным валом. Раньше устье Такемы было в 12 километрах от моря, там, где долина суживается и образует «щеки». Об этом красноречиво говорят следы коррозии [\[23\]](#) с левой стороны долины, у подножия отодвинутых ныне в глубь страны береговых обрывов, состоящих из аклировидного гранита.

Километрах в десяти от моря правый берег реки скалистый и

состоит из крепкого, не поддающегося разрушению гранита, с многочисленными жилами из афанита и скилита.

Переправившись на другую сторону реки, мы пошли к фанзам, видневшимся вдали. Население Такемы смешанное и состоит из китайцев и тазов, китайских фанз 23, тазовских - 11.

В горах с правой стороны реки, против фанзы Сиу Фу, манзы мыли золото, но бросили это дело вследствие того, что добыча драгоценного металла не оправдывала затрачиваемых на него усилий.

Тазы на реке Такеме те же, что и

в Южноуссурийском крае, только менее подвергшиеся влиянию китайцев. Живут они в фанзах, умеют делать лодки и лыжи; летом занимаются земледелием, а зимой соболеванием. Говорят они по-китайски, а по-удэгейски знают только счёт да отдельные слова. Туземцы забиты и как везде находятся в неоплатных долгах.

Когда мы подходили к посёлку, навстречу нам вышел старшина Сю Кай. Это был благообразный старик с седою бородою. Местом стоянки я выбрал фанзу таза Сиу Фу, одиноко стоящую за протокой.

На следующий день, 2 сентября, была назначена днёвка. Любители

ловить рыбу ходили на реку. Они поймали три кеты (*Oncorhynchus keta* Walb.), одну горбушу (*Oncorhynchus gorbuscha* W.) и двух бычков-подкаменщиков (*Cottus poecilopus* Heckel) с пёстрой окраской и оранжевой каймой на тёмно-оливковом спинном плавнике. Остальные люди приводили в порядок одежду и чистили оружие.

Посоветовавшись с тазами, я решил вверх по реке Такеме идти с Дерсу, Чжан Бао, Арининым и Чан Лином, племянником горбатого таза, убежавшего с реки Иодзыхе. А. И. Мерзлякову с остальными мулами я велел отправиться на реку Амагу, где и ждать моего возвращения.

Выступление было назначено на другой день, но осуществить его не удалось вследствие весьма ненастной погоды. Наконец 4 сентября дождь перестал. Тогда мы собрали свои котомки и после полудня вчетвером выступили в дальний путь.

К северу от мыса Видного прибрежная полоса в географическом отношении представляет область, совершенно не похожую на то, что мы видели южнее. Интересной особенностью этой части Уссурийского края являются дугообразно расположенные горные складки. В связи с этим и направление течения

рек к морю дугообразное. Такими именно реками будут Такема, Кусун, Кулумбе и Амагу. Первые две являются объемлющими, а вторые объемлемыми, причём верховья Такемы заходят за верховья Кусуна. Кулумбе и Амагу в свою очередь охватывают реки Вандагоу, Наину и Момокчи. Река Такема длиною более ста двадцати километров. Течёт она по продольной долине и в нижнем течении прерывает горный хребет. Такема река быстрая, многоводная и чрезвычайно порожистая. Ширина её в нижнем течении 60 и глубина до 1 1/2 метра.

От фанз тазов вверх по долине идёт пешеходная тропа. Она

придерживается левого берега реки и всячески избегает бродов. Там, где долина суживается, приходится карабкаться по скалам и даже идти вброд по воде. Первые «щеки» (из породы кварцепорфирового туфа) находятся в 12 километрах от моря, вторые будут на 2,5 километра выше. Здесь в обнажениях можно видеть диабазовый и сильно хлоризированный порфирит. В углублении одной из скал китайцы устроили кумирню, посвящённую божеству, охраняющему леса и горы.

За «щеками» долина опять расширяется. Эта местность называется Илиммо, по имени реки, впадающей в Такему с правой

стороны. Длина её 35 километров, и в истоках она состоит из трёх горных ручьёв. Наиболее интересный — левый её приток Чаку, с перевалом на Такунчи (приток Такемы). По словам туземцев, в верховьях Чаку есть высокая скалистая сопка, которую китайцы называют Ян-Лаза (то есть Трубчатая скала): Средний безымянный ключик приведёт путника на реку Билимбее, а правый на реку Сяо-Кему.

Долина реки Илимo прямая, в нижней части открытая и каменистая. С левой стороны её тянутся террасы, местами болотистые и заросшие редколесьем из чёрной берёзы, липы и

лиственницы.

Около устья реки Илимo мы нашли две маленькие полуразрушенные фанзочки. В одной из них жила старуха с внучатами: мальчиком девяти и девочкой семи лет. У этих детей отец и мать умерли от оспы два года тому назад. Китайцы воспользовались беззащитностью старухи и обобрали её дочиста: отняли жилище, огороды, кур, свиней и даже собак. Несчастной старухе ничего не оставалось, как перекочевать на Илимo и поселиться здесь в одиночестве. Я застал семью в ужасной бедности. Мальчик ловил рыбу и тем кормил старуху и свою

сестрѣнку. Нигде потеря мужа не является таким несчастьем, как у тазов. Со смертью кормильца семьи являются кредиторы. Как хищные птицы, они набрасываются на имущество покойного и буквально начисто обирают вдову. К её душевным Страданиям присоединяется ещё страх перед изгнанием из жилища, нищетой и разлукой с детьми, которых китайцы обыкновенно продают как рабов на сторону.

Мне стало жаль старуху, и я ей дал три рубля. Она растерялась, заплакала и просила меня не говорить об этом китайцам. Простившись с нею, мы отправились

дальше. Мальчик пошёл проводить нас до реки Цимухе.

От устья реки Илимo Такема поворачивает на север и идёт в этом направлении километров шесть или семь. Она всё время придерживается правой стороны долины и протекает у подножия гор, покрытых осыпями и почти совершенно лишённых растительности. Горы эти состоят из глинисто-кремнистых сланцев и гранитного порфира. С левой стороны реки тянется широкая полоса земли, свободная от леса. Здесь можно видеть хорошо сохранившиеся двойные террасы. Деревья, разбросанные в одиночку и небольшими группами, придают им

живописный вид.

Долина Цимухе кажется как бы продолжением долины Такемы. Из зелени леса около её устья подымается одинокая скала без названия, которая может служить прекрасным ориентировочным пунктом. Вдали виднеется высокий горный хребет, окаймляющий бассейн реки Такемы с северо-восточной стороны и совершенно оголённый от леса.

От реки Цимухе Такема делает крутой поворот на запад и проходит по ущелью между гор, состоящих из полевошпатового порфира с включениями хлорита; с правой стороны наблюдаются обнажения

фельзитов и кварцевого порфира с эпидотом. Тут много скал, от действия воды принявших причудливые очертания. Некоторые из них похожи на ворота, другие — на допотопных животных с маленькими головами, третьи — на фигурные столбы и т. д. Они тянутся на протяжении двух или трёх километров. Затем долина опять расширяется. Во время дождей здесь всегда скопляется много воды. Тогда река выходит из берегов и затопляет весь лес.

В долине Такемы произрастают могучие девственные леса, которых ни разу ещё не касалась рука человека. Казалось, природа нарочно

избрала эти места для того, чтобы показать, какова может быть производительная сила земли.

Кедр (*Pinus karajensis* S. et Z.), тополь (*Populus suaveolens* Fisch.), клён (*Acer mono* Maxim.), ольха (*Alnus fruticosa* Rupr.), черёмуха Максимовича (*Prunus padus maackii* Rupr.), шиповник (*Rosa acicularis* Lindl.), рябина бузинолистная (*Sorbus sambucifolia* Tr.), амурский барбарис (*Berberis amurensis* Maxim.) и чёртово дерево (*Aralia chinensis* R. M.), опутанные виноградником (*Vitis amurensis* Rupr.), актинидиями (*Actinudia kolomicta* Maxim.) и лимонником (*Schizandra chinensis* Baill.), образуют здесь такую

непролазную чашу, что пробираться через неё можно только с ножом в руке, с затратой больших усилий и с риском оставить одежду свою в кустах.

Мы шли довольно шумно. Дерсу что-то рассказывал, Чжан Бао и Чан Лин смеялись. Вдруг Леший остановился, поджал под себя хвост, сгорбился и, прижав уши, со страхом стал озираться по сторонам. Пропустив мимо себя людей, он тихонько поплёлся сзади. Причина его страха скоро разъяснилась. Впереди на илистой почве были видны отпечатки тигровых лап. Зверь только что бродил здесь, но, услышав наши голоса, скрылся в зарослях. В

это время моя Альпа, понимающая толк только в пернатой дичи, отстала немного и затем бросилась нас догонять. Услышав, что сзади кто-то бежит, Леший с визгом бросился под ноги Дерсу и опрокинул его на землю. Мы тоже сначала испугались и приготовились к обороне. Дерсу поднялся с земли и сказал, обращаясь к Лешему:

— Нет, тебе вместе с людьми ходи не могу. Моя тебе товарищ нету. С такой собакой в компании ходи — скоро пропади.

В заключение своей фразы он плюнул в её сторону. И действительно, с такой собакой очень опасно ходить на охоту. Она

может привлечь зверя на охотника и в то время, когда последний целится из ружья, сбить его с ног.

Часа в четыре или пять пополудни мы стали биваком. Котомки наши были тяжёлые, и потому все сильно устали. Кругом было много травы и сухостоя для дров. Чтобы не зажечь лес, мы устроились на гальке около реки.

Приближалась осень. Сумерки стали наступать раньше, ночи сделались длиннее, начала выпадать обильная роса. Это природа оплакивала весну и лето, когда всё было молодо и наслаждалось жизнью.

Вечером, после ужина, я пошёл

немного побродить по галечниковой отмели. Дойдя до конца её, я сел на пенё, принесённый водою, и стал смотреть на реку.

Ночь была ясная. Одна сторона реки была освещена, другая в тени. При лунном свете листва деревьев казалась посеребрённой, стволы белесовато-голубыми, а тени чёрными. Кусты тальника низко склонились над водою, точно они хотели скрыть что-то около своих берегов. Кругом было тихо, безмолвно, только река слабо шумела на перекатах.

Вдруг до слуха моего донёсся шорох. Он раздался из кустов. Я вспомнил встречу с тигром и

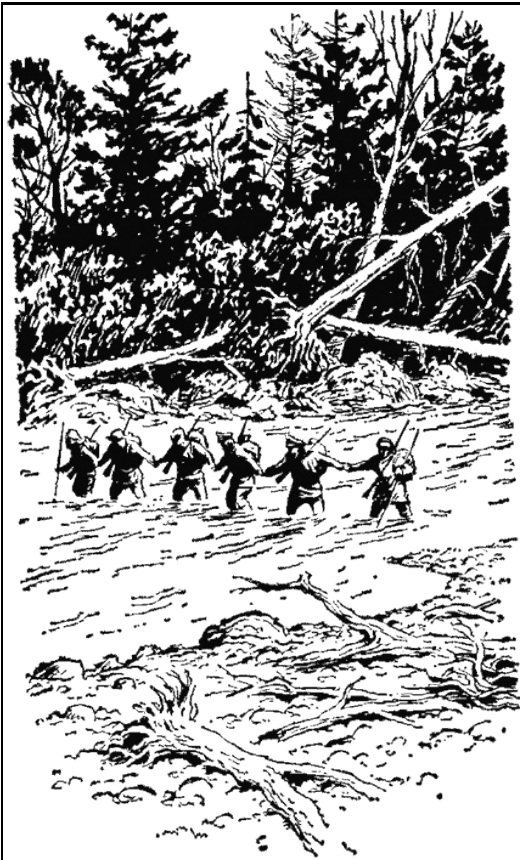
немного испугался. По опыту я знал, что шорох ещё не означает опасности. Сплошь и рядом его причиной является какое-нибудь мелкое животное, вроде мыши или лягушки. Я взял себя в руки и остался на месте. Через минуту шорох повторился, потом послышался треск сучьев, и вслед за тем на галечниковую отмель, освещённую луной, вышел олень. Он подошёл к реке и жадно стал пить воду. Я не смел шевельнуться и минуты две любовался прекрасным животным. В это время наши собаки почуяли зверя и подняли лай. Изюбр встрепенулся, рысью выбежал из реки, положил рога на спину, прыгнул на берег и

скрылся в лесу. Я поднялся с пня и возвратился на бивак.

Вечером мы долго ещё сидели у огня и говорили об охоте.

На другой день все поднялись рано; первые утренние лучи застали нас уже в дороге.

Теперь река повернула на запад. В этих местах она шириной от 60 до 80 и глубиной 1 ? — 2 метра. Река Такема в прибрежном районе считается самой бурной. И действительно, быстрота течения её в среднем из четырёх измерений дала 10 километров в час.

Благодаря тому что в долине Такемы хорошие леса, сохранились и звери. Здесь можно найти всех представителей четвероногих, начиная с белки и кончая тигром. В особенности много изюбров. Всюду по пути нам встречались охотничьи шалаши и соболиные ловушки.

Всё время мы шли левым берегом, по зверовой тропе. Таких троп здесь довольно много. Они слабо протоптаны и часто теряются в кустах. Четвероногие по ним идут свободно, но для человека движение затруднительно. Надо иметь большую сноровку, чтобы с ношей за плечами прыгать с камня на камень и

карабкаться по уклону более чем в 40 градусов.

По мере того как мы подвигались вперёд, издали доносился какой-то шум. Чан Лин сказал нам, что это пороги. На реке Такеме их шесть. Самый большой около реки Такунчи, а меньшие — близ устьев Охотхе и Чандингоуза. Здесь нам надлежало переправиться на другую сторону Такемы.

Перейти вброд глубокую и быструю реку не так-то просто. Если вода низкая, то об этом разговаривать не стоит, но если вода доходит до пояса, то переходить её надо с большой осторожностью.

Я уже говорил, что

отличительной чертой здешних рек является низкая температура воды, поэтому переходить вброд надо одетым. Голое тело зябнет, в особенности голени. Затем надо идти не по прямой линии и отнюдь не против воды, а наискось, по течению. Ни в каком случае не следует поворачиваться к воде лицом или спиной, иначе течение собьёт с ног. Для того чтобы вода не, снесла с намеченного пути, надо крепко держаться на ногах, что возможно сделать только при условии, если ноги будут обуты. Для большей устойчивости люди надевают на себя котомки и даже накладывают в них камни. Такие котомки опасны. В

случае падения в воду груз не позволит подняться на ноги; о плавании тогда нечего и думать.

Решено было идти всем сразу, на тот случай, что если кто ослабеет, то другие его поддержат. Впереди пошёл Чан Лин, за ним Чжан Бао, меня поставили в середину, а Дерсу замыкал шествие. Собаки поплыли рядом, но течением отнесло их в сторону. Когда мы входили в воду, они уже были на противоположном берегу и отряхивались.

С первых же шагов я почувствовал, что, не будь у меня котомки за плечами и в руках крепкой палки, я не мог бы справиться с течением. От быстро

бегущей воды закружилась голова, я покачнулся и едва не упал, но сильною рукою меня поддержал Чжан Бао. В это время палкой я сбил у себя с головы фуражку; о ней некогда было думать. Через минуту я оправился и пошёл дальше. Скоро я заметил, что идти стало легче. Ещё несколько шагов, и мы вышли на мелководье. По вздоху, вырвавшемуся у моих спутников, я понял, что мы действительно подвергались серьёзной опасности.

Выйдя на берег, я стал торопливо одеваться, но Чан Лин сказал, что сегодня дальше мы не пойдём и останемся здесь ночевать.

На самом берегу был след

костра. Зола, угли и обгоревшие головешки — вот всё, что я заметил, но Дерсу увидел больше. Прежде всего он заметил, что огонь зажигался на одном и том же месте много раз. Значит, здесь был постоянный брод через реку. Затем Дерсу сказал, что последний раз, три дня тому назад, у огня ночевал человек. Это был старик, китаец, зверолов, он всю ночь не спал, а утром не решился переходить реку и возвратился назад. То, что здесь ночевал один человек, положим, можно было усмотреть по единственному следу на песке; что он не спал, видно было по отсутствию лёжки около огня; что

это был зверолов, Дерсу вывел заключение по деревянной палочке с зазубринками, которую употребляют обыкновенно для устройства западнёй на мелких четвероногих; что это был китаец, он узнал по брошенным улам и по манере устраивать бивак. Всё это было понятно. Но как Дерсу узнал, что человек этот был старик? Не находя разгадки, я обратился к нему за разъяснениями.

— Как тебе столько лет в сопках ходи, понимай нету? — обратился он ко мне в свою очередь с вопросом.

И он поднял с земли улы. Они были старые, много раз чинённые, дыроватые. Для меня ясно было

только то, что китаец бросил их за негодностью и пошёл назад.

— Неужели понимай нету? — продолжал удивляться Дерсу. — Молодой человек сперва проносит носок, а старик непременно протопчет пятку.

Как это было просто! В самом деле, стоит только присмотреться к походке молодого человека и старого, чтобы заметить, что молодой ходит легко, почти на носках, а старый ставит ногу на всю ступню и больше надавливает пятку. Пока мы с Дерсу осматривали покинутый бивак, Чжан Бао и Чан Лин развели огонь и поставили палатку. Обсушившись немного, я пошёл вниз по реке со

слабой надеждой найти фуражку. Течением могло прибить её где-нибудь около берега. Так я проходил до самых сумерек, но фуражки не нашёл и должен был взамен её повязать голову платком. В этом своеобразном уборе я продолжал уже весь дальнейший путь.

Когда я шёл назад, на землю спустилась ночь. Выходила луна, и от этого за сопками, по ту сторону реки, стало светлее. Лес на гребне горы выделялся так резко, что можно было рассмотреть каждое отдельное дерево. При этом освещении тени в лесу казались глубокими ямами, а огонь — краснее, чем он есть на самом деле. Где-то в стороне заревел

излюбр, но вяло и, не дотянув до конца», оборвал последние ноты. Ответа ему не последовало. Над рекой появился туман. Он тянулся над водой и принимал страшные очертания. Мне не хотелось идти на бивак. Я сел на берегу и долго следил, как лунные лучи играли с ночными тенями. Чжан Бао и Дерсу, обеспокоенные моим отсутствием, стали звать меня. Минут через пятнадцать я был вместе с ними.

Глава девятая

Ли Цун-бин

*Выдра. — Острога удэхейцев. —
Долина Такунчи. — Лесные птицы. —
Одинокая фанза. — Старик
китаец. — Маленькая услуга. —
История одной жизни. — Тяжёлые
воспоминания. — Исповедь. —
Душевный переворот. — Решение и*

прощание. — Амулет.

Чуть свет мы снялись с бивака и пошли по правому берегу Такемы. Река опять повернула на север. Между притоками её Хумо, Сяо-Кунчи и Такунчи от гор в долину выдвигаются отроги, которые ближе к реке переходят в высокие речные террасы с массивным основанием, состоящим из кварцевого порфира и витрофирового липарита. В тех местах, где отроги пересекают реку, образовались пороги, из которых последний имеет вид настоящего водопада. Вода с шумом стремится в узкий проход и с пеной бьётся о камни. Около самого порога

образовалась глубокая выбоина. Здесь вода идёт тихо и при солнечном освещении имеет изумрудный цвет. Я долго любовался бы порогом, если бы внимание моё не было отвлечено в другую сторону.

Невдалеке от нас на поверхности спокойной воды вдруг появился какой-то предмет. Это оказалась голова выдры, которую крестьяне в России называют «порешней». Она имеет длинное тело (1 м 20 см), длинный хвост (40 см) и короткие ноги, круглую голову с выразительными чёрными глазами, тёмно-бурую блестящую шерсть на спине и с боков и серебристо-серую на нижней стороне шеи и на брюхе.

Когда животное двигается по суше, оно сближает передние и задние ноги, отчего тело его выгибается дугою кверху.

В Уссурийском крае выдра распространена равномерно и повсеместно. Любимое местопребывание её — это реки, обильные рыбой, и в особенности такие места, которые не замерзают и где есть около берегов пустоты подо льдом. Замечено, что для отправления естественной надобности выдра выходит из воды постоянно на одно и то же место, хотя бы для этого ей пришлось проплыть значительное расстояние. Тут в песке обыкновенно охотники

ставят капканы. Уничтожив рыбу в одном каком-нибудь районе, выдра передвигается вверх или вниз по реке, для чего идёт по берегу. У неё прекрасно развита ориентировка. В тех местах, где река делает петлю, она пересекает полуостров в наиболее узком его месте. Иногда выдра перекочёвывает из одной речки в другую; туземцам случалось убивать их в горах, далеко от реки. Пугливое, хитрое и осторожное животное это любит совершать свои охотничьи экскурсии в лунные ночи и редко показывается днём.

Выдра, которую я наблюдал, держала в зубах рыбу и плыла к противоположному берегу. Через

минуту она вылезла на мокрый камень. Мокрое тело её блестело на солнце. В это время она оглянулась и, увидев меня, бросила рыбу и снова проворно нырнула в воду. Я уговорил своих спутников скрыться в кустах в надежде, что животное покажется опять, но выдра не появлялась. Я уже хотел было встать, как вдруг какая-то тень мелькнула в воздухе и вслед за тем что-то большое и грузное опустилось на камень. Это был белохвостый орлан. Схватив рыбу, он снова легко поднялся на воздух. В это время на воде появилась выдра, но уже значительно дальше по реке. Она, видимо, поднялась только для того, чтобы набрать в лёгкие воздуха,

и затем скрылась совсем.

Километра через три мы достигли устья Такунчи и здесь стали биваком. Чжан Бао и Дерсу занялись рубкой дров, а Чан Лин отправился острогой ловить рыбу.

Походная острога удэгейцев имеет вид маленького гарпуна с ремнём. Носится она у пояса и надевается на древко в минуту необходимости. Обыкновенно рыбу бьют с берега. Для этого к ней надо осторожно подкрасться. После удара наконечник соскакивает с древка, и рыба увлекает его с собою, но так как он привязан к ремню, то и рыба оказывается привязанною.

Чан Лин ловко владел острогой

и убил шесть больших форелей, которые составили великолепный ужин.

На следующий день, 8 сентября, мы распрощались с Такемой и пошли вверх по Такунчи. Река эта длиной немного более 40 километров и течёт по кривой с северо-запада к востоку. Около устья она шириной до 6 и глубиной от 1 до 1,2 метра по руслу. Вода в ней мутная, с синим опаловым оттенком.

Такунчи — типичная долина размыва, суженная около устья и расширяющаяся вверху. Остроконечные, как бы стоящие одиноко сопки со сглаженными контурами и пологими склонами

указывают на постоянные денудационные процессы.

Геология Такунчи такова: около устья река подмывает высокую террасу, основание которой складывается из красивых глинистых сланцев с тонкими прослойками серых песчаников. Немного выше с правой стороны видны обнажения весьма древних конгломератов, которые имеют такой вид, как будто они побывали в огне. Далее, с левой стороны, идёт акмуровидный гранит с плитняковой отдельностью, а выше — опять глинистые сланцы с весьма интенсивной складчатостью. Из притоков Такунчи самые интересные в среднем течении: два малых

безымянных справа и один большой (река Талда) с левой стороны. Первый приведёт к перевалу на Илимю, второй — на реку Сакхому (Сяо-Кема) и третий — опять на Такему. Около устья каждого из притоков есть по одной зверовой фанзе.

До первой фанзы мы дошли очень скоро. Отдохнув немного и напившись чаю с сухарями, мы пошли дальше. Вся долина Такунчи, равно как и долина Такемы, покрыта густым хвойно-смешанным лесом. Сильно размытое русло реки и завалы бурелома указывают на то, что во время дождей Такунчи знакомы наводнения.

Вторую половину пути мы сделали легко, без всяких приключений и, дойдя до другой зверовой фанзы, расположились в ней на ночь как дома.

Что-то сделалось с солнцем. Оно уже не так светило, как летом, вставало позже и рано торопилось уйти на покой. Трава на земле начала сохнуть и желтеть. Листва на деревьях тоже стала блекнуть. Первыми почувствовали приближение зимы виноградники и клёны. Они разукрасились в оранжевые, пурпуровые и фиолетовые тона.

В сумерки мы с Дерсу пошли на охоту за изюбрами. Они уже

отабунились. Самцы не хотели вступать в борьбу и хотя и отвечали на зов друг другу, но держались позади стада и рогами угоняли маток с места, где мог явиться соперник.

После ужина мы все расположились на тёплом кане. Дерсу стал рассказывать об одном из своих приключений. Около него сидели Чжан Бао и Чан Лин и внимательно слушали. По их коротким возгласам я понял, что гольд рассказывал что-то интересное, но сон так овладел мною, что я совершенно не мог бороться с ним и уснул как убитый.

9 сентября мы продолжали наше движение к Сихотэ-Алиню. В

хороших лесах всегда много пернатых. Кроме обычных для уссурийской тайги желн, орехотворок, соек, пёстрых дятлов, диких голубей, ворон, орлов и поползней здесь, близ реки, на старых горелых местах, уже успевших зарости лиственным молодняком, в одиночку держались седоголовые дятлы. Удэхейцы называют их земляными дятлами, потому что они кормятся на земле, а не на деревьях. Эти птицы каждый раз при приближении людей поднимали неистовый крик и старались как можно скорее укрыться в чаще леса.

В другом месте в траве я увидел

краснобрюхих дроздов. Заслышав шум наших шагов, они вдруг все сразу поднимались на воздух и садились на ветви ближайших деревьев, щебеча так, как будто бы обменивались мнениями о происшедшем. По кустарникам шныряли маленькие симпатичные птички с полосатой спиной и белой головкой. Это были касатки-мухоловки. С исчезновением насекомых должны улететь и они в более тёплые страны. Время это было уже близко. Недаром мухоловки стали собираться в стайки. Над осыпями кружились два ястреба. Сеноставцы-пищухи служили им лакомой приманкой. Но эти грызуны очень осторожны. Далеко от нор они

не отходили и при малейшем намёке на опасность проворно скрывались в камнях. Но всё же при умелом маневрировании пернатые хищники не оставались без добычи.

За работой незаметно прошёл день. Солнце уже готовилось уйти на покой. Золотистые лучи его глубоко проникали в лес и придавали ему особенную привлекательность.

Мы прибавили шаг.

Маленькая, едва заметная тропинка, служившая нам путеводной нитью, всё время кружила: она переходила то на один берег реки, то на другой. Долина становилась всё уже и уже и вдруг сразу расширилась. Рельеф принял

неясный, расплывчатый характер. Это были верховья реки Такунчи. Здесь три ручья стекались в одно место. Я понял, что нахожусь у подножия Сихотэ-Алиня.

Отроги хребта, сильно размытые и прорезанные горными ключами, казались сопками, разобщёнными друг от друга. Дальше за ними виднелся гребень водораздела; точно высокой стеной, окаймлял он истоки Такунчи. Природа словно хотела резко отграничить здесь прибрежный район от бассейна Имана. В том же месте, где соединялись три ручья, была небольшая полянка, и на ней стояла маленькая фанзочка, крытая корьём

и сухой травой.

Около фанзочки мы застали одинокого старика китайца. Когда мы вышли из кустов, первым движением его было бежать. Но видимо, самолюбие, преклонный возраст и обычай гостеприимства принудили его остаться. Старик растерялся и не знал, что делать.

В то время уже начались преследования браконьеров и выселение их из пределов края. Китаец, вероятно, думал, что его сейчас арестуют и отправят в залив Ольги под конвоем. От волнения он сел на пенёк и долго не мог успокоиться. Он тяжело и прерывисто дышал, лицо его

покрылось потом.

В это время солнце скрылось за горами. Волшебный свет в лесу погас; кругом сразу стало сумрачно и прохладно.

Место, где стояла фанзочка, показалось мне таким уютным, что я решился здесь ночевать.

Дерсу и Чжан Бао приветствовали старика по-своему, а затем принялись раскладывать огонь и готовить ужин. Я сел в стороне и долго рассматривал китайца.

Он был высокого роста, немного сутуловат, с чёрными помутневшими глазами и с длинной редкой седой бородой. Жилистая шея, тёмное морщинистое лицо и заострившийся

нос делали его похожим на мумию. Одет он был в старую, уже давно выцветшую и грубо заплатанную рубашку из синей дабы, подпоясанную таким же старым шарфом, к которому сбоку привязаны были охотничий нож, лопаточка для выкапывания женьшеня и сумочка для кремня и огнива. На нём были синие штаны и низенькая самодельная обувь из лосиной кожи с ремёнными перетяжками, а на голове простая тряпица, почерневшая от копоти и грязи.

Старик китаец не был похож на обыкновенных рабочих-китайцев. Эти руки с длинными пальцами, этот профиль и нос с горбинкой и какое-

то особенное выражение лица говорили за то, что он попал в тайгу случайно.

«Вероятно, беглый политический», — подумал я про себя.

У меня мелькнула мысль, что я причина его страха. Мне стало неловко. В это время Аринин принёс мне кружку чая и два куска сахара. Я встал, подошёл к китайцу и все это подал ему. Старик до того растерялся, что уронил кружку на землю и разлил чай. Руки у него затряслись, на глазах показались слёзы. Он опустился на колени и вскрикнул сдавленным голосом:

— Тау-сё-ба, та-лай-я! (Спасибо,

капитан!) Я поднял его и сказал:

— Бупа, бэ-хай-па, латурл!
(Ничего не бойся, старик!) Мы все занялись своими делами. Я принялся вычерчивать дневной маршрут, а Дерсу и Чжан Бао стали готовить ужин. Мало-помалу старик успокоился. После чая, сидя у костра, я начал расспрашивать его о том, как он попал на Такунчи.

Китаец рассказал мне, что зовут его Ли Цун-бин, ему 74 года, родом он из Тяньцзина и происходит из богатой китайской семьи. Ещё будучи молодым человеком, он поссорился с родными. Младший брат нанёс ему кровную обиду. В деле этом была замешана женщина. Отец принял

сторону брата. Тогда он оставил родительский дом и ушёл на Сунгари, а оттуда перебрался в Уссурийский край и поселился на реке Даубихе. Впоследствии, с приходом на Даубихе русских переселенцев, он перешёл на Улахе, затем жил на реках Судзухе, Пхусуне и Вай-Фудзине и, наконец, добрался до реки Такемы, где и прожил 34 года. Раньше он занимался охотой. Первое ружьё у него было фитильное, за которое он заплатил 30 отборных соболей. Потом он искал дорогой корень женьшень. Под старость он уже не мог заниматься охотой и стал звероловом. Это понудило его сесть на одном месте,

подальше от людей. Он облюбывал реку Такунчи и пришёл сюда уже много лет назад. Жил здесь Ли Цунбин один-одинёшенек. Изредка кто-нибудь из туземцев заходил к нему случайно, и сам он раз или два в год спускался к устью Такемы. Потом старик вспомнил свою мать, детство, сад и дом на берегу реки.

Наконец он замолк, опустил голову на грудь и глубоко задумался.

Я оглянулся. У огня мы сидели вдвоём. Дерсу и Чжан Бао ушли за дровами.

Ночь обещала быть холодной. По небу, усеянному звёздами, широкой полосой протянулся Млечный Путь. Резкий, холодный ветер тянул с

северо-запада. Я озяб и пошёл в фанзу, а китаец остался один у огня.

Я заметил, что Дерсу проходил мимо старика на носках, говорил шёпотом и вообще старался не шуметь.

Время от времени я выглядывал в дверь и видел старика, сидевшего на том же месте, в одной и той же позе. Пламя костра освещало его старческое лицо. По нему прыгали красные и чёрные тени. При этом освещении он казался выходцем с того света, железным человеком, раскалённым докрасна. Китаец так ушёл в свои мысли, что, казалось, совершенно забыл о нашем присутствии.

О чём думал он? Вероятно, о своей молодости, о том, что он мог бы устроить свою жизнь иначе, о своих родных, о любимой женщине, о жизни, проведённой в тайге, в одиночестве...

Поздно вечером я снова выглянул в окно. Ветер раздувал потухший костёр. На минуту вспыхивало тусклое пламя и на мгновение освещало худую фигуру старика.

Он сидел все на том же месте, подперев голову руками, смотрел на угли и вспоминал далёкое прошлое. Я хотел было его окликнуть, но почему-то не решился этого сделать.

Наконец, покончив свою работу,

я закрыл тетрадь и хотел было лечь спать, но вспомнил про старика и вышел из фанзы. На месте костра осталось только несколько угольков. Ветер рвал их и разносил по земле искры. А китаец сидел на пне так же, как и час назад, и напряжённо о чём-то думал.

Я сказал Дерсу, чтобы он позвал его в фанзу.

— Не надо, капитан, — ответил мне тихонько гольд, усиленно подчёркивая слово «не надо», и при этом сказал, что в таких случаях, когда человек вспоминает свою жизнь, его нельзя беспокоить.

Я понял, что в это время беспокоить человека действительно

нельзя, вернулся в фанзу и лёг на кан.

Тоскливо завывал ветер в трубе и шелестел сухой травой на крыше. Снаружи что-то царапало по стене, должно быть, качалась сухая ветка растущего поблизости куста или дерева. Убаюкиваемый этими звуками, я сладко заснул.

На другое утро, когда я проснулся, солнце было уже высоко. Я поспешно оделся и вышел из фанзы.

Кругом все белело от инея. Вода в лужах замёрзла. Под тонким слоем льда стояли воздушные пузыри. Засохшая жёлто-бурая трава искрилась такими яркими блёстками, что больно было на неё

смотреть. Сучья деревьев, камни и утоптанная земля на тропе покрылись холодным матовым налётом.

Осмотревшись кругом, я заметил, что все вещи, которые ещё вчера валялись около фанзы в беспорядке, теперь были прибраны и сложены под навес. Около огня сидели Чжан Бао, Дерсу и Чан Лин и о чём-то тихонько говорили между собою.

— А где старик? — спросил я их.

Чжан Бао указал мне рукой на лес. Тут только я заметил на краю полянки маленькую кумирню, сложенную из накатника и крытую

кедровым корьём. Около неё на коленях стоял старик и молился. Я не стал ему мешать и пошёл к ручью мыться. Минут через пятнадцать старик возвратился в фанзу и стал укладывать свою котомку.

— Куда он собирается? — спросил я своих спутников. Тогда Чжан Бао сказал мне, что старик решил вернуться на родину, примириться со своим братом, если он жив, и там окончить дни свои.

Уложив котомку, старик снял с левой руки деревянный браслет и, подавая его мне, сказал:

— Возьми, капитан, береги, он принесёт тебе счастье!

Я поблагодарил его за подарок и

тут же надел браслет на руку.

После этого старик сделал земные поклоны на все четыре стороны и стал прощаться с сопками, с фанзой и с ручьём, который утолял его жажду.

Около фанзы росли две лиственницы. Под ними стояла маленькая скамеечка. Ли Цун-бин обратился к лиственницам с трогательной речью. Он говорил, что посадил их собственными руками и они выросли большими деревьями. Здесь много лет он отдыхал на скамейке в часы вечерней прохлады и вот теперь должен расстаться с ними навсегда. Старик прослезился и снова сделал земные поклоны.

Затем он попрощался с моими спутниками. Они в свою очередь поклонились ему до земли, помогли ему надеть котомку, дали в руки палку и пошли провожать до опушки леса.

На краю полянки старик обернулся и ещё раз посмотрел на место, где столько лет он провёл в одиночестве. Увидев меня, он махнул мне рукой, я ответил ему тем же и почувствовал на руке своей браслет.

Когда возвратились Дерсу, Чжан Бао и Чан Лин, мы собрали котомки и пошли своей дорогой. Дойдя до опушки леса, я, так же как и старик, оглянулся назад.

Словно что оборвалось! Эта

полянка и эта фанзочка, которые ещё вчера казались мне такими уютными, сразу сделались чуждыми, пустыми.

Брошенный дом! Душа улетела, остался один труп!

Глава десятая

Страшная находка

*Пологий склон Сихотэ-Алиня. —
Верховья реки Арму. — Скелеты. —
Лунное световое явление. — Тянь-
чин-лаза. — Сихотэ-Алинь. —
Кедровый стланец.*

От фанзочки сразу начался

подъём на Сихотэ-Алинь, сначала пологий, а потом все круче и круче. На восточном склоне хребта растёт хвойно-смешанный лес; главную массу его составляют кедр, ель, пихта, лиственница, клён и берёза с мохнатой жёлтой корой. Травяная растительность состоит из папоротников, чемерицы, ландышей, царского скипетра, трилистника, заячьей кислицы и различных мелких осок.

Подъём на гребень Сихотэ-Алиня был настолько крут, что приходилось хвататься руками за камни и корни деревьев. Высота перевала над уровнем моря, по показаниям anerоида, 875 метров. На

западном склоне хребта
растительность более однообразна,
чем на восточном. Разница в
характере лесов очень резкая. Я
ожидал увидеть на вершине Сихотэ-
Алиня гольцы. Ничего подобного:
передо мной была возвышенная
равнина вроде плоскогорья, покрытая
редкой замшистой лиственницей, без
всякого подлесья. Нигде ни кустов,
ни травы — всюду один мох. Чтобы
добыть кусок горной породы,
пришлось глубоко копаться во мху.
Взятые образцы оказались
кварцевым порфиром и липаритом.

В собранном мною здесь
гербарии отмечены: стелющийся по
мху дёрен канадский с розеткой из

шести листочков и красными ягодами; потом тоже канадский майник, имеющий два сердцевидных, ярко блестящих сочных листа; затем особый вид плауна. Первый по внешнему виду несколько напоминает низкорослый орляк, который имеет довольно простой перистый лист.

Отдохнув немного на перевале, мы пошли дальше. Я решил пересечь плато и спуститься к воде по другую его сторону. Но сколько мы ни шли, конца его не было видно. Перед нами расстилалась пустынная болотистая равнина, покрытая чахлым лесом. Хоть бы одна сопка, хоть бы какой-нибудь бугор или углубление! Я

думал, что мы попали на плоскогорье, и не знал, идём ли мы вдоль или пересекаем его по кратчайшему направлению. Вдруг я услышал шум воды. Это обстоятельство ещё: больше меня удивило. Скоро всё разъяснилось: западные склоны Сихотэ-Алиня в этих местах оказались настолько пологими, что понижение их совершенно незаметно для глаза. Перед нами была река Арму — самый большой приток Имана, впадающий в него в среднем течении, с правой стороны. Я взглянул на барометр: стрелка показывала 697 миллиметров, что по приведению к уровню моря давало

абсолютную высоту 770 метров. Значит, с вершины мы спустились только на 105 метров, что в среднем на один километр составляет 10 метров. Уровень воды в реке на западной стороне Сихотэ-Алиня оказался на 225 метров выше, чем на восточной.

В верховьях река Арму состоит из двух речек одинаковой величины. Мы попали как раз к месту их слияния. Чан Лин измерял каждую из них двумя днями пути.

Посоветовавшись с ним, я решил отправиться по левой речке (ближайшей к Сихотэ-Алиню), затем подняться на водораздел, пройти немного по хребту и выйти к истокам

Такемы.

Здесь река Арму имеет до 6 метров ширины и около 45 сантиметров глубины. Вода в ней красноватого цвета и не имеет той низкой температуры, которая свойственна быстрым горным речкам. Русло Арму завалено колодником, что при сравнительно тихом течении вполне понятно: дерево остаётся лежать там, где оно упало.

Около реки лес значительно гуще и состоит из ольхи, белой берёзы, ели и пихты; особенно много растёт лиственницы. Это в полном смысле слова тайга: дикая, пустынная и неприветливая. Все

живое её избегает; нигде не видно звериных следов, и за двое суток мы не встретили ни одной птицы. Такая тайга влияет на психику людей, что заметно было и по моим спутникам. Они шли молча и почти не разговаривали между собой.

По обыкновению около 3 часов пополудни мы стали выбирать место для бивака. Дерсу и Чжан Бао зачем-то отошли вправо, а я, Чан Лин и Аринин пошли по берегу реки. Вдруг мы услышали позади себя крик: Дерсу звал нас к себе. Мы тотчас вернулись. Пробираясь сквозь чащу леса, я увидел маленькую полянку, а на ней что-то белело. Около этих предметов стояли Дерсу

и Чжан Бао и внимательно их рассматривали. Сначала я думал, что это кочки, но уже по лицам своих спутников понял, что это было что-то посерьёзнее простых кочек. Подойдя поближе, я увидел человеческие черепа. Их было шесть; тут же по сторонам валялись и другие кости.

Шесть скелетов! Как погибли эти люди? Суровая тайга хранит такие тайны.

Дерсу долго рассматривал кости и что-то говорил с Чжан Бао. По его мнению, эти люди не были убиты, потому что ни на одном из черепов не было проломов. Они умерли, но не от болезней. От болезней все

сразу не умирают, а гибнут поодиночке: один умрёт, а остальные плетутся дальше. Дерсу стал осматривать стволы деревьев. По ожогам на коре он установил время последнего пала. Это было два года назад. А так как кости тоже носили на себе следы огня, то, очевидно, в то время, когда шёл огонь по лесу, трупы были уже скелетами. Пал сжёт остатки одежды. Однако около костей должны были остаться такие предметы, которые не могли сгореть и по которым можно было бы установить национальность умерших. Дерсу и Чжан Бао принялись копать в мху и скоро нашли железный котелок, топор,

заржавленный нож, шило, ручка которого была сделана из ружейной гильзы, огниво, трубку, жестяную баночку и серебряное кольцо. По этим предметам Дерсу узнал, что погибшие люди были корейцы-золотоискатели. Они, видимо, хотели пробраться на берег моря, но заблудились в тайге и погибли от голода.

А спасение было так близко: один переход — и они были бы в фанзе отшельника-китайца, у которого мы провели прошлую ночь.

Окаймляющие полянку деревья, эти безмолвные свидетели гибели шестерых людей, молчаливо стояли и теперь, Тайга показалась мне ещё

угрюмее.

Как бы сговорившись, мы все разом сняли с себя котомки. Чжан Бао и Чан Лин выворотили пень, выбросили из-под него камни и землю, а мы с Дерсу стащили туда кости. Затем прикрыли их мхом, а сверху наложили тот же пень и пошли к реке мыться.

Была пора устраиваться на ночь. Чжан Бао и Чан Лин не хотели располагаться рядом с мертвецами. Взяв свои котомки, мы отошли ещё полкилометра и, выбрав на берегу речки место поровнее, стали биваком.

В сумерки появился туман. Он переплыл через водораздел и

распространился по всему западному склону Сихотэ-Алиня.

Вечером я имел случай наблюдать интересное метеорологическое явление. Около 10 часов взошла луна, тусклая, почти не дающая света. Вслед за тем туман рассеялся, и тогда от лунного диска вверх и вниз протянулись два длинных луча, заострившихся к концам. Явление это продолжалось минут пятнадцать, затем опять надвинулся туман, и луна снова сделалась расплывчатой и неясной; пошёл мелкий дождь, который продолжался всю ночь, до рассвета.

Утром 11 сентября погода как будто немного изменилась к

лучшему. Чтобы не терять напрасно времени, мы собрали свои котомки и пошли вверх по реке Арму. Местность была настолько ровная и однообразная, что я совершенно забыл, что нахожусь у подножия Сихотэ-Алиня. Здешний хвойный лес плохого дровяного качества, растёт весьма неравномерно: болотистые поляны отделяются друг от друга небольшими перелесками, деревья имеют отмершие вершины и множество сухих ветвей.

Часов в 11 утра мы распрощались с Арму и круто повернули к востоку. Здесь был такой же пологий подъём, как и против реки Такунчи. Совершенно

незаметно мы поднялись на Сихотэ-Алинь и подошли к восточному его обрыву. В это время туман рассеялся, и мы могли ориентироваться. Слева от нас, километрах в пятнадцати, высилась какая-то большая гора. Чан Лин, хорошо знающий эти места, сказал, что сопка эта не имеет названия и находится в истоках реки Сицы. Мы были как раз против долины реки Тянь-чин-гоуза^[24], впадающей в Такему с правой стороны, выше Такунчи. По размерам первая немного меньше второй. Березняки в её истоках указывают на то, что здесь был когда-то большой пожар, уничтоживший весь хвойный лес. Прилегающая часть Сихотэ-

Алиня со стороны Такемы имеет вид длинной столовой горы. Китайцы называют её Тянь-чин-лаза^[25].

Нам не суждено было долго любоваться красивой панорамой: надвинувшиеся тучи снова окутали Сихотэ-Алинь, снова пошёл дождь, мелкий и частый.

Производить съёмку во время ненастья трудно. Бумага становится дряблой, намокшие рукава размазывают карандаш. Зонтика у меня с собой не было, о чём я искренно жалел. Чтобы защитить планшет от дождя, каждый раз, как только я открывал его, Чан Лин развёртывал над ним носовой платок. Но скоро и это оказалось

недостаточным: платок намок и стал сочить воду.

— Погоди, капитан, — сказал мне Дерсу и, отбежав в сторону, начал снимать с дерева бересту, затем срезал несколько прутьев и быстро смастерил зонтик.

Меня всегда удивляла находчивость гольда. Кажется, не было такого затруднительного положения, из которого он не сумел бы выйти. Всё, что ему было нужно, он находил тут же, около себя, под рукою.

Выполняя намеченный маршрут, мы повернули на север и пошли вдоль по Сихотэ-Алиню к большой куполообразной горе, которую

видели на северо-востоке.

Пройти нам удалось немного. Опасаясь во время тумана заблудиться в горах, я решил рано стать на бивак. На счастье, Чжан Бао нашёл между камней яму, наполненную дождевой водой, и вблизи от неё сухой кедровый стланец. Мы поставили односкатную палатку, развели огонь и стали сушиться.

Перед вечером Дерсу ходил на охоту и убил кабаргу. Это двукопытное животное, похожее на антилопу, высотой полметра, а длиной метр. Задние ноги её немного длиннее передних, отчего, когда животное стоит на всех четырёх

ногах, зад его немного приподнят. Шея у кабарги длинная, голова небольшая, стройная, с тёмными выразительными глазами и подвижным носом. Она не имеет рогов и слёзных ямок. Зато природа наградила её клыками: у самок клыки маленькие и не выходят из рта, а у самцов длинные, острые и торчат книзу на 5 — 6 сантиметров. Во время гона самцы дерутся между собой, нанося друг другу довольно опасные раны. В отличие от прочих двукопытных кабарга имеет жёлчный пузырь и мускусный мешок. Общая окраска животных пёстро-тёмно-бурая; шерсть грубая и ломкая, движения порывистые и

неуверенные; крик пронзительный и тоскливый. Во время гона самцы распространяют вокруг себя сильный запах.

На ужин варили мясо кабарги; оно чем-то припахивало. Чан Лин сказал, что оно пахнет мхом. Чжан Бао высказался за запах смолы, а Дерсу указал на багульник. В местах обитания кабарги всегда есть и то, и другое, и третье; вероятно, это был запах мускуса.

Весь следующий день, 12 сентября, мы простояли на месте из-за дождя. Надо было переждать непогоду. Осенние дожди в Уссурийском крае никогда не бывают продолжительными, но зато очень

сильны. Целый день я сидел в палатке и вычерчивал свои съёмки. Ночью поднялся сильный порывистый ветер. Кое-где показались звезды, и, как всегда в таких случаях бывает, перед рассветом ударил крепкий мороз. Кругом опять все забелело, от инея сырой мох замёрз и хрустел под ногами. От наших ног на нём оставались глубокие следы, чем очень были недовольны Дерсу и Чжан Бао. Эта осторожность красной нитью проходила во всех их действиях, даже в тех случаях, когда мы находились очень далеко от жилья и трудно было рассчитывать на встречу с человеком.

Осмотревшись, мы увидели, что находимся как раз против истоков Сицы [\[26\]](#).

От столовой горы Тянь-чин-лаза Сихотэ-Алинь идёт сначала к северо-востоку, а затем поворачивает на северо-запад. В этом углу высится острая коническая сопка. Высота сопки, по барометрическим измерениям, равняется 1230 метрам. Дальше Сихотэ-Алинь тянется на север. Километрах в пяти от сопки он поворачивает к востоку, образуя двугорбую сопку, названную нами Верблюдом (1100 м). Потом хребет изгибается ещё раз на запад. Отсюда он берет старое направление и подходит к самой высокой горе,

которую мы вчера видели издали.

Вся описываемая часть Сихотэ-Алиня совершенно голая; здесь, видимо, и раньше не было лесов. Если смотреть на вершины гор снизу (из долин), то кажется, что около гольцов зеленеет травка. Неопытный путник торопится пройти лесную зону, чтобы поскорее выйти к альпийским лугам. Но велико бывает его разочарование, когда вместо травки он попадает в пояс кедрового стланца. Корни этого древесного растения находятся вверху, а ствол и ветви его стелются по склону, как раз навстречу человеку, поднимающемуся в гору. Пробираться сквозь кедровый

стланец очень трудно: без топора тут ничего не сделать. Нога часто соскальзывает с сучьев; при падении то и дело садишься верхом на ветви, причём ноги не достают до земли, и обойти стланцы тоже нельзя, потому что они кольцом опоясывают вершину. Выше их на Сихотэ-Алине растут низкорослые багульники, брусника, рододендрон, мхи, ещё выше — лишай, и наконец начинаются гольцы.

В этот день мы дошли до подножия куполообразной горы и остановились около неё в седловине.

Глава одиннадцатая

Опасная переправа

*Гора Шайтан. — Река Сица. —
Истоки реки Такемы. — Прибыль
воды. — Переправа на плоту. —
Дерсу в опасности. — Привязанное
дерево. — Спасение. — Возвращение
к морю. — Смешное
недоразумение. — Прибрежные*

горные реки. — Скала Ван-Син-лаза. — Кольчатый тюлень. — Бивак около устья Кулумбе. — Тень и душа. — Пятнистый олень.

Ночью мы мало спали, зябли и очень обрадовались, когда на востоке появились признаки зари. Солнце ещё пряталось за горизонтом, а на земле было уже все видно.

Горная страна с птичьего полёта! Какая красота! Куда ни глянешь — всюду горы, вершины их, то остроконечные, как петушинные гребни, то ровные, как плато, то куполообразные, словно морская зыбь, прятались друг за друга, уходили вдаль и как будто

растворялись во мгле.

Но вот взошло солнышко и пригрело землю. Иней исчез, и трава из пепельно-серебристой снова сделалась буро-жёлтой и сухой.

Собрав свои котомки, мы стали взбираться на самую высокую гору. Много раз мы садились отдыхать, затем опять карабкались вверх и только к полудню достигли её вершины. По барометрическим измерениям, высота горы оказалась равной 1570 метрам. Я назвал её Шайтаном. Это самая высокая точка в центральной части Сихотэ-Алиня. Восточные склоны — каменистые и крутые, западные — пологие. Камни, покрывающие вершину Шайтана,

были так плотно уложены, что можно подумать, будто их кто-нибудь нарочно утрамбовывал и пригонял друг к другу.

Спуск с горы отнял у нас тоже много времени. В следующей, соседней седловине барометр показывал 1066 метров. Отсюда Сихотэ-Алинь поворачивает на северо-восток.

Дальше мы по нему не пошли и начали спуск в долину реки Сицы. С большой горы всегда надо спускаться осторожно, не торопясь, иногда останавливаться.

Осыпи, мхи и кедровые стланцы теперь остались позади. Здесь я нашёл мохнатую чёрную смородину.

Ниже росла рябина, мелкая
лиственница и низкорослая берёза,
ещё ниже — кедр, потом — чёрная
берёза, дуб и все прочие деревья.

В полдень мы остановились на
привал. Пока кипятили чай, я успел
сделать несколько фотографических
снимков.

Сица в верховьях состоит из двух
речек, каждая из них в свою очередь
разбивается на два ручья, потом ещё
и ещё. Все ручьи сбегают в
обширную котловину, изрезанную
оврагами.

Нигде хребет Сихотэ-Алинь не
выступает так величественно и
резко, как в истоках Сицы. Здесь он
действительно кажется высоким

горным хребтом.

Всюду в обнажениях я видел кристаллические сланцы и кварцы, окрашенные окисью меди. Китайцы говорят, что на Сице есть золото, а в горах—горный хрусталь. В долине Сицы раньше были хорошие хвойные смешанные леса, впоследствии выгоревшие. Теперь на месте пожарища выросли березняки 25-летнего возраста.

Река Сица считается хорошим охотничьим местом, и действительно, следы изюбров встречались чуть ли не на каждом шагу. Избитая земля, истрёпанные кусты, клочья шерсти и обломки рогов говорили о том, что здесь

происходят главные бои.

К вечеру мы дошли до маленькой зверовой фанзы, которую, по словам Чан Лина, выстроил кореец-золотоискатель. Золота он не нашёл, но соболей в тот год поймал много. Тут мы остановились. В сумерки Чаи Лин и Дерсу ходили на охоту и убили сайка^[27]. Ночью они по очереди сушили мясо.

Дальнейший путь лежал вниз по Сице. Она шириной около 4 метров, глубиной 0,6 метра и в нижнем течении очень порожиستا и бурлива. По мере того как мы отходили от водораздела, долина суживалась всё более и более и наконец превратилась в глубокое ущелье.

Здесь с обеих сторон высятся мощные древнеречные террасы, состоящие из глинистых сланцев с прослойками жёлтого мелкозернистого песчаника и молочно-белого кварца. Сланцы сильно перемяты и кажутся пloyчатыми.

С левой стороны террасы стоит одинокая скала, похожая на старинную башню. Вместе с Чан Лином мы поднялись наверх, чтобы с высоты её посмотреть на верховья Такемы. До истоков было ещё далеко. Река загибается на север и охватывает истоки Кусуна. В самых верховьях Такема принимает в себя справа и слева ещё по одному

притоку. Правый называется Чен-Шенза^[28], левый — Сяодунца^[29]. Немного выше устья последней, на левом берегу Такемы, по словам Чан Лиана, есть скалистая сопка, куда удэхейцы боятся ходить: там с гор всегда сыплются камни, там — обиталище злого духа Какзаму.

Из всего изложенного выше явствует, что хребет Сихотэ-Алинь по отношению к Такеме идёт под углом, сначала небольшим, а затем, по мере отклонения реки к югу, увеличивающимся всё больше и больше.

Спустившись с Сихотэ-Алиня в долину Сицы, мы заночевали в зверовой фанзочке Чан Лиана, где он

за два года поймал 86 соболей.

На следующий день к полудню мы дошли до реки Такемы и направились вниз по её течению, придерживаясь правого края долины. По пути мы видели одного медведя и нескольких изюбров. Полюбовавшись красивой горной панорамой, мы пошли вниз по правому берегу Такемы и, немного не доходя до реки Сяо-Дунанцы^[30], стали биваком.

С утра хмурившаяся погода к вечеру разразилась сильным дождём. С первых же капель стало видно, что дождь будет затяжной. Палатки мы поставили хорошо, натаскали сухих дров и потому ночь провели

спокойно. Утром дождь пошёл ещё сильнее. Пришлось продневать. Мои спутники убивали время разговорами, спали или пили чай, а я занимался своей обычной работой. Часов в одиннадцать утра была короткая гроза. Молнии не было видно; гром грохотал где-то вверху, в облаках, тучи шли вразброд, и ветер часто менял направление. Целый день и всю ночь шёл дождь с удивительным постоянством. На рассвете 17 сентября тучи рассеялись и опять ударил мороз. Вершины гор забелели от снега и в этом уборе приняли праздничный вид. Земля, пригретая солнечными лучами, стала оттаивать; онемевшая было вода

ожила и тонкими струйками стала сбегать по скатам, и чем. ниже, тем бег её становился стремительнее; это подбодрило всех. Словно сговорившись, мы проворно собрали свои котомки и бодро пошли дальше и около полудня были близ реки Ноготхо (Ага-то), впадающей в Такему с левой стороны. По ней можно перевалить в реку Чеэ-Бязани (приток Кусуна). Как мы ни старались, но в этот день нам удалось дойти только до устья реки Тянь-чин-гоуза. Небольшая тропка привела нас к фанзочке, построенной среди густого леса, в расстоянии одного километра от Такемы; тут мы заночевали, а утром снова

продолжали свой путь вниз по долине реки Такемы.

После грозы погода установилась хорошая, и мы продвигались довольно быстро.

Я заметил, что каждый раз, когда тропа приближалась к реке спутники мои о чём-то тревожно говорили между собой. Скоро всё разъяснилось: от последних дождей вода в Такеме поднялась выше своего уровня, и этого было достаточно, чтобы воспрепятствовать нам перейти вброд. Оставалось или продолжать путь по правому берегу до реки Сяо-Кунчи и затем через перевал выйти в долину реки Илимo, или же переправиться через Такему

где-нибудь выше Такунчи. Путь через реку Илимo был длинный и кружный. Посоветовавшись между собой, мы решили попытаться переправиться через реку на плоту и только в случае неудачи идти к верховьям Илимo и по ней к устью Такемы.

Для этого надо было найти плёс, где вода шла тихо и где было достаточно глубоко. Такое место скоро было найдено немного выше последнего порога. Русло проходило здесь около противоположного берега, а с нашей стороны тянулась длинная отмель, теперь покрытая водой. Свалив три большие ели, мы очистили их от сучьев, разрубили

пополам и связали в довольно прочный плот. Работу эту мы закончили перед сумерками и потому переправу через реку отложили до утра.

Вечером мы ещё раз совещались. Решено было, что, когда плот понесёт вдоль берега, Аринин и Чжан Бао должны будут соскочить с него первыми, а я стану сбрасывать вещи. Чан Лин и Дерсу будут управлять плотом. Затем спрыгиваю я, за мной Дерсу, последним оставляет плот Чан Лин.

На другой день мы так и сделали. Котомки положили посредине плота, поверх них ружья, а сами распределились по концам. Едва мы оттолкнули плот от берега, как его сразу подхватило течение и, несмотря на наши усилия, отнесло далеко ниже того места, где мы рассчитывали высадиться. Как только плот подошёл к противоположному берегу, Чжан Бао и Аринин, захватив с собой по два ружья, прыгнули на землю. От этого толчка плот немного отошёл к середине реки. Пока его несло вдоль берега, я принялся сбрасывать вещи. Дерсу и Чан Лин прилагали все

усилия подвести плот возможно ближе к берегу, дабы дать возможность мне высадиться. Я уже собрался было это сделать, как вдруг у Чан Лина сломался шест и он полетел головой в воду. Вынырнув, он поплыл к берегу. Тогда я схватил запасной шест и бросился помогать Дерсу. Немного дальше виднелся каменный выступ. Дерсу закричал мне, чтобы я прыгал как можно скорее. Не зная его плана, я продолжал работать шестом. Не успел я опомниться, как он поднял меня на руки и бросил в воду. Я ухватился руками за куст и выбрался на берег. В это мгновение плот ударился о камень, завертелся и

опять отошёл на середину реки. На плоту остался один Дерсу.

Мы бросились бегом по берегу с намерением протянуть гольду шест, но река здесь делала изгиб, и мы не могли догнать плот. Дерсу делал отчаянные усилия, чтобы снова приблизить его к берегу. Но что значила его сила в сравнении с течением реки! Впереди, метрах в 30, шумел порог. Стало ясно, что Дерсу не справится с плотом и течение непременно увлечёт его к водопаду. Недалеко от порога из воды торчал сук утонувшего тополя. Чем ближе приближался плот к водопаду, тем быстрее несло его течением. Гибель Дерсу казалась неизбежной. Я бежал

вдоль берега и что-то кричал. Сквозь чащу леса я видел, что он бросил шест, стал на край плота и в тот момент, когда плот проносился мимо тополя, он, как кошка, прыгнул на сук и ухватился за него руками.

Через минуту плот достиг порога. Два раза из воды показались концы брёвен, и затем их разметало на части. Крик радости вырвался из моей груди. Но тотчас же появился новый тревожный вопрос: как теперь снять Дерсу с дерева и надолго ли у него хватит сил? Сук торчал из воды наклонно по течению, под углом градусов в 30. Дерсу держался крепко, обхватив его руками и ногами. К несчастью, у нас не было

ни одной верёвки: они все ушли на увязку плота и теперь погибли с ним вместе. Что делать? Медлить было нельзя. Руки у Дерсу могли озябнуть, устать и тогда... Мы стали совещаться. В это время Чан Лин обратил внимание на Дерсу, который делал нам рукой какие-то знаки. За шумом воды в реке нельзя было расслышать, что он кричал. Наконец мы поняли его: он просил рубить дерево. Валить дерево в реку против самого Дерсу было опасно, потому что оно могло сбить его с сука, за который он держался. Значит, надо было рубить дерево выше. Выбрав большой тополь, мы начали было его рубить, но увидели, что Дерсу

отрицательно замахал рукой. Тогда мы подошли к липе — Дерсу замахал снова. Наконец мы остановились около большой ели... Дерсу дал утвердительный знак. Теперь мы поняли его. Ель не имеет толстых ветвей, и потому она не застрянет в реке, а поплывёт. В это время я заметил, что Дерсу показывает нам ремень. Чжан Бао понял этот знак. Дерсу указывал, что ель надо привязать. Я спешно стал развязывать котомки и собирать всё, что было подходящего и что могло хоть как-нибудь заменить верёвки. Для этого пошли ружейные, поясные ремни и ремни от обуви. В котомке Дерсу оказался ещё один запасной

ремень. Мы все их связали вместе и одним концом привязали ель за основание.

После этого мы дружно взялись за топоры. Подрубленная ель покачнулась. Ещё маленькое усилие — и она стала падать в воду. В это время Чжан Бао и Чан Лин схватили концы ремней и закрутили их за пень. Течение тотчас же начало отклонять ель к порогу, она стала описывать кривую от середины реки к берегу, и в тот момент, когда вершина проходила мимо Дерсу, он ухватился за хвою руками. Затем я подал ему палку, и мы без труда вытащили его на берег.

Первое, что я сделал, —

поблагодарил гольда за то, что он вовремя столкнул меня с плота. Дерсу смутился и стал говорить, что так и надо было, потому что если бы он соскочил, а я остался на плоту, то погиб бы наверное, а теперь мы все опять вместе. Он был прав, но тем не менее он рисковал жизнью ради того, чтобы не рисковал ею я.

Человек скоро забывает опасность. Едва она минует, сейчас же он начинает шутить. Чан Лин хохотал во всё горло и кривлялся, изображая, как Дерсу сидел на суку, Чжан Бао говорил, что Дерсу так крепко ухватился за сук, что он подумал, не приходится ли он сродни медведю? Смеялся и сам Дерсу тому,

как Чан Лин упал в воду; посмеялся и надо мною, как я очутился на берегу, сам того не помня, и т. д. Вслед за тем мы принялись собирать разбросанные вещи. Когда работа была кончена, солнце уже скрылось за лесом. Вечером мы долго сидели у огня. Чжан Бао и Чан Лин рассказывали о том, как каждый из них тонул и как они спасались от гибели. Мало-помалу разговоры на биваке начали стихать. Рассказчики молча ещё покурили трубки и затем стали укладываться спать, а я взялся за дневник.

Кругом было темно. Вода в реке казалась бездонной пропастью. В ней отражались звёзды. Там, наверху,

они были неподвижны, а внизу плыли с водой, дрожали и вдруг вновь появлялись на прежнем месте. Мне было особенно приятно, что ни с кем ничего не случилось. С этими радостными мыслями я задремал.

На другой день мы продолжали наш путь вниз по долине реки Такемы и в три с половиной дня дошли до моря уже без всяких приключений. Это было 22 сентября. С каким удовольствием я растянулся на чистой циновке в фанзе у тазов! Гостеприимные удэхейцы окружили нас всяческим вниманием: одни принесли мясо, другие — чай, третьи — сухую рыбу. Я вымылся, надел чистое бельё и занялся работой.

Следующие два дня были дождливые, в особенности последний. Лёжа на кане, я нежился под одеялом. Вечером перед сном тазы последний раз вынули жар из печей и положили его посредине фанзы в котёл с золой. Ночью я проснулся от сильного шума. На дворе неистовствовала буря, дождь хлестал по окнам. Я совершенно забыл, где мы находимся; мне казалось, что я сплю в лесу, около костра, под открытым небом. Сквозь темноту я чуть-чуть увидел свет потухающих углей и испугался.

— Дерсу, Дерсу! — закричал я. — Вставай скорее! Дождь сейчас зальёт огонь.

Дерсу поднялся со своего ложа.

— Ничего, ничего, капитан!

Сейчас мы кладём огонь поближе, — сказал он и начал искать топор.

— Тьфу! — вдруг услышал я его голос. — Как так обмани? Наша в фанзе спи. Тебе капитан играй.

Тут только я спохватился, что сплю не в лесу, а в фанзе, на кане и под тёплым одеялом. Со сладостным сознанием я лёг опять на своё ложе и под шум дождя уснул крепким-крепким сном.

Утром 25 сентября мы распрощались с Такемой и пошли далее на север. Я звал Чан Лина с собой, но он отказался. Приближалось время соболевания;

ему надо было приготовить сетку, инструменты и вообще собраться на охоту на всю зиму. Я подарил ему маленькую берданку, и мы расстались друзьями^[31].

От Такемы на север идут два пути: один — горами, вдали от моря, другой — по намывной полосе прибоя. А. И. Мерзляков с лошадьми пошёл первым, а я — вторым.

Путь А. И. Мерзлякова начинался от фанзы удэheyца Сиу Ху и шёл прямо на восток, пересекая несколько маленьких перевальчиков. Перейдя речку Хуля, он повернул к северо-востоку, затем пересёк ещё одну реку — Шооми (в верховьях) — и через трое суток вышел на реку

Кулумбе. Здесь, около скалы Мафа, он где-то видел выходы каменного угля на поверхность. После перевала по другой безымянной горной речке он пришёл на реку Найну, прямо к корейским фанзам.

Как я уже сказал, я избрал второй путь — по берегу моря.

Подойдя к устью Такемы, я увидел, что, пока мы ходили в горы, река успела переменить своё устье. Теперь оно было у левого края долины, а там, где мы переезжали реку на лодке, образовался высокий вал из песка и гальки. Такие перемещения устьев рек в прибрежном районе происходят очень часто в зависимости от

наводнений и от деятельности морского прибоя.

Большие обнажения на берегу моря к северу от реки Такемы состоят главным образом из лав и их туфов (биолитовый дацит), дальше тянутся полевошпатовые сланцевые породы и диорит. Тип берега кулисный. Действительно, мысы выступают один за другим наподобие кулис в театре. Вблизи берега нигде нет островов. Около мысов, разрушенных морским прибоем, кое-где образовались береговые ворота. Впоследствии своды их обрушились, остались только столбы — любимые места отдыха птиц.

После Такемы в

последовательном порядке идут горные речки: Коами (по-удэгейски Агана, а на морских картах — Лоаен-гоу), потом около мыса Большева будет речка Шооми (по-китайски Сеами, по-удэгейски Соми). Долины их близ моря слились вместе и образовали обширную низину, покрытую редколесьем. Шооми длиной 12 километров. Истоки её находятся около горы Туманной с перевалом на реку Такему, к местности Илимю.

Долина последней речки непропорционально широка, в особенности в верхней части. Горы с левой стороны так размыты, что можно совершенно незаметно

перейти в соседнюю с ней реку Кулумбе. Здесь я наблюдал такие же каменные россыпи, как и на реке Аохобе. Воронки среди них, диаметром около 2 метров и глубиной 1,5 метра, служат водоприёмниками. Через них вода уходит в землю и вновь появляется на поверхности около устья.

К северу от реки Шооми характер горной страны выражен очень резко. Быть может, это только так кажется из-за контраста остроконечных сопок с ровной поверхностью моря.

Редколесье, покрывающее склоны гор, состоит преимущественно из монгольского

дуба, амурской липы и даурской берёзы. Главную массу кустарников составляют калина, таволга, леспедеца, шиповник и лещина. Здесь, на каменистых склонах, попутно я собрал колокольчик (платикодон крупноцветный), одно из самых обычных и красивых растений формации орешников и лугов на местах выгоревшего леса. Видовое название этого колокольчика показывает, что цветы его крупной величины; потом я заметил тимьян с уже поблекшими жёсткими фиолетовыми цветами; крупную веронику, имеющую бархатисто-опушённые стебли и короткие остроконечные зубчатые

листья. Каков цветок у неё — сказать не могу. Судя по увядшим венчикам, мне показалось, что у неё были не белые, а синие цветы. Затем борец — пышное высокое растение с мелким пушком в верхней части стебля и бархатистыми большими листьями; засохшие цветы его, расположенные крупной кистью, вероятно, были тёмно-голубые. И наконец — мелколистную смолёвку; цветы её уже опали, остались только бокалообразные чашечки с выдающимися наружу длинными тычинками.

Осмотр реки Шооми отнял довольно много времени. После полудня мы повернули назад, к

морю, и направились к горам, расположенным с левой стороны долины. Удэхейцы называют их Саха-дуони и Канда-дуони (мыс Черта Канда). Каждая из них высотой около 240 метров.

Часа через два с половиной мы подошли к реке Кулумбе. Южный мыс с правой стороны заслуживает особого внимания. Здесь можно наблюдать великолепные образцы столбчатого распада базальтов. С левой стороны реки поднимается высокая терраса, свидетельствующая об отрицательном движении береговой линии.

По берегам реки и на островах растёт тонкоствольный ивняк, а на

террасе — редкий липовый и дубовый лес. За ним высится высокий утёс, которому местные китайцы дали название Янтун-Лаза^[32].

Переправившись через Кулумбе вброд, мы взобрались на террасу, развели огонь и начали сушиться. Отсюда, сверху, хорошо было видно всё, что делается в воде.

Только что начался осенний ход кеты. Тысячи тысяч рыб закрывали дно реки. Иногда кета стояла неподвижно, но вдруг, словно испугавшись чего-то, бросалась в сторону и затем медленно подавалась назад. Чжан Бао стрелял и убил двух рыб. Этого было вполне достаточно

для нашего ужина.

У северного края долины, в том месте, где береговая терраса примыкает к горам, путь преграждается высокой скалой, состоящей из роговообманкового андезита. Тут надо карабкаться вверх, за камни хвататься нельзя: они качаются и вываливаются из своих гнёзд. По ту сторону утёса тропа лепится по карнизу на высоте 20 метров над морем. Идти прямо по тропе опасно, потому что карниз узок, можно двигаться только боком, оборотясь лицом к стене и держась руками за выступы скалы. Самый карниз неровный и имеет наклон к морю. Здесь погибло много людей.

Удэхейцы скалу эту называют Куле-Рапани, а китайцы — Ван-Син-лаза, по имени китайца Ван Сина — первой жертвы неосторожности. В сапогах по карнизу идти рискованно; люди обыкновенно идут босые или надевают обувь мягкую и сухую. Ван-Син-лаза нельзя переходить в дождливую погоду, утром после росы и во время гололедицы.

После перехода вброд реки Кулумбе наша обувь была мокрой, и потому переход через скалу Ван-Син-лаза был отложен до другого дня. Тогда мы стали высматривать место для бивака. В это время из воды показалось какое-то животное. Подняв голову, оно с видимым

любопытством рассматривало нас. Это была нерпа.

Кольчатый тюлень, или нерпа, относится к отряду ластоногих. Тело её длиной более 2 метров и весит около 80 килограммов. По берегам Уссурийского края нерпы встречаются повсеместно, но, чем севернее, тем больше, что объясняется безлюдностью побережья. Окраска тела животного светло-серая с серебристым оттенком и с ясно выраженными тёмными кольцевыми пятнами. Животное большую часть времени проводит в воде, но иногда для отдыха вылезает на прибрежные камни. Сон нерпы тревожен: она

часто просыпается и оглядывается по сторонам. Слух и зрение у неё развиты лучше других чувств. Насколько она неповоротлива на суше, настолько проворна в воде. В своей родной стихии она становится смелой до дерзости и даже нападает на человека. Отличительные черты характера нерпы — любопытство и любовь к музыке. Охотники подзывают её свистом или ударами палки по какому-нибудь металлическому предмету.

Дерсу что-то закричал нерпе. Она нырнула, но через минуту опять появилась. Тогда он бросил в неё камень. Нерпа погрузилась в воду, но вскоре поднялась снова и, задрав

голову, усиленно смотрела в нашу сторону. Это вывело гольда из терпения. Он схватил первую попавшуюся ему под руку винтовку и выстрелил. Пуля всплеснула совсем близко от животного.

— Эх, брат, промазал ты, — сказал я ему.

— Моя его пугай.; — ответил он. — Убей не хочу.

Я спросил, зачем он прогнал нерпу. Дерсу сказал, что она считала, сколько сюда, на берег, пришло людей. Человек может считать животных, но нерпа?! Это очень задевало его охотничье самолюбие.

Остаток дня мы распределили следующим образом: Чжан Бао и

Дерсу пошли осматривать скалу — они хотели обвалить непрочные камни и, где можно, устроить ступеньки, а я почти до самых сумерек вычерчивал маршруты.

Покончив работу, я кликнул свою собаку и, взяв ружьё, пошёл немного побродить по берегу.

Дойдя до реки Кулумбе, я сел на камень и стал вслушиваться в тихие, как шёпот, звуки, которыми всегда наполняется тайга в часы сумерек. Безбрежный океан, сонная земля и глубокое тёмное небо с миллионами неведомых светил одинаково казались величественными.

Собака моя сидела рядом со мной и, насторожив уши, тоже

внимательно прислушивалась к лесным звукам. Вдруг она встрепенулась и стала смотреть вверх по реке. Вслед за тем позади себя я услышал сопение. Я быстро обернулся. Какая-то тёмная масса двигалась около реки. Это был большой медведь. Урок, данный мне в прошлом году на реке Мутухе, был ещё памятен, и я воздержался от выстрела. Но Альпа не выдержала и стала лаять. Медведь остановился, понюхал воздух, затем повернул назад и с ворчаньем пошёл опять в тальники.

Я встал и поспешно направился к биваку. Костёр на таборе горел ярким пламенем, освещая красным

светом скалу Ван-Син-лаза. Около огня двигались люди; я узнал Дерсу — он поправлял дрова. Искры, точно фейерверк, вздымались кверху, рассыпались дождём и медленно гасли в воздухе.

Через четверть часа я был вместе со своими товарищами. После ужина мы долго сидели у огня и разговаривали; говорили больше Дерсу и Чжан Бао, а я слушал. Время летело незаметно. Когда мы кончили беседу, созвездие Близнецов уже показывало полночь. Подбросив ещё раз дров в огонь, мы завернулись в одеяла и легли спать. Бивак этот почему-то оставил во мне неизгладимое впечатление.

На другой день, 26 сентября, вышло как-то так, что мы все встали очень рано. Утренняя заря была багровая, солнце взошло деформированное; барометр показывал 758 мм и температуру + 6° С.

Греясь у костра, мы пили чай. Вдруг Чжан Бао что-то закричал. Я обернулся и увидел мираж. В воздухе, немного выше поверхности воды, виднелся пароход, две парусные шхуны, а за ними горы, потом появилась постройка, совершенно непохожая ни на русский дом, ни на китайскую фанзу. Явление продолжалось несколько минут, затем оно начало блекнуть и мало-

помалу рассеялось в воздухе.

Все принялись обсуждать. Чжан Бао сказал, что явления миража в прибрежном районе происходят осенью и большей частью именно в утренние часы. Я пытался объяснить моим спутникам, что это такое, но видел, что они меня не понимают. По выражению лица Дерсу я видел, что он со мной не согласен, но из деликатности не хочет делать возражений. Я решил об этом поговорить с ним в дороге.

Когда мы выступили с бивака, я стал его расспрашивать. Сначала он уклонялся от ответов, и я уже терял надежду узнать от него что-нибудь, но одно слово, сказанное мною, дало

толчок. Я сказал «тень» и попал как раз в точку. Однако слово «тень» он понимал в смысле тени астральной, в смысле души. После этого Дерсу принялся мне объяснять явление миража очень сложно. По его представлению, душу — тень (ханя) — имеют не только люди, животные, птицы, рыбы, насекомые, но и растения, и камни, и вообще все неодушевлённые предметы.

— Люди спи, — говорил Дерсу, — ханя ходи; ханя назад ходи — люди проснулся.

Душа оставляет тело, странствует и многое видит в то время, когда человек спит. Этим объясняются сны. Душа

неодушевлённых предметов тоже может оставлять свою материю. Виденный нами мираж, с точки зрения Дерсу, был тенью (ханя) тех предметов, которые в это время находились в состоянии покоя. Так первобытный человек, одушевляя природу, просто объясняет такое сложное оптическое явление, как мираж.

Переправа через скалу Ван-Син-лаза действительно была очень опасна. Я старался не глядеть вниз и осторожно переносил ногу с одного места на другое. Последним шёл Дерсу. Когда он спустился к берегу моря, я облегчённо вздохнул.

Сейчас же за скалой течёт

маленький ключ Дзаянкуни (на картах — Талянкуни), рядом с ним гора Уонгу и затем две реки: Момокчи и Асектани (на картах — Остегни). От устья Кулумбе до Асектани— 10 километров.

Места эти очень интересны в зоогеографическом отношении. Здесь находится последний естественный питомник пятнистых оленей. Животное это по своим размерам занимает промежуточное место между козулей и изюбром и является единственным представителем хвостатых оленей. Летняя окраска его весьма пёстрая: общий тон шерсти красно-кирпичный; по сторонам тела

расположено семь рядов белых пятен величиной с яблоко; по спине проходит чёрный ремень; хвост животного, которым он постоянно помахивает, украшен длинными чёрными волосами. Зимой олень становится буро-серым и пятна почти совсем исчезают. Мускулистая шея его покрыта довольно длинной шерстью, которая спереди и на груди несколько темнее, чем на остальных частях тела. Рога самцов не имеют нижних глазных отростков, как у изюбров; панты ценятся китайцами очень высоко (от 800 до 1200 рублей пара).

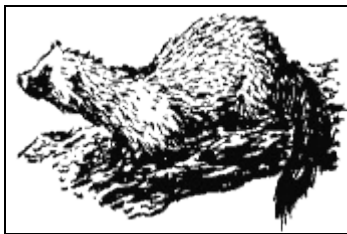
В Уссурийском крае пятнистый олень обитает в южной части

страны. Северной границей его распространения в бассейне Уссури можно считать реку Иман и на берегу моря реку Амагу (мыс Арка). За последние 20 лет площадь обитания оленей сократилась раз в десять. В тех местах, где раньше они бродили стадами, поселились корейцы и начали уничтожать леса. Бедные животные стали отходить на север, но не могли выдержать жизни в хвойных лесах и погибли очень скоро. В настоящее время во всём Уссурийском крае есть только три естественных питомника: остров Аскольд в заливе Петра Великого; горная область с правой стороны в верховьях реки Судзухе (местность

Юм-бей-си) и небольшой участок на побережье Японского моря, между реками Кулумбе и Наиной (мыс Арка). Как только зверопромышленники пронюхают об этом, они быстро перебьют всех оленей. Местным властям в крае следовало бы позаботиться об охране этих питомников теперь же, пока ещё не поздно.

Глава двенадцатая

Корейцы— соболёвщики

*Мелкие речки прибрежного
района. — Корейская фанза. —
Водяная толчая. — Река Найна. —
Корейская соболина ловушка. —
Влияние колонизации на край. — Мыс*

*Арка. — Река Квандагоу. — Река
Кудя-хе. — Старообрядческая
деревня. — Удэхейцы. — Климат
прибрежного района. —
Фенология. — Ботанические и
зоогеографические границы. — Река
Амагу. — Лось.*

Чем дальше на север, тем
террасы на берегу моря становятся
всё выше и выше. Особенно сильно
они развиты около устьев горных
речек: Гаппакси, Була (по-китайски
Яндиоза), Толомги, Кулумбе,
Момокчи и Найны, где достигают
высоты 15 метров. Около Момокчи
они углубляются в долину и идут по
сторонам её в виде ясно выраженных

карнизов. Основание террас массивное, а верхняя часть состоит из угловатых обломков попеременно с глиной, вследствие чего сверху они всегда заболочены. Здесь на берегу моря впервые встречается лиственница, растущая группами.

География части побережья между Момокчи и Найной такова: высокий горный хребет Габади тянется под острым углом по отношению к берегу моря. По ту сторону его будет бассейн реки Кулумбе, по эту — мелкие речки, имеющие только удэгейские названия: Яшу (на картах — Ячасу), Уяхги-Бязани, Санкэ, Капуты, Янужа и другие. Между ними следует

отметить три горные вершины: Габади, Дюхане и гору Яндоюза, а около устья реки Яшу — одинокую скалу Када-Буди-Дуони. На морских картах она названа горой Ожидания.

От реки Кулумбе на север до реки Найны горные породы располагаются следующим образом: сперва идёт андезит со столбчатым, несколько веерообразным распадением, дальше будет дацит с тридимитом и кремнистые сланцы. Близ устья реки Момокчи (мыс Александра) горы состоят из сильно изменившегося кварцевого порфирита и весьма плотной грейзеноподобной породы. В ней в виде редких шпир встречается

серный блеск. Между реками Яшу и Момокчи от массы горы в море выдвигаются два мыса, имеющие удэхейские названия: Ухэ-дуони и Копочи-дуони.

Наконец около реки Найны в береговых обнажениях видна какая-то бурая, сильно метаморфизированная сложная порода.

У подножия найнийских террас, на самом берегу моря, мы нашли корейскую фанзу. Обитатели её занимались ловлей крабов и соболеванием. В фанзе жило девять холостых корейцев. Среди них двое одетых по-китайски и один по-удэхейски. Они носили косы и имели

подбритые лбы. Я долго их принимал за то, чем они казались, и только впоследствии узнал, кто они на самом деле.

Подходя к фанзе, я услышал шум воды и затем звук от падения чего-то тяжёлого. Сначала я не обратил на это внимания, но, когда звук повторился во второй, третий и в десятый раз, я спросил, что это значит. Чжан Бао сказал, что это корейская толчея, приводимая в движение водою.

Такая толчея устраивается около ручья следующим образом: на двух опорах лежит свободно вращающийся валик, проходящий сквозь длинное коромысло с

неравными плечами. К короткому плечу прикреплён тяжёлый пест, под которым поставлена большая деревянная ступа. Другое (длинное) плечо коромысла оканчивается ковшом. Стекающая по жёлобу вода наполняет ковш. Получив значительный вес, он опускается вниз, поднимая пест кверху. Как только ковш наклонится, из него разом выливается вода, тогда перетягивает пест и падает в ступу.

Из всех восточных народов на материке Азии корейцы первые додумались до использования живой силы воды. У китайцев таких машин нет. Иногда толчеи устраиваются дома или в самой фанзе. В

последнем случае вместо ковша коромысло кончается плоской лопатой, а машина приводится в движение давлением ноги. Эту работу обыкновенно исполняют женщины.

На возвратном пути в фанзу я услышал ещё какой-то шум в сарае — это корейцы мололи муку при помощи ручных жерновов, наложенных один на другой. К верхнему прикреплён короткий рычаг, при помощи которого он и приводится в движение. Зерно насыпается в деревянный ящик, откуда оно течёт в отверстие верхнего камня и затем к зазорам между жерновами.

Как и надо было ожидать, наше появление вызвало беспокойство среди корейцев. В фанзе было свободно, и потому мы разместились на одном из канов. Дерсу сделал вид, что не понимает их языка, и внимательно стал прислушиваться к тому, что они говорили между собою.

Из этого разговора он узнал, что среди корейцев есть несколько искателей руд, остальные — охотники, пришедшие за провизией с реки Кулумбе, где у них имеются зверовые фанзы.

27 сентября было посвящено осмотру реки Найны, почему-то названной на морских картах Яходеи-Санка. Река эта длиной 20

километров; истоки её находятся в горах Карту, о которых будет сказано ниже. Сначала Найна течёт с севера на юг, потом поворачивает к юго-востоку и последние 10 километров течёт к морю в широтном направлении. В углу, где река делает поворот, находится зверовая фанза. Отсюда прямо на запад идёт та тропа, по которой прошёл А. И. Мерзляков со своим отрядом.

Корейская зверовая фанза — это небольшая постройка, сложенная из брёвен, с пологой двускатной крышей из кедрового корья. Она имеет два или три окна, по одному с каждой стороны, и две двери, всегда обращённые к речке. Внутреннее

устройство её такое же, как и в китайских фанзах. Тут есть очаг с железным котлом и кан для спанья, нагреваемый дымовыми ходами. Вся внутренняя обстановка сделана грубо, топорно, чтобы не жаль было бросить её в случае, если придётся переходить на другое место. И снаружи, по типу постройки, и по внутренней обстановке всегда можно отличить корейскую зверовую фанзу от китайской.

Время было осеннее, и корейцы начали уже соболевать. Недалеко от фанзы мы увидели и самые ловушки на соболя, так называемые мосты. Для устройства их корейцы пользуются буреломным лесом,

переброшенным с одного берега реки на другой. Иногда они нарочно для этого валят деревья, если место кажется подходящим, а валежника вблизи нет. Посредине бревна из мелких прутьев сделана изгородь, в которой оставлен узкий проход, а в нём в вертикальном положении укреплена волосяная петля. По бокам бревна отёсано так, чтобы соболь не мог обойти изгородь стороной. Петля одним концом привязана к деревянной палочке, которая небольшим выступом чуть только держится на маленьком упорце. К этой палочке привязан груз (камень) весом 3—4 килограмма. Когда соболь бежит по такому «мосту», он

натывается на изгородь, старается её обойти, но гладкие затёски мешают ему; тогда он пробует перескочить через петлю, запутывается, тянет её за собой и срывает палочку с упорца. Груз падает в воду и увлекает за собой дорогого хищника.

Корейцы считают, что их способ соболевания самый лучший, потому что ловушка действует наверняка и случаев, чтобы соболь ушёл, не бывает. Кроме того, под водой соболь находится в сохранности и не может быть испорчен воронами или сойками. В корейские ловушки, так же как и в китайские, часто попадают белки, рябчики и другие мелкие птицы.

Вся долина реки Найны покрыта горелым лесом — пожар был здесь несколько лет назад. Ныне на месте хвойного леса вырос молодняк, состоящий из берёзы, лиственницы и осины.

К вечеру мы вернулись назад.

Дерсу недолюбливал корейцев и, несмотря на то что на дворе было холодно и ветрено, отказался ночевать в фанзе. Он устроил себе бивак на берегу моря, под защитой террасы.

Вечером, после ужина, я пошёл посмотреть, что он делает. Дерсу сидел, поджав под себя ноги, и курил трубку. Мне показалось у него так уютно, что я не мог отказать себе в

удовольствии погреться у огня и поговорить с ним за кружкой чая.

— Дерсу, — сказал я ему, — я о тебе соскучился. Как только тебя нет около меня, чувствую, что чего-то не хватает.

— Спасибо, капитан, — ответил он с улыбкой, — спасибо! Моя тоже так. Тебе сопка один ходи — моя шибко боится.

Он подвинулся. Я сел рядом с ним и спросил его, почему он не любит корейцев.

Дерсу стал вспоминать дни своего детства, когда, кроме гольдов и удэхе, других людей не было вовсе. Но вот появились китайцы, а за ними — русские. Жить становилось с

каждым годом все труднее и труднее. Потом пришли корейцы. Леса начали гореть; соболь отдалился, и всякого другого зверя стало меньше. А теперь на берегу моря появились ещё и японцы. Как дальше жить?

Дерсу замолк и задумался. Перед ним воскресло далёкое прошлое. Он весь ушёл в эти воспоминания. Задумался и я. Действительно, Приморье быстро колонизировалось. Недалеко уже то время, когда от первобытной, девственной тайги и следа не останется. Исчезнут и звери.

Мы сидели молча, и каждый по-своему думал об одном и том же.

— Как дальше жить? — вдруг

опять проговорил Дерсу и глубоко вздохнул.

— Ничего, старик, — ответил я ему, — на наш с тобой век хватит.

В это время подошёл к нам Чжан Бао и, смеясь, стал рассказывать, как кореец впотьмах наступил на голову другому корейцу, как тот в отместку вымазал ему физиономию чумизной кашей. Разговор наш переменялся.

На другой день мы продолжали наш путь далее на север.

Погода стояла пасмурная, но дождя не было.

К северу от реки Найны до реки Амагу тянутся андезиты и кварцево-порфировый туф. Особенного

внимания заслуживают

обнажения около реки Амагу (мысы Белкина и Арка). Здесь в пёстрых слоях туфа можно видеть пустоты с конкрециями из известкового шпата и из какой-то мягкой зеленокаменной породы.

На морских картах в этих местах показаны двое береговых ворот. Одни малые — у самого берега, другие большие — в воде. Ныне сохранились только те, что ближе к берегу. Удэхейцы называют их Сангасу, что значит «Дыроватые камни», а китайцы — Кулунзуйза^[33].

Об этих Дыроватых камнях у туземцев есть такое сказание. Одни люди жили на реке Нахтоху, а другие

— на реке Шооми. Последние взяли себе жён с реки Нахтоху, но, согласно обычаю, сами им в обмен дочерей своих не дали. Нахтохуские удэхейцы отправились на Шооми и, воспользовавшись отсутствием мужчин, силой забрали столько девушек, сколько им было нужно. Шоомийцы погнались за ними на лодках. Когда они достигли мыса Сангасу, то не помолились, а, наоборот, с криками и руганью вошли под свод береговых ворот. Здесь, наверху, они увидели гагару, но птица эта была не простая, а Тэму (Касатка — властительница морей). Один удэхеец выстрелил в неё и не попал. Тогда каменный свод

обрушился и потопил обе лодки с 22
человеками.

Немного дальше камней Сангасу
тропа оставляет морское побережье
и идёт вверх через перевал на реке
Квандагоу (приток Амагу). Эта река
длиной около 30 километров. Истоки
её находятся там же, где и истоки
Найны. Квандагоу течёт сначала тоже
в глубоком ущелье, заваленном
каменными глыбами, но потом
долина её расширяется. Верхняя
половина течения имеет направление
с северо-запада, а затем река круто
поворачивает к северо-востоку и
течёт вдоль берега моря, будучи
отделена от него горным кряжем
Чанготыкалани.

Следующие два мыса называются Нюммый-дуони и Лаамчи-дуони, и, наконец, самый последний мыс около Амагу имеет русское название — Белкина, а рядом небольшая бухточка — Разочарования.

По выходе из гор течение реки Квандагоу становится тихим и спокойным. Река блуждает от одного края долины к другому, рано начинает разбиваться на пороги и соединяется с рекой Амагу почти у самого моря.

После перевала тропа идёт сначала правым берегом реки, потом переходит через топкое болото на левый берег, затем снова

возвращается на правую сторону, каковой и придерживается уже до самого устья. В верхней половине река Квандагоу заросла хвойным лесом, а в нижней — исключительно лиственными породами: тополем, дубом, берёзой, осокорем, осиною, клёном и т. д.

Путь по реке Квандагоу показался мне очень длинным. Раза два мы отдыхали, потом опять шли в надежде, что вот-вот покажется море. Наконец лес начал редеть; тропа поднялась на невысокую сопку, и перед нами развернулась широкая и живописная долина реки Амагу со старообрядческой деревней по ту сторону реки. Мы покричали.

Ребятишки подали нам лодку. Наше долгое отсутствие вызвало у Мерзлякова тревогу. Стрелки хотели уже было идти нам навстречу, но их отговорили староверы.

Через несколько минут я сидел в избе за столом, пил молоко и слушал доклад А. И. Мерзлякова. Весть о том, что я пришёл на Амагу, быстро пронеслась по всей деревне.

Староверы встретили меня очень приветливо. Пришлось принимать гостей и отвечать им тем же.

Следующие три дня были днёвки. Мы отдыхали и собирались с силами. Каждый день я ходил к морю и осматривал ближайшие

окрестности. Река Амагу (по-удэгейски Амули, а по-китайски Ама-гоу) образуется из слияния трёх рек: самой Амагу, Квандагоу, по которой мы прошли, и Кудя-хе, впадающей в Амагу тоже с правой стороны, немного выше Квандагоу. Поэтому когда смотришь со стороны моря, то невольно принимаешь Кудя-хе за главную реку, которая на самом деле течёт с севера, и потому долины её из-за гор не видно.

Кудя-хе — быстрая и порожистая речка длиною около 20 километров. Она протекает по широкой долине и тоже берёт начало с хребта Карту. Верхняя часть долины покрыта горелым сухостоем. Вновь

появившийся молодняк состоит главным образом из осины, лиственницы и белой берёзы; ближе к морю, в горах, преобладают хвойные породы.

Видно, что нижняя часть долины Амагу, где поселились староверы, раньше была морским заливом. Реки Кудя-хе и Квандагоу некогда впадали в море самостоятельно. Затем произошёл обычный процесс заполнения бухты наносами реки и отступления моря. С левой стороны ещё и теперь сохранилось длинное торфяное болото, но и оно уже находится в периоде усыхания. Ныне река Амагу впадает в море близ мыса Белкина и

около устья образует небольшую заводь, которая сообщается с морем узкой протокой.

Старообрядческая деревня Амагу состояла из 18 дворов. Первые переселенцы (семь семейств) перекочевали сюда в 1900 году с реки Даубихе. Живя далеко в горах, старообрядцы сохранили облик чистых великороссов. Патриархальность семьи, костюмы, утварь, вышивки на одежде, резьба по дереву и т. д. — всё это напоминало Древнюю Русь. У меня создалось впечатление, как будто я перенёсся сразу на несколько столетий назад. Интересно было наблюдать, как они жили «задним

числом»: для них сенсационным событием было то, что уже прошло, чем в России давно уже перестали интересоваться.

К ним заходили японские суда и очень редко — русские. Поэтому все свои закупки жители делали в Японии и только в случае крайности ходили сухопутьем в залив Ольги, совершая для этого длительные путешествия. Средствами к жизни их были земледелие и соболевание. Соболей они ловили всеми способами: и китайским, и корейским, и удэгейским. Занимались также охотой на оленей, били лосей, ловили рыбу. Ни в одежде их, ни в домашней

обстановке, ни в чём другом не было заметно роскоши, но тем не менее всё указывало на то, что это народ зажиточный. Особенно много у них было коней и рогатого скота. Я насчитал 82 лошади и 84 коровы.

Кроме старообрядцев на Амагу жила ещё одна семья удэгейцев, состоящая из старика мужа, его жены и трёх взрослых сыновей. К чести старообрядцев нужно сказать, что, придя на Амагу, они не стали притеснять туземцев, а, наоборот, помогли им и начали учить земледелию и скотоводству; удэгейцы научились говорить по-русски, завели лошадей, рогатый скот и построили баню.

На опушке лиственного леса, что около болота, староверы часто находили неглубоко в земле бусы, серьги, браслеты, пуговицы, стрелы, копья и человеческие кости. Я осмотрел это место и нашёл следы жилищ. На старинных морских картах при устье Амагу показаны многочисленные туземные юрты. Старик рассказывал мне, что лет 30 назад здесь действительно жило много удэгейцев, но все они погибли от оспы. В 1870 году, по словам Боголюбского, на берегу моря, около реки Амагу, жило много туземцев.

В климатическом отношении эта часть побережья резко отличается от мест, находящихся к

западу от Сихотэ-Алиня. Лето здесь сырое и прохладное, осень долгая и тёплая, зима сухая, холодная, а весна поздняя. Первая половина зимы бесснежная, снега выпадают только в феврале и марте. Зато ноябрь и декабрь страшно ветреные. Обыкновенно ветры дуют со стороны хребта Карту. По наблюдениям староверов, если на западе в горах небо чистое — погода будет тихая, но если с утра там поднимаются кучевые облака — это верный признак сильного северо-западного ветра. Из 30 дней бывает приблизительно дней пять тихих, «морочных», 10 с сильными ветрами, а остальные 15 дней с ветрами,

которые можно просто назвать свежими. На рассвете обыкновенно всегда бывает тихо; ветер начинает дуть с восхода солнца, постепенно усиливаясь, и достигает наибольшего напряжения к 2 часам пополудни. Затем ветер начинает спадать и совсем стихает после полуночи.

В Южно-Уссурийском крае опилки, зарытые в землю, быстро сгнивают и превращаются в удобрение, но на побережье моря они не гниют в течение трёх лет. Это можно объяснить тем, что летом вследствие холодных туманов земля никогда не бывает парная.

Первое выпадение снегов около Амагу происходит около половины

декабря. Осень стоит долгая и тёплая, вследствие этого травы не сохнут, а вянут. В сырых местах, где трава растёт кочками, нижняя часть её долго ещё остаётся зелёной. Это даёт возможность рогатому скоту большую часть года держаться на подножном корму. Лошадей приходится подкармливать только весной. Старообрядцы говорят, что в год своего переселения они совершенно не имели сухого фуража и держали коров и лошадей на подножном корму всю зиму, и, по их наблюдениям, животные нисколько не похудели. Вследствие того что весна здесь наступает поздно, староверы пахут только в мае, а

косят в августе. Так как лето туманное и холодное, то хлеба созревают тоже поздно. Уборка их производится в конце сентября, а иногда затягивается и до половины октября. Все овощи, в особенности картофель, растут хорошо; не созревают только дыни и арбузы. Период цветения растений и созревания плодов по сравнению с бассейном Уссури, на одной и той же широте, отстаёт почти на целый месяц.

В флористическом отношении река Амагу не менее интересна, чем в климатическом. В горах растёт довольно много тиса. Любопытно, что дерево это в прибрежном районе

встречается небольшими группами и не повсеместно. Южнее реки Мутухе его можно найти в лесу только одиночными деревьями. Здешняя липа не достигает таких размеров, как в Южно-Уссурийском крае, но зато ствол её массивный и не имеет дупла. В районе верховьев Уссури и южнее наблюдается обратное явление: там липа хотя и растёт в виде большого дерева, но почти всегда внутри полая. Ольха на Амагу имеет тоже очень крупные размеры и встречается не только по берегам рек, но и по тенивым склонам гор. Дуб растёт небольшой, с белесоватой корой (на юге кора у дуба тёмная). Хотя жёлуди и созревают, но сами не

спадают на землю, а их сбивают сильные осенние ветры. Заметно, что в здешних лесах болезненных наростов на деревьях меньше, чем к западу от Сихотэ-Алиня, и притом они встречаются только в верховьях рек. В Южно-Уссурийском крае такие наплывы достигают чрезвычайно больших размеров. Около Амагу кедр, лиственница, ель, пихта, берёза, осина произрастают хорошо, зато ясень, клён и вообще все твёрдые породы растут плохо. Чёртово дерево попадаетея редко и имеет чахлый вид и отмершие вершины. Реку Амагу можно считать северной границей дикого винограда и маньчжурского ореха. Первый —

низкорослый, растёт исключительно на солнцепёке и с подветренной стороны, но не вызревает. Уже на реке Кусуне (немного севернее) его совсем нет. Ореха крестьяне на Амагу не видели, но однажды во время наводнения по реке плыла к ним ветка со свежей листвой. Из этого они заключили, что где-то по реке есть одно такое дерево.

Крайне интересно влияние моря на растительность. Например, яд зверобоя, борца, чемерицы у моря несравненно слабее, чем в горах. То же самое можно сказать относительно укусов змей, шершней и ос.

Около реки Амагу домашние

пчелы могут ещё жить, но требуют за собой большого ухода. На зиму их надо тщательно прикрывать и оставлять больше корму. Завезённым сюда пчёлам трудно собирать мёд. В поисках медоносных трав им приходится совершать большие полёты. Старообрядцы заметили, что если настоящих медоносов бывает мало, то пчелы собирают мёд с других растений, иногда даже с чемерицы. От этого мёда пчелы болеют, и если им дать хорошего мёда, то они тотчас выбрасывают из улья мёд отравленный. Дальше на север опыты разведения староверами домашних пчёл кончились неудачей.

Амагинский район заслуживает

внимания натуралиста и в зоогеографическом отношении. Например, белогрудый медведь с юга доходит только до реки Кулумбе. Тигры появляются периодически. Пантер никто не встречал, и за семь лет староверы только один раз видели следы её на скалах, но они не уверены, была ли то пантера или молодой тигр. Шакалоподобные «дикие собаки» встречаются весьма редко.

Так как на западе раньше наступают холода, то и опущение соболя и белки происходит там раньше, чем на берегу моря (разница равна почти месяцу). По словам староверов, когда они первый раз

прибыли на Амагу, то застали здесь дроф. В 1904—1905 годах дрофы ещё изредка появлялись, но затем перелёты их совсем прекратились. Как-то раз, года два назад, вдруг на пашнях появилось несколько фазанов. Откуда они взялись — неизвестно; на другой год фазаны исчезли. Однажды на падали около моря видели большого тёмно-бурого орла с длинной голой шеей. Судя по описаниям, это был гриф. Вероятно, он залетел сюда из Центральной Азии случайно. Река Амагу является южной границей распространения глухаря и северной — зелёного дятла.

4 октября был отдан приказ готовиться к походу. Теперь я

хотел подняться по реке Амагу до истоков, затем перевалить через хребет Карту — по реке Кулумбе спуститься к берегу моря.

Староверы говорили мне, что обе упомянутые реки очень порожисты и в горах много осыпей. Они советовали оставить мулов у них в деревне и идти пешком с котомками. Тогда я решил отправиться в поход только с Дерсу.

По моим расчётам, у нас должно было хватить продовольствия на две трети пути. Поэтому я условился с А. И. Мерзляковым, что он командирует удэгейца Сале с двумя стрелками к скале Ван-Син-лаза, где они должны будут положить продовольствие на

видном месте. На следующий день, 5 октября, в 2 часа дня с тяжёлыми котомками мы выступили в дорогу.

Река Амагу длиной около 50 километров. Начало она берет с хребта Карту и огибает его с западной стороны. Амагу течёт сначала на северо-восток, потом принимает широтное направление и только вблизи моря немного склоняется к югу. Из притоков её следует указать только Дунанцу длиной 19 километров. По ней можно перевалить на реку Кусун. Вся долина Амагу и окаймляющие её горы покрыты густым хвойно-смешанным лесом строевого и поделочного характера.

Вегетационный период почти что кончился. Большинство цветковых растений завяло, и только в некоторых ещё теплилась жизнь. К числу последних относились: анафалис жемчужный, у которого листья с исподней стороны войлочные; особый вид астры, с тёмным пушистым стеблем и чешуйчатой фиолетовой корзинкой; затем заячье ушко — зонтичное растение, имеющее на листьях выпуклые дугообразные жилки, и, наконец, черемша с листьями, как у ландыша.

Едва заметная тропинка привела нас к тому месту, где река Дунанца впадает в Амагу. Это будет

километрах в десяти от моря. Близ её устья есть утёс, который староверы по-китайски называют Лаза^[34] и производят от глагола «лазить». Действительно, через эту «лазу» приходится перелезать на животе, хватаясь руками за камни.

Пройдя ещё с километр, мы стали биваком на галечниковой отмели.

До заката было ещё более часа. Я воспользовался этим временем и пошёл на охоту вверх по Дунанце. Поднявшись на первую попавшуюся сопку, я сел на валежник и стал осматриваться. Отсюда, сверху, были видны Амагу, Кудя-хе, Квандагоу и побережье моря. Листопад был в

полном разгаре. Лес с каждым днём всё более и более принимал монотонно-серую, безжизненную окраску, знаменующую приближение зимы. Только дубняки сохранили ещё листву, но и она пожелтела и от этого казалась ещё печальнее. Кусты, лишённые пышных нарядов, стали удивительно погожи друг на друга. Чёрная, похолодевшая земля, прикрытая опавшей листвой, погружалась в летаргический сон; растения покорно, без протестов готовились к смерти.

Я так ушёл в свои думы, что совершенно забыл, зачем пришёл сюда в этот час сумерек. Вдруг сильный шум послышался сзади

меня. Я обернулся и увидел какое-то несуразное и горбатое животное с белыми ногами. Вытянув вперёд свою большую голову, оно рысью бежало по лесу. Я поднял ружьё и стал целиться, но кто-то опередил меня. Раздался выстрел, и животное упало, сражённое пулей. Через минуту я увидел Дерсу, спускавшегося по кручам к тому месту, где упал зверь.

Убитое им животное оказалось лосем.

Это был молодой самец лет трёх. Длина зверя от верхней губы до конца хвоста равнялась 2 метрам 20 сантиметрам, высота от подошвы копыта до холки—1 метру 70

сантиметрам, общий вес — около 240 килограммов.

Это на вид неуклюжее животное имеет мощную шею и большую вытянутую голову с толстой, загнутой книзу мордой. Шерсть длинная, блестящая, гладко прилегающая к телу; окраска тёмно-бурая, почти чёрная; ноги белесоватые. Лось — очень строгий зверь: достаточно один раз его побеспокоить, чтобы он надолго оставил облюбованное место. Спасаясь от преследования охотника, он идёт рысью и иногда галопом. Лось очень любит купаться в болотистых озерах. Раненный, он убегает, но во время течки

становится злым и не только защищается, но и сам нападает на человека. При этом он поднимается на задние ноги и, скрестив передние, старается ими сбить врага и тогда топчет его с ожесточением.

Амагу будет южной границей, где лось выходит к берегу моря. С наступлением холодов он начинает перекочёвывать к западу. В ноябре его ещё можно застать около Сихотэ-Алиня, а в декабре он совсем уходит в бассейн Бикина. Там, в густых лесах, где не бывает наста, он находит достаточно корма и благоприятные условия для существования. По внешнему виду уссурийский лось мало чем

отличается от своего европейского собрата, но зато рога его иные: они вовсе не имеют лопастей и скорее похожи на изюбровые, чем на лосиные.

Дерсу принялся снимать шкуру и делить мясо на части. Неприятная картина, но тем не менее я не мог не любоваться работой своего приятеля. Он отлично владел ножом: ни одного лишнего пореза, ни одного лишнего движения. Видно, что рука у него на этом деле хорошо была набита. Мы условились, что немного мяса возьмём с собой; Чжан Бао и Фокин примут меры доставить остальное староверам и для команды.

Глава тринадцатая

Водопад

Случай с тигром. — Запретное место. — Дерсу и ворона. — Верховья реки Амагу. — Водопад. — Жертвоприношение. — Хребет Карту. — Брусника. — Ночлег в горах. — Спуск в долину реки Кулумбе. — Забота о животных.

Вечером, после ужина, зашёл разговор об охоте. Говорил Дерсу, а мы его слушали. Жизнь этого человека была полна интереснейших приключений. Гольд рассказывал, как однажды, десять лет назад, он охотился за изюбрами в самый разгар пантовки. Дело было на реке Эрлдагоу (приток Даубихе), в самых её истоках. Здесь, в горах, вода промыла длинные и глубокие овраги; крутые склоны их поросли лесом. Дерсу имел при себе винтовку, охотничий нож и шесть патронов. Недалеко от бивака он увидел пантача, стрелял и ранил слабо. Изюбр упал было, но скоро

оправился и побежал в лес. Гольд догнал его там, опять стрелял четыре раза, но все раны были не убойные, и изюбр уходил дальше. Тогда Дерсу выстрелил в шестой, и последний, раз. После этого олень забился в овраг, который соединялся с другим таким же оврагом. Олень лежал как раз у места их соединения в воде, и только плечо, шея и голова его были на камнях. Раненое животное поднимало голову и, видимо, кончало расчёты с жизнью. Гольд сел на камень и стал курить в ожидании, когда изюбр подохнет. Пришлось выкурить две трубки, прежде чем олень испустил последний вздох. Тогда Дерсу подошёл к нему, чтобы

отрезать голову с пантами. Место было неудобное: у самой воды росла толстая ольха. Как ни приспособлялся Дерсу, он мог устроиться только в одном положении. Он опустился на правое колено, а левой ногой упёрся в один из камней в ручье. Винтовку он забросил себе на спину и начал было свежевать оленя. Не успел он два раза резануть ножом, как вдруг за шумом воды позади себя услышал шорох. Он хотел было оглянуться, но в это мгновение совсем рядом с собой увидел тигра. Зверь хотел было наступить на камень, но оступился и попал лапой в воду. Гольд знал, что если он сделает хоть малейшее

движение, то погибнет. Он замер на месте и притаил дыхание. Тигр покосился на него и, видя неподвижную фигуру, двинулся было дальше. Однако он почувствовал, что это неподвижное — не пень и не камень, а что-то живое. Два раза он оборачивался назад и усиленно нюхал воздух, но, на счастье Дерсу, ветер тянул не от него, а от тигра. Не уловив запаха оленьей крови, страшный зверь полез на кручу. Камни и песок из-под его лап посыпались в ручей. Но вот он взобрался наверх. Тут он вдруг почуял запах человека. Шерсть на спине у него поднялась дыбом, он сильно заревел и стал бить себя хвостом по

телу. Тогда Дерсу громко закричал и пустился бежать по оврагу. Тигр бросился вниз, к оленю, и стал его обнюхивать. Это и спасло Дерсу. Он выбрался из ущелья и бежал долго, бежал, как козуля, преследуемая волками.

Тогда он понял, что убитый олень принадлежал не ему, а тигру. Вот почему он и не мог его убить, несмотря на то что стрелял шесть раз. Дерсу удивился, как он об этом не догадался сразу. С той поры он не ходил больше в эти овраги. Место это стало для него раз навсегда запретным. Он получил предупреждение...

После ужина я и стрелок Фокин

улеглись спать, а гольд и Чжан Бао устроились в стороне. Они взяли на себя заботу об огне.

Ночью я проснулся. Вокруг луны было матовое пятно — верный признак, что утром будет мороз. Так оно и случилось: перед рассветом температура быстро понизилась и вода в лужах замёрзла.

Первыми проснулись Чжан Бао и Дерсу. Они подбросили дров в огонь, согрели чай и тогда только разбудили меня и Фокина.

Удивительные птицы вороны: как скоро они узнают, где есть мясо! Едва солнечные лучи позолотили вершины гор, как несколько их появилось уже около нашего бивака.

Они громко перекликались между собой и перелетали с одного дерева на другое. Одна из ворон села очень близко от нас и стала каркать.

— Ишь, проклятая! Погоди, я тебя сейчас ссажу, — сказал стрелок Фокин и потянулся за винтовкой.

— Не надо, не надо стрелять, — остановил его Дерсу. — Его мешай нету. Ворона тоже хочу кушай. Его пришёл посмотреть, люди есть или нет. Нельзя — его улетит. Наша ходи, его тогда на землю прыгай, чего-чего остался — кушай.

Как бы в подтверждение его слов ворона снялась с дерева и улетела. Доводы эти Фокину показались убедительными; он

положил ружьё на место и уже больше не ругал ворон, хотя они подлетали к нему ещё ближе, чем в первый раз.

Дерсу был безусловно прав. Обычай «ссаживать» ворон с деревьев — жестокая забава охотников. Стрельбой по воронам забавляются иногда даже образованные люди. Стеляют так же, как в бутылку, только потому, что чёрная ворона представляет собой хорошую цель.

Ворон скорее следует отнести к полезным птицам, чем к вредным. Убирая в тайге трупы павших животных, дохлых рыб по берегам рек, моллюсков, выброшенных

морским прибоем, и в особенности разные отбросы человеческих жилищ, они являются незаменимыми санитарами и играют огромную роль в охране природы. Вред, причиняемый воронами хозяйству, по сравнению с той пользой, которую они приносят, невелик.

На этом биваке мы расстались. Чжан Бао и стрелок Фокин вернулись назад, а мы с Дерсу пошли дальше.

Отсюда долина Амагу начала суживаться, и река сделалась порожиистой; в горах появились осыпи и целые площади, обезлесенные пожарами; зато внизу, в долине, лес стал гуще; к

лиственным породам примешалось много хвои. Километрах в 20 от моря река снова разделилась надвое. Одна речка (большая) огибает хребет Карту с запада, а другая (меньшая) течёт с юга. От места слияния их потянулись сплошные гари. Два раза мы переходили речку вброд и в конце концов снова очутились на правом берегу. Ещё дальше долина становится похожей на ущелье. Некоторые утёсы имеют весьма причудливые очертания. Они постепенно разрушаются и превращаются в осыпи. Иногда сорвавшаяся сверху глыба увлекает за собой другие камни. Тогда в долину свергается целый поток щебня и

поломанных сухостойных деревьев. Немудрёно, что удэгейцы боятся этих мест: здесь, по их мнению, обиталище злого духа. Мы шли с Дерсу и говорили об охоте. Вдруг он сделал мне знак, чтобы я остановился. Мы стали слушать. Издали доносился какой-то шум, похожий не то на подземный гул, не то на отдалённые раскаты грома.

— Водопад, — сказал Дерсу и указал рукой на реку. Я взглянул и увидел плывшую по воде пену.

Мы прибавили шагу и через полчаса действительно подошли к водопаду.

Из всех водопадов, которые мне приходилось видеть, Амагинский

водопад был самым красивым. Представьте себе узкий коридор, верхние края которого немного загнуты внутрь так, что вода идёт как бы в трубе. В одном месте труба эта обрывается.

Здесь образовался водопад высотой 8 метров. Однако верхние края коридора продолжаютя и далее. Из этого можно заключить, что первоначально водопад был ниже по течению, и если бы удалось определить, сколько вода стирает ложе водопада в течение года, то можно было бы сказать, когда он начал свою работу, сколько ему лет и сколько ещё осталось существовать на свете. Порода, сквозь которую

вода пробила себе дорогу, — бурокрасный глауконитовый песчаник с весьма плотным цементом. Цвет воды в массе изумрудный. При ярком солнечном освещении белая пена с зеленовато-синим цветом воды и с красно-бурыми скалами, по которым разрослись пёстрые лишайники и светло-зелёные мхи, создавала картину чрезвычайно эффектную. Под водопадом вода имеет вращательное движение. В течение многих лет она сточила породу по сторонам и образовала «исполиновый котёл». Я подошёл к краю обрыва, и мне показалось, что от массы падающей воды порой содрогается земля.

В это время обоняние моё уловило запах дыма. Я обернулся и увидел Дерсу, разжигающего костёр. Потом он начал развязывать котомку. Я думал, что он хочет остановиться на бивак, и стал убеждать его пройти ещё немного. Гольд соглашался со мной, но продолжал развязывать котомку. Он достал из неё кусок сахара, две спички, ломтик хлеба и листочек табаку. Всё это он взял в одну руку, в другую — маленький горящий уголёк и что-то стал говорить. Лицо его было серьёзно, глаза опущены в землю. Что именно он говорил, я не мог расслышать за шумом водопада. Потом он подошёл к обрыву и все бросил в воду.

— Что ты сделал? — спросил я его.

— Наша постоянно так, — отвечал он. — Его, — он указал на водопад, — все равно гром, черта гоняй.

Водопад и на меня произвёл жуткое и чарующее впечатление. Что-то в нём было живое, стихийное. Какое же впечатление он мог произвести на душу человека, который все считал живым и человекоподобным!

Дерсу молча начал укладывать свою котомку. Желая показать ему, что я разделяю его мысли, я взял то, что первое мне попало под руку, — кусок сухой рыбы и большую

головешку — и подошёл к водопаду.

Увидев, что я хочу бросить их в воду, Дерсу подбежал ко мне, махая руками; вид у него был встревоженный. Я понял, что он меня останавливает.

— Не надо, не надо, капитан! — говорил он испуганно и торопливо.

Я отдал ему головешку и юколу. Он бросил головешку в огонь, а юколу в лес. После этого он надел котомку, и мы пошли дальше. По дороге я стал расспрашивать его, почему он не хотел, чтобы я бросил в воду огонь и рыбу. Дерсу тотчас мне объяснил: в воду бросают только то, чего в ней нет, в лес можно бросать только то, чего нет на земле. Табак

можно бросать в воду, а рыбу на землю. В воду можно бросать немного огня — только один уголёк, но нельзя воду лить в огонь; также нельзя в воду бросать большую головешку, иначе рассердятся огонь и вода. Тогда я твёрдо решил более не вмешиваться в дела такого рода, чтобы нам обоим, как он выразился, не было худо.

Отойдя ещё с полкилометра, мы стали биваком.

Когда на другой день, 7 октября, я проснулся, Дерсу был уже на ногах. Должно быть, я спал очень долго, потому что котомка его была уже увязана и он терпеливо ожидал моего пробуждения.

— Отчего ты меня не разбудил? — спросил я его.

Он ответил, что сегодня мы пойдём на высокие горы и потому необходимо набраться побольше сил и выспаться как следует.

Перед выступлением я посмотрел на свой барометр: он показывал 458 метров. День обещал быть тихим и тёплым. Прямо от бивака мы начали восхождение на хребет Карту, главная ось которого располагается от северо-востока к юго-западу. Чем выше мы поднимались, тем больше перед нами раскрывался горизонт. Кругом, насколько хватало глаз, нигде не было леса: нигде ни одного деревца,

даже сухостойного. Чрезвычайно тоскливый вид имеют такие горы. С исчезновением лесов исчезло и подлесье, исчезли мхи; дожди смыли тонкий растительный слой земли и оголили материковую почву. Куда ни посмотришь — всюду одна и та же однообразная, тусклая картина: серые утёсы и серые осыпи. Хребет Карту — это безжизненная и безводная пустыня.

Первая сопка, на которую мы поднялись, имела высоту 900 метров. Отдохнув немного на её вершине, мы пошли дальше. Вторая гора почти такой же величины, но вследствие того, что перед нею мы спустились в седловину, она показалась гораздо

выше. На третьей вершине барометр показал 1016 метров.

Я взглянул на часы: обе стрелки показывали полдень. Значит, за три с половиной часа мы успели «взять» только три вершины, а главный хребет был ещё впереди.

Меня сильно мучила жажда. Вдруг я увидел бруснику; она была мороженая. Я начал её есть с жадностью. Дерсу смотрел на меня с любопытством.

— Как его фамилия? — спросил он, держа на ладони несколько ягод.

— Брусника, — отвечал я.

— Тебе понимай, — спросил он опять, — его можно кушать?

— Можно, — отвечал я. — Разве

ты не знаешь эту ягоду? Дерсу ответил, что видел её часто, но не знал, что она съедобна.

Местами брусники было так много, что целые площади казались как будто окрашенными в бордовый цвет. Подбирая ягоды, мы понемногу подвигались вперёд и незаметно поднялись на вершину, высота которой равнялась 1290 метрам. Здесь мы впервые ступили в снег, он был глубиной около 15 сантиметров.

По наблюдениям старообрядцев, первый снег на Сихотэ-Алине в 1907 году выпал 20 сентября, а на хребте Карту — 3 октября и уже более не таял. 7 октября снеговая линия опустилась до 900 метров над

уровнем моря.

Отсюда мы повернули к югу и стали взбираться на четвёртую высоту (1510 метров). Этот подъём был особенно трудным. Мы часто глотали снег, чтобы утолить мучившую нас жажду.

Хребет Карту с восточной стороны очень крут, с западной — пологий. Здесь можно наблюдать, как происходит разрушение гор. Сверху всё время сыплются мелкие камни; они постепенно засыпают долины, погребая под собой участки плодородной земли и молодую растительность. Таковы результаты лесных пожаров.

Как ни старались мы добраться в

этот день до самой высокой горы, нам сделать этого не удалось. С закатом солнца должен опять подуть холодный северо-западный ветер. Пора было подумать обиваке. Поэтому мы спустились немного с гребня и стали искать место для ночлега на западном склоне. Теперь у нас были три заботы: первая — найти воду, вторая — найти топливо и третья — найти защиту от ветра. Нам посчастливилось найти все это сразу в одном месте. В километре от седловины виднелся кедровый стланец. Мы забрались в самую середину его и устроились даже с некоторыми удобствами. Снег заменил нам воду. Среди живого

стланца было много сушняка. Мы с Дерсу натаскали побольше дров и развели жаркий огонь. С подветренной стороны мы натянули полотнище палатки, хвои наложили себе под бок, а сверху покрыли её козьими шкурками.

Ночь была лунная и холодная. Предположения Дерсу оправдались. Лишь только солнце скрылось за горизонтом, сразу подул резкий, холодный ветер. Он трепал ветви кедровых стланцев и раздувал пламя костра. Палатка парусила, и я очень боялся, чтобы её не сорвало со стоек. Полная луна ярко светила на землю; снег блестел и искрился. Голый хребет Карту имел теперь ещё более

пустынный вид.

Утомлённые дневным переходом, мы недолго сидели у огня и рано легли спать.

Утром, когда я проснулся, первое, что бросилось мне в глаза, был туман. Скоро всё разъяснилось — шёл снег. Хорошо, что мы ориентировались вчера, и потому сегодня с бивака могли ер-азу взять верное направление.

Напившись чаю с сухарями, мы опять стали подниматься, на хребет Карту. Теперь нам предстояло взобраться на самую высокую сопку, которую моряки называют Амагунскими гольцами. Потому ли, что мы были со свежими силами,

или снег нас принуждал торопиться, но только на эту гору мы взошли довольно скоро. Высота её равна 1660 метрам. Отсюда берёт начало река.

Кулумбе (по-удэгейски Куле); староверы измеряют её в 50— 60 километров. Течёт она по кривой так же, как и Амагу, но только в другую сторону, а именно к югу и юго-востоку. Когда мы спустились до 1200 метров, снег сменился дождём, что было весьма неприятно; но делать было нечего — приходилось терпеть.

Километров пять мы шли гарью и только тогда нашли живой лес, когда снизились до 680 метров. Это

была узкая полоса растительности около реки, состоящая преимущественно из берёзы, пихты и лиственницы.

К полудню дождь усилился. Осенний дождь — это не то, что летний дождь; легко можно простудиться. Мы сильно прозябли, и потому пришлось рано стать на бивак. Скоро нам удалось найти балаган из корья. Способ постройки его и кое-какие брошенные вещи указывали на то, что он был сделан корейцами. Оправив его немного, мы натаскали дров и принялись сушить одежду. Часа в четыре дня дождь прекратился. Тяжёлая завеса туч разорвалась, и мы увидели хребет

Карту, весь покрытый снегом.

Когда солнце скрылось за горизонтом, по всему западному небосклону широко разлилась багровая заря. Потом взошла луна; вокруг неё опять было густое матовое пятно и большой венец — верный признак, что завтра снова будет дождь.

Вечером я записывал свои наблюдения, а Дерсу жарил на вертеле сохатину. Во время ужина я бросил кусочек мяса в костёр. Увидев это, Дерсу поспешно вытащил его из огня и швырнул в сторону.

— Зачем бросаешь мясо в огонь? — спросил он меня недовольным тоном. — Как можно

его напрасно жечь! Наша завтра уехали, сюда другой люди ходи кушай. В огонь мясо бросай, его так пропади.

— Кто сюда другой придёт? — спросил я его в свою очередь.

— Как кто? — удивился он. — Енот ходи, барсук или ворона; ворона нет — мышь ходи, мышь нет — муравей ходи. В тайге много разный люди есть.

Мне стало ясно: Дерсу заботился не только о людях, но и о животных, хотя бы даже и о таких мелких, как муравей. Он любил тайгу с её обитателями и всячески заботился о ней.

Разговор наш перешёл на охоту,

на браконьеров, на лесные пожары.

Незаметно мы досидели с ним до полуночи. Наконец Дерсу начал дремать. Я закрыл свою тетрадь, завернулся в одеяло, лёг поближе к огню и скоро заснул. Ночью сквозь сон я слышал, как он поправлял огонь и прикрывал меня своей палаткой.

Глава четырнадцатая Тяжёлый переход

*Денудационная долина реки
Кулумбе. — Броды. — Скала
Мафа. — Упадок сил. —
Гололедица. — Лес, поваленный
бурею. — Лихорадка. — Кошмар. —*

Голод. — Берег моря. — Ван-Син-лаза. — Разочарование. — Миноносец «Грозный». — Спасение. — Возвращение на Амагу. — Отъезд А. И. Мерзлякова.

С рассветом опять ударил мороз; мокрая земля замёрзла так, что хрустела под ногами. От реки поднимался пар. Значит, температура воды была значительно выше температуры воздуха. Перед выступлением мы проверили свои продовольственные запасы. Хлеба у нас осталось ещё на двое суток. Это не особенно меня беспокоило. По моим соображениям, до моря было не особенно далеко, а там к скале

Ван-Син-лаза продовольствие должен принести удэхеец Сале со стрелками.

За ночь обувь наша просохла. Когда солнышко взошло, мы с Дерсу оделись и бодро пошли вперёд.

Более характерной денудационной долины, чем Кулумбе, я не видывал. Река, стеснённая горами, всё время извивается между утёсами. Можно подумать, что горные хребты здесь старались на каждом шагу создать препятствия для воды, но последняя взяла верх и силой проложила себе дорогу к морю.

Окрестные горы, можно сказать, совершенно оголены от древесной

растительности; лес растёт только около реки, окаймляя её по обеим сторонам, как бордюром. Преобладающие породы здесь лиственница, ель, берёза и ольха. Ближе к горам, на местах открытых, приютились: даурский шиповник, обыкновенная рябина, а около неё — каменная полынь с листвой, расположенной у основания стебля. С первого взгляда никто не угадал бы в ней родную сестру луговой полыни. В другом месте мы наткнулись на багульник и множество папоротников. У первого — лист ажурный, небольшой по размерам; второй вид имел буровато-зелёные листья с красноватым оттенком с

исподней стороны; у третьего — хотя лист и простой, но ему нельзя было отказать в изяществе.

По долине реки Кулумбе никакой тропы нет. Поэтому нам пришлось идти целиной. Не желая переходить реку вброд, мы пробовали было идти берегом, но скоро убедились, что это невозможно: первая же скала принудила нас перейти на другую сторону реки. Я хотел было переобуваться, но Дерсу посоветовал идти в мокрой обуви и согреваться усиленной ходьбой. Не прошли мы и полкилометра, как пришлось снова переходить на правый берег реки, потом на левый, затем опять на правый и т. д. Вода

была холодная; голени сильно ломило, точно их сжимали в тисках.

По сторонам высились крутые горы, они обрывались в долину утёсами. Обходить их было нельзя. Это отняло бы у нас много времени и затянуло бы путь лишних дня на четыре, что при ограниченности наших запасов продовольствия было совершенно нежелательно. Мы с Дерсу решили идти напрямик в надежде, что за утёсами будет открытая долина. Вскоре нам пришлось убедиться в противном: впереди опять были скалы, и опять пришлось переходить с одного берега на другой.

— Тьфу! — ворчал Дерсу. — Мы

идём — все равно выдры. Маленько по берегу ходи, посмотри, вода есть — ныряй, потом опять на берег и опять ныряй...

Сравнение было весьма удачное. Выдры именно так и ходят.

Или мы привыкли к воде, или солнце пригрело нас, а может быть, то и другое вместе, только броды стали казаться не такими уж страшными и вода не такой холодной. Я перестал ругаться, а Дерсу перестал ворчать. Вместо прямой линии наш путь изображал собой зигзаги. Так мы пробились до полудня, но под вечер попали в настоящее ущелье. Оно тянулось более чем на 400 метров. Пришлось

идти прямо по руслу реки. Иногда мы взбирались на отмель и грелись на солнце, а затем снова спускались в воду. Наконец я почувствовал, что устал.

День кончился, и в воздухе стало холодать. Тогда я предложил своему спутнику остановиться. В одном месте между утёсами был плоский берег, куда водой нанесло много плавника. Мы взобрались на него и первым делом развели большой костёр, а затем принялись готовить ужин.

Вечером я подсчитал броды. На протяжении 15 километров мы сделали 32 брода, не считая сплошного хода по ущелью. Ночью

небо опять затянуло тучами, а перед рассветом пошёл мелкий и частый дождь. Утром мы встали раньше обычного, поели немного, напились чаю и тронулись в путь. Первые 6 километров мы шли больше по воде, чем по суше.

В среднем течении Кулумбе очень извилиста. Она всё время жмётся к утёсам и у подножия их образует глубокие ямы. Во многих местах русло её завалено камнями и занесено буреломом. Можно представить себе, что здесь делается во время наводнений! Один раз я, другой раз Дерсу оборвались в ямы и вымокли как следует.

Наконец узкая и скалистая часть

долины была пройдена. Горы как будто стали отходить в стороны. Я обрадовался, полагая, что море недалеко, но Дерсу указал на какую-то птицу, которая, по его словам, живёт только в глухих лесах, вдали от моря. В справедливости его доводов я сейчас же убедился. Опять пошли броды, и, чем дальше, тем глубже. Раза два мы разжигали костры, главным образом для того, чтобы погреться. Часов в двенадцать дня мы были около большой скалы Мафа, что по-удэхейски значит «медведь». Действительно, своими формами она очень его напоминает и состоит из плотного песчаника с прослойками кварца и известкового шпата. У

подножия её шла свежепротоптанная тропа; она пересекала реку Кулумбе и направлялась на север. Дерсу за скалой нашёл бивак. По оставленным на нём следам он узнал, что здесь ночевал Мерзляков с командой, когда шёл с Такемы на Амагу.

Мы рассчитали, что если пойдём по тропе, то выйдем на реку Найну к корейцам, а если пойдём прямо, то придём на берег моря к скале Ван-Син-лаза. Путь на Найну нам был совершенно неизвестен, и к тому же мы совершенно не знали, сколько времени может занять этот переход. До моря же мы рассчитывали дойти если не сегодня,

то во всяком случае завтра к полудню.

Закусив остатками мяса, мы пошли далее. Часа в два дня мелкий дождь превратился в ливень. Это заставило нас остановиться раньше времени и искать спасения в палатке. Я страшно прозяб, руки мои заоченели, пальцы не гнулись, зубы выбивали дробь. Дрова, как на грех, попались сырые и плохо горели. Наконец всё было налажено. Тогда мы принялись сушить свою одежду. Я чувствовал упадок сил и озноб. Дерсу достал из котомки последний сухарь и советовал поесть. Но мне было не до еды. Напившись чаю, я лёг к огню, но никак не мог согреться.

Около полуночи дождь прекратился, но изморось продолжала падать на землю. Дерсу ночью не спал и всё время поддерживал костёр.

Часа в три утра в природе совершилось что-то необычайное. Небо вдруг сразу очистилось. Началось такое быстрое понижение температуры воздуха, что дождевая вода, не успевшая стечь с ветвей деревьев, замёрзла на них в виде сосулеч. Воздух стал чистым и прозрачным. Луна, посеребрённая лучами восходящего солнца, была такой ясной, точно она вымылась и приготовилась к празднику. Солнце взошло багровое и холодное.

Утром я встал с головной болью. По-прежнему чувствовался озноб и ломота в костях. Дерсу тоже жаловался на упадок сил. Есть было нечего, да и не хотелось. Мы выпили немного горячей воды и пошли.

Скоро нам опять пришлось лезть в воду. Сегодня она показалась мне особенно холодной. Выйдя на противоположный берег, мы долго не могли согреться. Но вот солнышко поднялось из-за гор и под его живительными лучами начал согреваться озябший воздух.

Как ни старались мы избежать бродов, нам не удалось от них отделаться. Но всё же заметно было, что они становились реже. Через

несколько километров река разбилась на протоки, между которыми образовались острова, поросшие тальниками. Тут было много рябчиков. Мы стреляли, но ни одного не могли убить: руки дрожали, не было сил прицеливаться как следует.

Понуро мы шли друг за другом и почти не говорили между собой.

Вдруг впереди показался какой-то просвет. Я думал, что это море. Но большое разочарование ждало нас, когда мы подошли поближе. Весь лес лежал на земле. Он был повален бурей в прошлом году. Это была та самая пурга, которая захватила нас 20, 21 и 22 октября при перевале

через Сихотэ-Алинь. Очевидно, центр тайфуна прошёл именно здесь.

Надо было обойти бурелом стороной или идти по островам, среди тальников. Не зная, какой длины и ширины будет площадь поваленного леса, мы предпочли последнее. Река сплошь была занесена плавником, и, следовательно, всюду можно было свободно перейти с одного берега на другой. Такой сплошной завал тянулся километров шесть, если не больше. Наше движение было довольно медленно. Мы часто останавливались и отдыхали. Но вот завалы кончились, и опять началась вода. Я насчитал ещё 23 брода, затем

сбился со счёта и шёл без разбора.

После полудня мы еле-еле тащили ноги. Я чувствовал себя совершенно разбитым; Дерсу тоже был болен. Один раз мы видели кабана, но нам было не до охоты. Сегодня мы рано стали на бивак.

Здесь я окончательно свалился с ног: меня трясла сильная лихорадка и почему-то опухли лицо, ноги и руки. Дерсу весь вечер работал один. Потом я впал в забытьё. Мне всё время грезилась какая-то тоненькая паутина. Она извивалась вокруг меня, постепенно становилась все толще и толще и, наконец, принимала чудовищные размеры. Мне казалось, что горный хребет

Карту движется с ужасающей быстротой и давит меня своей тяжестью. В ужасе я вскакивал и кричал. Хребет Карту сразу пропадал, и вместо него опять появлялась паутина, и опять она начинала увеличиваться, приобретая в то же время быстрое вращательное движение. Смутно я чувствовал у себя на голове холодную воду.

Сколько продолжалось такое состояние, не знаю. Когда я пришёл в себя, то увидел, что покрыт кожаной курткой гольда.

Был вечер; на небе блестели яркие звёзды. У огня сидел Дерсу; вид у него был изнурённый, усталый.

Оказалось, что в бреду я

провалился более 12 часов. Дерсу за это время не ложился спать и ухаживал за мною. Он клал мне на голову мокрую тряпку, а ноги грел у костра. Я попросил пить. Дерсу подал мне отвар какой-то травы противного сладковатого вкуса. Дерсу настаивал, чтобы я выпил его как можно больше. Затем мы легли спать вместе и, покрывшись одной палаткой, оба уснули.

Следующий день был 13 октября. Сон немного подкрепил Дерсу, но я чувствовал себя совершенно разбитым. Однако дневать здесь было нельзя. Продовольствия у нас не было ни крошки. Через силу мы поднялись и

пошли дальше вниз по реке.

Долина становилась все шире и шире. Буреломы и гарь остались позади; вместо ели, кедра и пихты чаще стали попадаться березняки, тальники и лиственницы, имеющие вид строевых деревьев.

Я шёл как пьяный. Дерсу тоже перемогал себя и еле-еле волочил ноги. Заметив впереди, с левой стороны, высокие утёсы, мы заблаговременно перешли на правый берег реки. Здесь Кулумбе сразу разбилась на восемь рукавов. Это в значительной степени облегчило нашу переправу. Дерсу всячески старался меня подбодрить. Иногда он принимался шутить, но по его лицу я

видел, что он тоже страдает.

— Каза, каза! (чайка), —
закричал он вдруг, указывая на белую
птицу, мелькавшую в воздухе. —
Море далеко нету.

И как бы в подтверждение его
слов из-за поворота с левой стороны
выглянула скала Ян-Тун-лаза — та
самая скала, которую мы видели
около устья Кулумбе, когда шли с
реки Такемы на Амагу. Надежда на
то, что близок конец нашим
страданиям, придала мне силы. Но
теперь опять предстояло
переправляться на левый берег
Кулумбе, которая текла здесь одним
руслом и имела быстрое течение.
Поперёк реки лежала длинная

лиственница. Она сильно качалась. Эта переправа отняла у нас много времени. Дерсу сначала перенёс через реку ружья и котомки, а затем помог переправиться мне.

Наконец мы подошли к скале Ян-Тун-лаза. Тут на опушке дубовой рощи мы немного отдохнули. До моря оставалось ещё километра полтора. Долина здесь делает крутой поворот к юго-востоку. Собрав остаток сил, мы поплелись дальше. Скоро дубняки стали редеть, и вот перед нами сверкнуло море.

Наш трудный путь был кончен. Сюда стрелки должны были доставить продовольствие, здесь мы могли оставаться на месте до тех

пор, пока окончательно не выздоровеем.

В 6 часов пополудни мы подошли к скале Ван-Син-лаза. Ещё более горькое разочарование ждало нас здесь: продовольствия не было. Мы обшарили все уголки, засматривали за бурелом, за большие камни, но нигде ничего не нашли. Оставалась ещё одна надежда: быть может, стрелки оставили продовольствие по ту сторону скалы Ван-Син-лаза. Гольд вызвался слазить туда. Поднявшись на её гребень, он увидел, что карниз, по которому идёт тропа, покрыт льдом. Дерсу не решился идти дальше. Сверху он осмотрел весь берег и

ничего там не заметил. Спустившись назад, он сообщил мне эту печальную весть и сейчас же постарался утешить.

— Ничего, капитан, — сказал он, — около моря можно всегда найти кушать.

Потом мы пошли к берегу и отворотили один камень. Из-под него выбежало множество мелких крабов. Они бросились врассыпную и проворно спрятались под другие камни. Мы стали ловить их руками и скоро собрали десятка два. Тут же мы нашли ещё двух протомоллюсков и около сотни раковин береговичков. После этого мы выбрали место для бивака и развели большой огонь.

Протомоллюсков и береговичков мы съели сырыми, а крабов сварили. Правда, это дало нам немного, но всё же первые приступы голода были утолены.

Зная исполнительность своих людей, я никак не мог понять, почему они не доставили продовольствия на указанное место. Завтра надо перейти через скалу Ван-Син-лаза и попытаться берегом дойти до корейцев на реке Найне.

Лихорадка моя прошла, но слабость ещё осталась. Дерсу хотел завтра рано утром сбегать на охоту и потому лёг спать пораньше. Я долго сидел у огня и грелся.

Ночь была ясная и холодная.

Звезды ярко горели на небе; мерцание их отражалось в воде. Кругом было тихо и безлюдно; не было слышно даже всплесков прибоя. Красный полумесяц взошёл поздно и задумчиво глядел на уснувшую землю. Высокие горы, беспредельный океан и глубокое тёмно-синее небо — всё было так величественно, грандиозно. Шёпот Дерсу вывел меня из задумчивости: он о чём-то бредил во сне.

Утомлённый тяжёлой дорогой, измученный лихорадкой, я лёг рядом с ним и уснул.

Чуть брезжило. Сумрак ночи ещё боролся с рассветом, но уже видно было, что он не в силах остановить

занимавшейся зари. Неясным светом освещала она тихое море и пустынный берег.

Наш костёр почти совсем угас. Я разбудил Дерсу, и мы оба принялись раздувать угли. В это время до слуха моего донеслись два каких-то отрывистых звука, похожие на вой.

— Это изюбр ревёт, — сказал я своему приятелю. — Иди поскорей: быть может, ты убьёшь его.

Дерсу стал молча собираться, но затем остановился, подумал немного и сказал:

— Нет, это не изюбр. Теперь его кричи не могу.

В это время звуки опять повторились, и мы ясно разобрали,

что исходят они со стороны моря. Они показались мне знакомыми, но я никак не мог припомнить, где раньше их слышал. Я сидел у огня спиною к морю, а Дерсу против меня. Вдруг он вскочил на ноги и, протянув руку, сказал:

— Смотри, капитан!

Я оглянулся и увидел миноносец «Грозный», выходящий из-за мыса.

Точно сговорившись, мы сделали в воздух два выстрела, затем бросились к огню и стали бросать в него водоросли. От костра поднялся белый дым. «Грозный» издал несколько пронзительных свистков и повернул в нашу сторону. Нас заметили... Сразу точно гора

свалилась с плеч. Мы оба повеселели.

Через несколько минут мы были на борту миноносца, где нас радушно встретил П. Г. Тигерстедт.

Оказалось, что он, возвращаясь с Шантарских островов, зашёл на Амагу и здесь узнал от А. И. Мерзлякова, что я ушёл в горы и должен выйти к морю где-нибудь около реки Кулумбе. Староверы ему рассказали, что удэхеец Сале и двое стрелков должны были доставить к скале Ван-Син-лаза продовольствие, но по пути во время бури лодку их разбило о камни, и всё то, что они везли с собой, утонуло. Они сейчас же вернулись обратно на Амагу,

чтобы с новыми запасами продовольствия пойти вторично нам навстречу. Тогда П. Г. Тигерстедт решил идти на поиски. Ночью он дошёл до Такемы и повернул обратно, а на рассвете подошёл к реке Кулумбе, подавая сиреной сигналы, которые я и принял за рёв изюбра.

П. Г. Тигерстедт взялся доставить меня к отряду. За обильным яствами столом и за стаканом чая мы и не заметили, как дошли до Амагу.

Здесь А. И. Мерзляков, ссылаясь на ревматизм, стал просить позволения уехать во Владивосток, на что я охотно согласился. Вместе с

ним я отпустил также стрелков Дьякова и Фокина и велел ему с запасами продовольствия и с тёплой одеждой выйти навстречу мне по реке Бикину.

Через час «Грозный» стал сниматься с якоря.

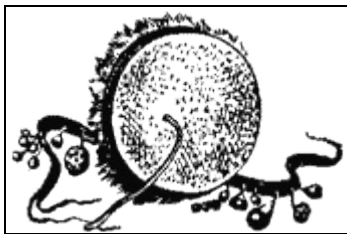
Моё прощание с моряками носило более чем дружеский характер. Стоя на берегу, я увидел на мостике миноносца командира судна. Он посылал мне приветствия, махая фуражкой. Когда «Грозный» отошёл настолько далеко, что нельзя уже было разобрать на нём людей, я вернулся в старообрядческую деревню.

Теперь в отряде осталось только

семь человек: я, Дерсу, Чжан Бао, Захаров, Аригин, Туртыгин и Сабитов. Последние не пожелали возвращаться во Владивосток и добровольно остались со мной до конца экспедиции. Это были самые преданные и самые лучшие люди в отряде.

Глава пятнадцатая

Низовья реки Кусун

Хребет Караминский. —

Зыбучий песок. — Река Соен. —

Мелкие горные ручьи. — Река

Витухэ. — Последние перелётные

птицы. — Летающие куры. —

Туземцы на реке Кусун. — Священное

дерево. — Жилище шамана. —

*Морской старшина. — Расставание
с Чжан Бао. — Выступление.*

Следующие пять дней я отдыхал и готовился к походу на север вдоль берега моря.

Приближалась зима. Голые скелеты деревьев имели безжизненный вид. Красивая летняя листва их, теперь пожелтевшая и побуревшая, в виде мусора валялась на земле. Куда девались те красочно-разнообразные тона, которыми ранней осенью так богата растительность в Уссурийском крае?

Кормить мулов становилось всё труднее и труднее, и я решил оставить их до весны у староверов.

20 октября, утром, мы тронулись в путь. Старообрядец Нефед Черепанов вызвался проводить нас до реки Соен. На этом пути в море впадает несколько мелких речек, имеющих только туземные названия. Это будут: Мэяку (по-китайски Михейзуйза), Найна, Калама, Гианкуни и Лоси.

Горный хребет, с которого они берут начало, называемый староверами Караминским, тянется параллельно берегу моря и является водоразделом между рекой Амагу и вышеперечисленными речками. Наивысшие точки Караминского хребта будут: Киганкуни, Лысуха, Водолей и Три Брата. Все они имеют

сглаженные контуры и состоят из мелафиров, базальтов и их туфов.

Растительность на горах как травяная, так и кустарниковая пышная; зато древесная, как и везде по морскому побережью, очень бедна. Редколесье состоит главным образом из лиственницы, ольхи, дуба, чёрной и белой берёзы.

С реки Амагу мы выступили довольно поздно, поэтому не могли уйти далеко и заночевали на реке Соен.

Река эта (по-удэхойски Суа или Соага) состоит из двух речек—Гага и Огоми, длиною каждая 7—8 километров, сливающихся в 1,5 километра от моря. Речка Гага имеет

три притока: справа — Нунги с притоком Дагдасу и Дуни, а слева — один только ключ Ада с перевалом на Кусун. Речка Огоми имеет два притока: Канходя и Цагдаму. Около устья Соен образует небольшую, но глубокую заводь, соединяющуюся с морем узкой протокой. Эта заводь и зыбучее болото рядом с ним — остатки бывшей ранее лагуны.

Когда мы подошли к реке, было уже около 2 часов пополудни. Со стороны моря дул сильный ветер. Волны с шумом бились о берег и с пеной разбегались по песку. От реки в море тянулась отмель. Я без опаски пошёл по ней и вдруг почувствовал тяжесть в ногах. Хотел было я

отступить назад, но, к ужасу своему, почувствовал, что не могу двинуться с места. Я медленно погружался в воду.

— Зыбучий песок! — закричал я не своим голосом и опёрся ружьём в землю, но и его стало засасывать.

Стрелки не поняли, в чём дело, и в недоумении смотрели на мои движения. Но в это время подошли Дерсу и Чжан Бао. Они бросились ко мне на помощь: Дерсу протянул сошки, а Чжан Бао стал бросать мне под ноги плавник. Ухватившись рукой за валежину, я высвободил сначала одну ногу, потом другую и не без труда выбрался на твёрдую землю.

Зыбуны на берегу моря, по словам Черепанова и Чжан Бао, явление довольно обычное. Морской прибой взрыхляет песок и делает его опасным для пешеходов. Когда же волнение успокаивается, тогда по нему свободно может пройти не только человек, но и лошадь с полным вьюком. Делать нечего, пришлось остановиться и в буквальном смысле ждать у моря погоды.

На реке Гага, как раз против притока Ада, в 5 километрах от моря, есть тёплый ключ. Окружающая его порода — диабаз. Здесь, собственно говоря, два ключа: горячий и холодный. Оба они имеют выходы на

дне небольшого водоёма, длина которого равна 2, ширина 5 и глубина 0,6 метра. Со дна с шипением выделяется сероводород. Температура воды $+28,1^{\circ}$; на поверхности земли, около резервуара, было -12° . Температура воздуха $+7,5^{\circ}$ С.

Ночью море успокоилось. Черепанов сказал правду: утром песок уплотнился так, что на нём даже не оставалось следов ног.

Около реки Соен Караминский хребет отходит несколько в глубь материка, постепенно повышаясь на север, а около моря выступает цепь холмов, отмытых водой вдоль оси их простираия.

Из мысов, с которыми у туземцев связаны какие-либо сказания, можно отметить два: Омулен-Гахани и Сутдэма-Оногони. Здесь морским прибоем в береговых утёсах выбило глубокие пещеры, порода обрушилась, и во многих местах образовались одиноко стоящие каменные столбы.

Километрах в 10 от реки Соен тропа оставляет берег и через небольшой перевал, состоящий из роговообманкового андезита, выходит к реке Витухэ — первому правому притоку Кусуна. Она течёт в направлении с юго-запада на северо-восток и по пути принимает в себя один только безымянный ключик.

Окрестные горы покрыты березняком, порослью дуба и сибирской пихтой.

Время стояло позднее, осеннее, но было ещё настолько тепло, что люди шли в одних фуфайках. По утрам бывали заморозки, но днём температура опять поднималась до — 4 и 5° С. Длинная и тёплая осень является отличительной чертой Зауссурийского края.

Несмотря на столь позднее время, в лесу ещё можно было видеть кое-где перелётных и неперелетных птиц. На полях, где паслись лошади староверов, в сухой траве копошились серые скворцы. Вид у них был весёлый, игривый. Далее, в

редколесье, я заметил большого пёстрого дятла — птицу, всюду распространённую и действительно пёструю. Тут же с места на место перелетали белобрюхие синицы. К ним присоединились и другие мелкие птицы, в числе которых я узнал белоголовую овсянку. По времени ей надлежало бы уже давно отлететь к югу, но, вероятно, в прибрежном районе вследствие длинной осени и запаздывания весны перелёты птиц также запаздывают. Попадались ещё какие-то пёстренькие птички с красными пятнами на голове, быть может чечётки. Столь раннее появление этой северной гостьи можно

объяснить тем, что в горах Зауссурийского края после лесных пожаров выросло много березняков, где она и находит для себя обильный корм. Вероятно, реки Амагу и Кусун будут южной границей её распространения в Зауссурийском крае. Эта розовая птичка держится в лесистых горных местах и ведёт скрытный образ жизни. Потом я увидел двух азиатских канюков. Эти проворные хищники всё время носились по воздуху и описывали большие круги. Завидев подходящих людей, они бросались нам навстречу и, испуская пронзительные крики, кружились над головами. На дереве, на берегу ручья, сидела

обыкновенная сорока. Я узнал её по чекотанию и чёрному с белым оперению. При приближении отряда она снялась с дерева и полетела неровно, распустив свой длинный хвост.

За перевалом тропа идёт по болотистой долине реки Витухэ. По пути она пересекает четыре сильно заболоченных распадка, поросших редкой лиственницей. На сухих местах царят дуб, липа и чёрная берёза с подлесьем из таволги вперемежку с даурской калиной. Тропинка привела нас к краю высокого обрыва. Это была древняя речная терраса. Редколесье и кустарники исчезли, и перед нами

развернулась широкая долина реки Кусун. Вдали виднелись китайские фанзы.

Когда после долгого пути вдруг перед глазами появляются жилые постройки, люди, лошади и собаки начинают идти бодрее. Спустившись с террасы мы прибавили шаг.

Собака моя бежала впереди и старательно осматривала кусты по сторонам дороги. Вскоре мы подошли к полям; хлеб был уже убран и сложен в зароды. Вдруг Альпа сделала стойку. «Неужели фазаны?» — подумал я и приготовил ружьё. Я заметил, что Альпа была в сильном смущении: она часто оглядывалась и как будто

спрашивала, продолжать работу или нет. Я подал знак — она осторожно двинулась вперёд, усиленно нюхая воздух. По стойкам её я видел, что тут были не фазаны, а кто-то другой. Вдруг с шумом поднялись сразу три птицы. Я стрелял и промахнулся. Полет птиц был какой-то тяжёлый: они часто махали крыльями и перед спуском на землю неловко спланировали. Я следил за ними глазами и видел, что они спустились во двор ближайшей к нам фанзы. Это оказались домашние куры. Так как туземцы их не кормят, то они вынуждены сами добывать себе корм на полях. Для этого им приходится уходить далеко от жилищ. Очевидно,

способность летать развилась у них постепенно вследствие постоянного упражнения. Будучи испуганы какими-либо животными, они должны были спасаться не только бегством, но и при помощи крыльев.

Куры и тропа привели нас к фанзе старика удэхейца Люрла. Семья его состояла из пяти мужчин и четырёх женщин.

Удэхейцы на реке Кусун сами огородничеством не занимаются, а нанимают для этого китайцев. Одеваются они наполовину по-китайски, наполовину по-своему, говорят по-китайски и только в том случае, если хотят посекретничать между собой, говорят на родном

языке. Женские костюмы отличаются пестротой вышивок, а на груди, подоле и рукавах украшаются ещё светлыми пуговицами, мелкими раковинами, бубенчиками и разными медными побрякушками, отчего всякое движение обладательниц их сопровождается шелестящим звоном.

Мне очень хотелось поближе познакомиться с кусунскими удэхейцами. Поэтому я, несмотря на усиленные приглашения китайцев, остановился у туземцев. Мне скоро удалось заручиться их доверием; они охотно отвечали на мои вопросы и всячески старались услужить. Особенно же они ухаживали за Дерсу.

Лет 40 назад удэheyцев в прибрежном районе было так много, что, как выражался сам Люрл, лебеди, пока летели от реки Самарги до залива Ольги, от дыма, который поднимался от их юрт, из белых становились чёрными. Больше всего удэheyцев жило на реках Тадушу и Тетюхе. На Кусуне было 22 юрты, на Амагу только 3 и на Такеме—18. Тогда граница обитания их спускалась до реки Судзухе и к западу от неё.

Как и везде, кусунские удэheyцы находились в неоплатных долгах у китайцев. Первобытная честность их теперь стала падать. Они не говорили, сколько поймали соболей:

худших отдавали кредиторам, а лучших оставляли у себя и потом торговали ими тихонько где-нибудь на стороне. Такой обман являлся единственным средством борьбы с китайцами, немилосердно их эксплуатировавшими. Затем они старались набрать в кредит как можно больше в расчёте, что кредитор, опасаясь совсем потерять долг, согласится на уступки и сделает скидку. Иногда это им удавалось, но иногда китайцы выходили из терпения и жестоко расправлялись со своими должниками.

Следующий день я посвятил осмотру окрестностей.

Река Кусун (по-китайски Кусун-

гоу, по-удэхайски Куй или Кути) впадает в море немного севернее мыса Максимова. Между устьем Витухэ и устьем Кусуна образовалась длинная заводь, отделённая от моря валом из гальки и песка шириной 80 метров. Обыкновенно в этой заводи отстаиваются китайские лодки, застигнутые непогодой в море. Раньше здесь также скрывались хищнические японские рыбалки. Несомненно, нижняя часть долины Кусуна раньше была тоже лагуной, как и в других местах побережья, о чём уже неоднократно говорилось.

Река Кусун придерживается левой стороны долины. Она идёт одним руслом, образуя по сторонам

много сухих рукавов, играющих роль водоотводных каналов, отчего долина Кусуна в дождливое время года не затопляется водой. По показаниям удэгейцев, за последние 30 лет здесь не было ни одного наводнения.

Левый, возвышенный, террасообразный берег реки имеет высоту около 30 метров и состоит из белой глины, в массе которой можно усмотреть блёстки колчедана. Где-то в горах удэгейцы добывают довольно крупные куски обсидиана. Растительность в низовьях Кусуна довольно невзрачная и однообразная. Около реки, на островах и по сухим протокам — густые заросли тальников, имеющих вид высоких

пирамидальных тополей, с ветвями, поднимающимися кверху чуть ли не от самого корня. Среди них попадает осина, немало ольхи.

Все удобные земли располагаются с правой стороны реки, где почва весьма плодородная и состоит из ила и чернозёма с прослойками гальки и песка, вследствие чего травы развиваются весьма пышно, в особенности тростники, достигающие 2,5—3 метров высоты. В сообществе с ними, а иногда отдельно, целыми площадями растёт обыкновенная полынь, а около реки, на галечниковых и песчаных наносах — другая полынь, с ветвистым высоким

стеблем и с густой, пышной метёлкой. Тут было много и ещё каких-то злаков и цветковых растений, но все они настолько завяли, что определить их по внешнему виду даже приблизительно было нельзя. Дальнейший сбор гербарного материала не имел смысла.

Кусунские тазы-удэхейцы находились в переходном состоянии от охотничьего образа жизни к земледельческому. Вследствие отдалённости влияние китайцев сказалось на них неглубоко. Поэтому здесь мне удалось увидеть много того, чего нет на юге Уссурийского края. Так, например, в одном месте,

около глубокого пруда, стояло фигурное дерево «Тхун». Оно всё было покрыто резьбой, а на главных ветвях его были укреплены идола, изображающие людей, птиц и животных. Это место запретное: здесь обитает злой дух Огзо. История дерева такова. Несколько лет назад около пруда поселилась семья удэгейцев, состоящая из трёх мужчин, трёх женщин и семерых детей. Однажды ночью один из братьев, выйдя из фанзы, слышал всплески воды в пруде и чьё-то сопение. Подойдя поближе, он увидел какое-то большое животное, похожее на сивуча. Пруд не сообщался ни с рекой, ни с морем. В

страхе удэхеец убежал домой. Тогда все решили, что это был черт.

Спустя немного времени один за другим начали умирать дети. Позвали шамана. В конце второго дня камлания он указал место, где надо поставить фигурное дерево, но и это не помогло. Смерть уносила одного человека за другим. Очевидно, черт поселился в самом жилище. Оставалось последнее средство — уступить ему фанзу. Так и сделали. Забрав все имущество, они перекочевали на реку Уленгоу.

В одном километре от фигурного дерева находилось жилище шамана. Я сразу узнал его по обстановке. Около тропы стояли

четыре кола с грубыми изображениями человеческих лиц. Это «цзайгда» — охраняющие дорогу. У них на головах ножи, которыми и поражают черта. На деревьях красовались медвежьи черепа и деревянные бурханы. Тут же стояли древесные пни, вкопанные в землю острыми концами и корнями кверху. На них тоже были сделаны грубые изображения человеческих лиц. Против самого входа в жилище стоял большой деревянный идол Мангани-Севохи с мечом и копьём в руках, а рядом с ним — две оголённые от сучьев лиственницы с корой, снятой кольцами.

Внутреннее устройство фанзы

ничем не отличалось от фанз прочих туземцев. На стене висел бубен с колотушкой, пояс с погремушками, шаманская юбка с рисунками и деревянная маска, отороченная мехом медведя. Шаман надевает её во время камлания для того, чтобы страшным видом запугать черта.

От старика Люрла я узнал, что в прибрежном районе Кусун будет самой южной рекой, по которой можно перевалить на Бикин, а самой северной — река Един (мыс Гладкий). По этой последней можно выйти и на Бикин и на Хор, смотря по тому, по какому из двух верхних притоков идти к перевалу. Он также сообщил мне, что в прибрежном

районе Зауссурийского края осень всегда длинная и ледостав наступает на месяц, а иногда и на полтора позже, чем к западу от водораздела. Поэтому я решил идти по берегу моря до тех пор, пока не станут реки, и только тогда направиться к Сихотэ-Алиню.

На заводах Кусуна мы застали старого лодочника маньчжура Хей-ба-тоу, что в переводе значит «морской старшина». Это был опытный мореход, плавающий вдоль берегов Уссурийского края с малых лет. Отец его занимался морскими промыслами и с детства приучил сына к морю. Раньше он плавал у берегов Южно-Уссурийского края, но

в последние годы под давлением русских перекочевал на север.

Хей-ба-тоу хотел ещё один раз сходить на реку Самаргу и вернуться обратно. Чжан-Бао уговорил его сопровождать нас вдоль берега моря. Решено было, что завтра удэхейцы доставят наши вещи к устью Кусуна и с вечера перегрузят их в лодку Хей-ба-тоу.

Когда мы вернулись назад, были уже глубокие сумерки. В фанзах засветились огоньки. В наш дом собрались почти все китайцы и удэхейцы. Было людно и тесно. Дерсу сообщил мне, что «все люди» собрались чествовать экспедицию за то, что мы отнеслись к ним

дружелюбно. Китайцы принесли водку, свинину, муку, овощи и устроили ужин.

Я не дождался конца пирушки и рано лёг спать. Ночью сквозь щели в дверях я видел свет и слышал людские голоса, но пьянства, ссор и ругани не было. Китайцы мирно разговаривали и рассуждали о грядущих событиях.

Утром на другой день я поднялся рано и тотчас же стал собираться в дорогу. Я по опыту знал, что если удэхайцев не торопить, то они долго не соберутся. Так и случилось. Удэхайцы сперва чинили обувь, потом исправляли лодки, и выступить нам удалось только около

полудня.

На Кусуне нам пришлось расстаться с Чжан Бао. Обстоятельства требовали его возвращения на реку Санхобе. Он не захотел взять с меня денег и обещал помочь, если на будущий год я снова приду в прибрежный район. Мы пожали друг другу руки и расстались друзьями.

Переправившись через Кусун, мы поднялись на террасу и пошли к морю. Эта часть, побережья до самой реки Тахобе состоит из туфов и базальтовой лавы. Первые под влиянием пресной воды и лучей солнца приняли весьма красивую, пёструю окраску.

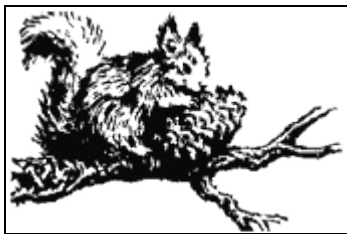
Утром был довольно сильный мороз (-10°C), но с восходом солнца температура стала повышаться и к часу дня достигла $+3^{\circ}\text{C}$. Осень на берегу моря именно тем и отличается, что днём настолько тепло, что смело можно идти в одних рубашках, к вечеру приходится надевать фуфайки, а ночью — завёртываться в меховые одеяла. Поэтому я распорядился всю тёплую одежду отправить морем на лодке, а с собой мы несли только запас продовольствия и оружие. Хей-ба-тоу с лодкой должен был прийти к устью реки Тахобе и там нас ожидать.

От Кусуна до Тахобе — 7

километров. На этом протяжении в море впадает несколько горных ручьёв, которые удэгейцы называют Догум, Тохонкси, Сюнды, Ампо и Диенсу.

Глава шестнадцатая

Солоны

*Река Тахобе. — Обиженная
белка. — Обиталище черта. — Гроза
со снегом. — Агды. — Лакомство
солона. — Снежный перевал. —
Стойкость туземцев к холоду. —
Река Кумуху. — Лоси. —
Возвращение к морю.*

Устье Тахобе находится между мысами Максимова и Олимпиады. Раньше оно было у левого края долины, но потом переместилось, вследствие чего образовался слепой рукав, впоследствии превратившийся в болото.

В низовьях долина Тахобе покрыта редколесьем из вяза, липы, дуба и чёрной берёзы. Места открытые, чистые и годные для поселений находятся немного выше, в 2 километрах от моря.

Тут мы нашли маленькую фанзочку. Обитателей её я принял сначала за удэгейцев и только вечером узнал, что это были солоны.

Наши новые знакомые по внешнему виду мало чем отличались от уссурийских туземцев. Они показались мне как будто немного ниже ростом и шире в костях. Кроме того, они более подвижны и более экспансивны. Говорили они по-китайски и затем на каком-то наречии, составляющем смесь солонского языка с гольдским. Одежда их тоже ничем не отличалась от удэгейской, разве только меньше было пестроты и орнаментов.

Вся семья солонов состояла из десяти человек: старика отца, двух взрослых сыновей с жёнами и пятерых малых детей.

Как попали они сюда из

Маньчжурии? Из расспросов выяснилось следующее. Раньше они жили на реке Сунгари, откуда ради охоты переселились на реку Нор, впадающую в Уссури. Когда там появились многочисленные шайки хунхузов, китайское правительство выслало против них свои войска. Семья солонов попала в положение между двух огней; с одной стороны на них нападали хунхузы, а с другой — правительственные войска, которые избивали всех без разбору. Тогда солоньки бежали на Бикин, затем перекочевали через Сихотэ-Алинь и остались на берегу моря.

Следующие четыре дня были посвящены осмотру рек Тахобе и

Кумуху. Сопровождать нас вызвался младший из солонов, Да Парл. Это был молодой человек крепкого телосложения, без усов и бороды. Он держал себя гордо и свысока посматривал на стрелков. Я невольно обратил внимание на лёгкость его походки, ловкость и изящество движений.

Дня через два мы выступили в поход.

Река Тахобе длиной около 68 километров и имеет течение с запада на восток, с небольшим склонением к югу. По обе стороны её на ширину до 200 метров тянутся полосы гальки, заваленной корчами и буреломом.

24-го числа мы дошли до реки Бали, а 25-го стали подходить к водоразделу. Горы утратили свои резкие очертания. Места их заняли невысокие сопки с пологими склонами.

В 1907 году в прибрежном районе был урожай кедровых орехов, но к западу от Сихотэ-Алиня их не было вовсе. Зато желудей много уродилось в бассейне Уссури, и, наоборот, в Зауссурийском крае дуб был пустоцветным.

Мы шли по левому берегу реки. Я, Дерсу и Да Перл впереди, а Захаров и Аригин шагах в 15 сзади. Вдруг впереди, на валежнике, показалась белка. Она сидела на

задних лапках и, заложив хвостик на спинку, грызла кедровую шишку. При нашем приближении белка схватила свою добычу и бросилась на дерево. Оттуда, сверху, она с любопытством посматривала на людей. Солон тихонько подкрался к кедру, крикнул и изо всей силы ударил по стволу палкой. Белка испугалась, выронила свою добычу и забралась ещё выше. Этого только и надо было солону. Он поднял шишку и, нимало не обращая внимания на обиженного зверька, пошёл дальше. Белка прыгала с ветки на ветку и фырканием выражала неудовольствие за грабёж среди бела дня. Мы от души смеялись. Дерсу способа этого не знал и в будущем

для добычи орехов решил тоже применять солонские приёмы.

— Тебе сердись не надо, — сказал он, обращаясь с утешениями к белке. — Наша внизу ходи, как орехи найди? Тебе туда смотри, там много орехов есть. — Он указал рукой на большой кедр; белка словно поняла его и направилась в ту сторону.

Кстати, два слова о маньчжурской белке. Этот представитель грызунов имеет удлинённое тело и длинный пушистый хвост. Небольшая красивая головка его украшена большими чёрными глазами и небольшими закруглёнными ушами, оканчивающимися пучком длинных

чёрных волос, расположенных веерообразно. Общая окраска белки пепельно-серая, хвост и голова чёрные, брюшко белое. Изредка встречаются отдельные экземпляры с жёлтыми подпалинами.

Белка — животное то оседлое, то кочевое, смотря по тому, изобилует ли избранный ею для поселения район пищею. Она заблаговременно усматривает, в чём будет недород и в чём избыток, и заранее перекочёвывает то в дубняк, то в кедровники или лиственные леса с подлесьем из орешника. Весь день она пребывает в движении и даже в ненастную погоду выходит из своего гнезда пробежаться по дереву.

Она, можно сказать, положительно не выносит покоя и только, в темноте лежит на боку, свернувшись и закинув хвост на голову. Чуть свет — белка уже на ногах. Кажется, движение ей так же необходимо, как вода, пища и воздух.

Лет 20 назад беличья шкурка стоила 20 копеек. По мере спроса на её мех цена на него возрастала и ныне доходит до 3 рублей за штуку.

Главными врагами белки являются куница, соболь и человек.

Весь день в воздухе стояла мгла; небо затянуто паутиной слоистоперистых облаков; вокруг солнца появились «венцы»; они суживались всё более и более и наконец слились

в одно матовое пятно. В лесу было тихо, а по вершинам деревьев уже разгуливал ветер.

Это, видимо, беспокоило Дерсу и солона. Они что-то говорили друг другу и часто поглядывали на небо.

— Плохо, — сказал я, — ветер начинает дуть с юга.

— Нет, — протянул Дерсу. — Его так ходи. — И он указал на северо-восток.

Мне показалось, что он ошибся, и я начал было возражать.

— Посмотри на птицу! — воскликнул Дерсу. — Видишь, она на ветер смотрит.

Действительно, на одной из елей сидела ворона головой к северо-

востоку. Это было самое выгодное для неё положение, при котором ветер скользил по перу. Наоборот, если бы она села боком или задом к ветру, то холодный воздух проникал бы под перо и она стала бы зябнуть.

К вечеру небо покрылось тучами, излучение тепла от земли уменьшилось и температура воздуха повысилась с -2 до $+10^{\circ}\text{C}$. Это был тоже неблагоприятный признак. На всякий случай мы прочно поставили палатки и натаскали побольше дров.

Но опасения наши оказались напрасными: ночь прошла благополучно.

Утром, когда я проснулся, то прежде всего взглянул на небо. Тучи

на нём лежали параллельными полосами в направлении с севера на юг.

Мешкать нельзя было. Мы проворно собрали свои котомки и пошли вверх по реке Тахобе. Я рассчитывал в этот день добраться до Сихотэ-Алиня, но вследствие непогоды этого нам сделать не удалось.

Около полудня в воздухе вновь появилась густая мгла. Горы сделались тёмно-синими и угрюмыми. Часа в четыре хлынул дождь, а вслед за ним пошёл снег, мокрый и густой. Тропинка сразу забелела; теперь её можно было далеко проследить среди зарослей и

бурелома. Ветер сделался резким и порывистым.

Надо было остановиться на бивак. Недалеко от реки, с правой стороны, высилась одинокая скала, похожая на развалины замка с башнями по углам. У подножия её рос мелкий березняк. Место это мне показалось удобным, и я подал знак к остановке.

Стрелки принялись таскать дрова, а солон пошёл в лес за сошками для палатки. Через минуту я увидел его бегущим назад. Отойдя от скалы шагов сто, он остановился и посмотрел наверх, потом отбежал ещё немного и, возвратившись на бивак, что-то тревожно стал

рассказывать Дерсу. Гольд тоже посмотрел на скалу, плюнул и бросил топор на землю.

После этого оба они пришли ко мне и стали просить, чтобы я переменял место бивака. На вопрос, какая тому причина, солон сказал, что, когда под утёсом он стал рубить дерево, сверху в него черт два раза бросил камнями. Дерсу и солон так убедительно просили меня уйти отсюда и на лицах у них написано было столько тревоги, что я уступил им и приказал перенести палатки вниз по реке метров на 400. Тут мы нашли место ещё более удобное, чем первое.

Дружно все принялись за

работу: натаскали дров и развели большие костры. Дерсу и солон долго трудились над устройством какой-то изгороди. Они рубили деревья, втыкали в землю и подпирали сошками. На изгородь они не пожалели даже своих одеял.

На задаваемые вопросы Дерсу ответил мне, что изгородь эту они сделали для того, чтобы черт со скал не мог видеть, что делается на биваке. Мне стало смешно, но я не высказывал этого, чтобы не обидеть старого приятеля.

Мои стрелки расположились рядом и мало думали о том, смотрит на них черт с сопки или нет. Они больше интересовались ужином.

Вечером непогода ухудшилась. Люди забились в палатки и согревались горячим чаем. Часов в 11 вечера вдруг густо повалил снег, и вслед за тем что-то сверкнуло на небе.

— Молния! — воскликнули стрелки в один голос.

Не успел я им ответить, как послышался резкий удар грома.

Эта гроза со снегом продолжалась до 2 часов ночи. Молнии сверкали часто и имели красный оттенок. Раскаты грома были могучие и широкие; чувствовалось, как от них содрогались земля и воздух.

Явление грозы со снегом было

так ново и необычно, что все с любопытством посматривали на небо, но небо было тёмное, и только при вспышках молнии можно было рассмотреть тяжёлые тучи, двигавшиеся в юго-западном направлении.

Один удар грома был особенно оглушителен. Молния ударила как раз в той стороне, где находилась скалистая сопка. К удару грома примешался ещё какой-то сильный шум: произошёл обвал. Надо было видеть, в какое волнение пришёл солон! Он решил, что черт сердится и ломает сопку.

Он развёл ещё один огонь и спрятался за изгородь. Я взглянул на

Дерсу. Он был смущён, удивлён и даже испуган: черт на скале, бросивший камнями, гроза со снегом и обвал в горах — все это перемешалось у него в голове и, казалось, имело связь друг с другом.

— Эндули^[35] черта гоняй! — сказал он довольным голосом и затем что-то неожиданно стал говорить солону.

Между тем гроза стала удаляться, но молнии ещё долго вспыхивали на небе, отражаясь широким пламенем на горизонте, и тогда особенно отчётливо можно было рассмотреть контуры отдалённых гор и тяжёлые дождевые тучи, сыпавшие дождём вперемежку

со снегом.

Издали долго ещё доносились глухие раскаты грома, от которых вздрагивали земля и воздух...

Напившись чаю, стрелки легли спать, а я долго ещё сидел с Дерсу у огня и расспрашивал о чертях и о грозе со снегом. Он мне охотно отвечал.

— Гром — это Агды. Когда черт долго держится в одном месте, то бог Эндули посылает грозу, и Агды гонит черта. Значит, там, где разразилась гроза, был черт. После ухода черта (то есть после грозы) кругом воцаряется спокойствие: животные, птицы, рыбы, травы и насекомые тоже понимают, что черт ушёл, и

становятся жизнерадостными,
весёлыми...

О грозе со снегом он сказал, что раньше гром и молния были только летом, зимние же грозы принесли с собой русские. Эта гроза была третья, которую он помнил за всю свою жизнь.

За разговором незаметно
прошло время.

Начинался рассвет... Из темноты стали выступать сопки, покрытые лесом, Чёртова скала и кусты, склонившиеся над рекой. Всё предвещало пасмурную погоду... Но вдруг неожиданно на востоке, позади гор, появилась багровая заря, окрасившая в пурпур хмурое небо. В

ЭТОМ золотисто-розовом сиянии отчётливо стал виден каждый куст и каждый сучок на дереве. Я смотрел как очарованный на светлую игру лучей восходящего солнца.

— Ну, старина, пора и нам соснуть часок, — обратился я к своему спутнику, но Дерсу уже спал, прислонившись к валежине, лежащей на земле около костра.

На другой день мы все проспали и встали очень поздно.

По небу все ещё ползли тучи, но они не имели уже такого страшного вида, как ночью.

Закусив немного и напившись чаю, мы прошли опять вверх по реке Тахобе, которая должна была

привести нас к Сихотэ-Алиню. От места нашего бивака до главного хребта был ещё один переход. По словам солона, перевал этот невысок.

По ту сторону его будет река Мыхе (приток Бикина); она течёт вдоль Сихотэ-Алиня, Я не пошёл туда, а повернул вправо по ключику Ада, чтобы выйти в один из верхних притоков соседней реки Кумуху, намереваясь по ней спуститься к морю. В сумерки мы немного не дошли до водораздела и стали биваком в густом лесу.

Вечером солон убил белку. Он снял с неё шкурку, затем насадил её на вертел и стал жарить, для чего

палочку воткнул в землю около огня. Потом он взял беличий желудок и положил его на угли. Когда он зарумянился, солон с аппетитом стал есть его содержимое. Стрелки начали плевать, но это мало смущало солона. Он сказал, что белка — животное чистое, что она ест только орехи да грибки, и предлагал отведать этого лакомого блюда. Все отказались...

В это время Аринин стал поправлять огонь и задел белку. Она упала. Стрелок поставил её на прежнее место, но не так, как раньше, а головой вниз. Солон засуетился и быстро повернул её головой кверху. При этом он сказал,

что жарить белку можно только таким образом, иначе она обидится и охотнику не будет удачи, а рыбу, наоборот, надо ставить к огню всегда головой вниз, а хвостом кверху.

28-го числа день был такой же пасмурный, как и накануне. Ручьи ещё шумели в горах, но и они уже начали испытывать на себе заморозки. По воде всюду плыла шуга, появились забереги, кое-где стал образовываться донный лёд.

Сразу от бивака начинался подъём. Чем выше мы взбирались в гору, тем больше было снега. На самом перевале он был по колено. Тёмно-зелёный хвойный лес оделся в белый убор и от этого имел

праздничный вид. Отяжелевшие от снега ветви елей пригнулись книзу и в таком напряжении находились до тех пор, пока случайно упавшая сверху веточка или еловая шишка не стряхивала пышные белые комья, обдавая проходящих мимо людей холодной снежной пылью.

Являлось полное впечатление зимы. В лесу царила удивительная тишина.

По барометрическим измерениям высота перевала над уровнем моря оказалась равной 880 метрам.

Солон торопил. Он говорил, что скоро должен подуть северо-западный ветер и будет беда, если

здесь нас застанет непогода.

Пурга в горах — обычное явление, если вслед за свежавыпавшим снегом поднимается ветер. Признаки этого ветра уже налицо: тучи быстро бежали к востоку; они стали тоньше, прозрачнее, и уже можно было указать место, где находится солнце.

Я послушался совета солона и пошёл скорее.

Спуск с перевала к реке Кумуху был такой же крутой, как и подъем со стороны Тахобе.

Лес, покрывающий северный склон водораздела между бассейнами обеих упомянутых рек, — хвойно-смешанный,

угрюмый, заваленный колодником.

Предсказания солона сбылись. Когда мы были внизу, в горах слышался шум, который постепенно усиливался и спускался в долину. Я оглянулся назад: снежные сопки курились — начиналась пурга.

Маленький ключик привёл нас к каменистой, заваленной колодником речке Цаони, впадающей в Кумуху с правой стороны. После полуденного привала мы выбрались из бурелома и к вечеру достигли реки Кумуху, которая здесь шириной немного превосходит Цаони и мало отличается от неё по характеру. Ширина, её в верховьях не более 4—

5 метров. Если отсюда идти по ней вверх, к Сихотэ-Алиню, то перевал опять будет на реке Мыхе, но уже в самых её истоках. От устья Цаони до Сихотэ-Алиня туземцы считают один день пути.

Бивак мы устроили, как всегда, на берегу реки.

К вечеру небо очистилось от туч, и ночь обещала быть холодной. Я понадеялся на одеяло и лёг в стороне от огня, уступив своё место солону, у которого одежонка была очень плохая. Часа в три утра я проснулся оттого, что озяб. Как ни старался я укрыться плотнее, ничего не помогало: холодный воздух находил себе лазейку и сквозил то в плечо, то

в ноги. Пришлось встать.

Кругом было темно: огонь наш погас. Я собрал тлеющие головешки и стал их раздувать. Через минуту вспыхнуло пламя, и кругом всё стало видно: Захаров и Аригин лежали под защитой палатки, а Дерсу спал сидя, одетый.

Собирая дрова, я увидел совсем в стороне, далеко от костра, спавшего солон. Ни одеяла, ни тёплой одежды у него не было. Он лежал на ельнике, покрывшись только одним своим матерчатым кафтаном. Опасаясь, как бы он не простудился, я стал трясти его за плечо, но солон спал так крепко, что я насилу его добудился.

Да Парл поднялся, почесал голову, зевнул, затем лёг опять на прежнее место и громко захрапел.

Удэheyцы с удивительной стойкостью переносят холод. К этому они привыкают с детства, с того момента, как первый раз вдохнут в себя воздух.

Я погрелся немного у огня, затем залез к стрелкам в палатку и тогда хорошо заснул.

На другое утро мы все поднялись очень рано. Взятые с собой запасы продовольствия подходили к концу, и потому надо было торопиться. Наш утренний завтрак состоял из жареной белки, остатков лепёшки, испечённой в золе, и кружки

горячего чая.

Когда мы выступили в путь, солнышко только всходило. Светлое и лучезарное, оно поднялось из-за леса и яркими лучами осветило вершины гор, покрытые снегом.

Река Кумуху (по-удэгейски Кумму), названная русскими рекой Кузнецова, берёт начало с хребта Сихотэ-Алинь, течёт в широтном направлении, только в нижней своей части склоняется к югу и в море впадает около мыса Олимпиады ($46^{\circ}12,5'$ с. ш. и $138^{\circ}20,0'$ в. д. от Гринвича). По пути Кумуху принимает в себя следующие притоки: с левой стороны — реки Яаса 1-я, Яаса 2-я, Усмага, Тапку,

Ного, Тагды, Хандями, Дыонго, а с правой — кроме Цыгони, по которой мы пришли, ещё Лиго, Цаолосо, Бутыче и Амурта. Из них самая быстрая Лиго, а самая спокойная Тагды. С последней будет перевал на реку Сваин, впадающую в море севернее реки Кузнецова.

Удэхейцы в лодках поднимаются до реки Тагды; дальше движение вверх по Кумуху возможно только по льду реки на нартах. В средней части её, в особенности с левой стороны, между реками Тагды и Яаса, видны следы давнишних пожарищ. Как и везде, наиболее выгорели леса по хребтам и сохранились только в долинах.

Река Кумуху интересна ещё и в том отношении, что здесь происходят как раз стыки двух флор — маньчжурской и охотской. Проводниками первой служат долины, второй — горные хребты. Создаётся впечатление, будто одна флора клином входит в другую. Теперь, когда листва опала, сверху, с гор, было хорошо видно, где кончаются лиственные леса и начинаются хвойные. Долины кажутся серыми, а хребты — тёмно-зелёными.

Здесь среди кустарниковой растительности ещё можно видеть кое-каких представителей маньчжурской флоры, например:

лещину, у которой обёртка орехов вытянута в длинную трубку и густо усажена колючими волосками; красноватистый шиповник с сильно удлинёнными плодиками, сохраняющимися на ветках его чуть ли не всю зиму; калину, дающую в изобилии сочные светло-красные плоды; из касатиковых — вьющуюся диоскорею, мужские и женские экземпляры которой разнятся между собой; актинидию, образующую густые заросли по подлесью, и лимонник с гроздьями красных ягод, от которых во рту остаётся лёгкий ожог, как от перца.

В среднем течении Кумуху имеет метров 20 ширины и около одного

метра глубины по фарватеру. Средняя скорость течения равна 8 километрам в час в малую воду. По словам туземцев, недалеко от моря есть выходы углей на дневную поверхность.

Как мы ни старались, но в этот день нам удалось дойти только до реки Тагды. До моря оставалось ещё километров 20.

Когда намеченный маршрут близится к концу, то всегда торопишься: хочется скорее закончить путь. В сущности, дойдя до моря, мы ничего не выигрывали. От устья Кумуху мы опять пойдём по какой-нибудь реке в горы; так же будем устраивать биваки, ставить

палатки и таскать дрова на ночь; но всё же в конце намеченного маршрута всегда есть что-то особенно привлекательное. Поэтому все рано легли спать, чтобы пораньше встать.

На другой день, чуть только заалел восток, все поднялись как по команде и стали собираться в дорогу. Я взял полотенце и пошёл к реке мыться.

Природа находилась ещё в том состоянии покоя, когда все дремлет и наслаждается предрассветным отдыхом. От реки поднимались холодные испарения; на землю пала обильная роса... Но вот слабый утренний ветерок пробежал по лесу.

Туман тотчас пришёл в движение, и показался противоположный берег.

На биваке стало тихо: люди начали подкреплять себя пищей. Вдруг до слуха моего донеслось брэнчание гальки: кто-то шёл по камням. Я оглянулся и увидел две тени: одну высокую, другую пониже. Это были лоси — самка и годовалый телок. Они подошли к реке и начали жадно пить воду. Самка мотнула головой и стала зубами чесать свой бок. Я любовался животными и боялся, чтобы их не заметили стрелки. Вдруг самка почуяла опасность и, насторожив свои большие уши, внимательно стала смотреть в нашу сторону. Вода

капала у неё с губ, и от этого расходились круги по спокойной поверхности реки. Лосиха встрепенулась, издала хриплый крик и бросилась к лесу. В это мгновение потянул ветерок, и снова противоположный берег утонул в тумане. Захаров стрелял и промахнулся, чему в душе я порадовался.

Наконец вошло солнце. Клубы тумана приняли оранжевые оттенки. Сквозь них стали вырисовываться кусты, деревья, горы...

Через полчаса мы шли по тропинке и весело болтали между собой.

На поляне, ближайшей к морю,

поселился старовер Долганов, занимающийся эксплуатацией туземцев, живущих на соседних с ним реках. Мне не хотелось останавливаться у человека, который строил своё благополучие за счёт бедняков; поэтому мы прошли прямо к морю и около устья реки нашли Хей-ба-тоу с лодкой. Он прибыл к Кумуху в тот же день, как вышел из Кусуна, и ждал нас здесь около недели.

Вечером стрелки разложили большие костры. У них было весёлое настроение, точно они возвратились домой. Люди так привыкли к походной жизни, что совершенно не замечали её тягот.

Одни сутки мы простояли на месте. Нужно было отдохнуть, собраться с силами и привести в порядок свои вещи. Наконец наступило 1 ноября — первый день зимнего месяца. Утром был мороз до 10°C при сильном ветре.

В каком бы направлении ветер ни дул — с материка в море или, наоборот, с моря на материк, движение его всегда происходит по долинам. В тех случаях, если последние имеют северо-западное направление, ветер дует с такой силой, что опрокидывает на землю деревья и снимает с домов крыши. Обыкновенно с восходом солнца ветер стихает, а часа в четыре дня

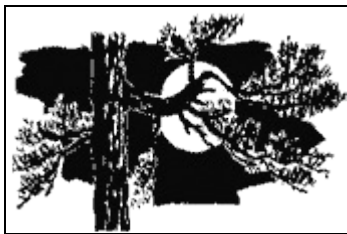
начинает дуть снова.

От реки Тахобе до Кумуху есть пешеходная тропа. Она проложена горами и проходит недалеко от моря. Расстояние это измеряется в 16 километров. В топографическом и геологическом отношении вся местность между двумя упомянутыми реками представляет собой обширный лавовый покров. Теперь это невысокие холмы, изрезанные большими оврагами. Когда-то тут был хороший лес. Ныне от него остались только пни и редкие сухостои. По оврагам, о которых я упомянул, в море текут ручьи Цалла, Анкуга, Лолобинга, Тахалун, Калама и Кумолун.

Глава семнадцатая

Сердце

Зауссурийского края

*Мелкие речки на берегу моря. —
Сухая мгла и звукопроницаемость
воздуха. — Обоняние охотника. —
Беспокойство и сомнения. — Перевал
на реку Нахтоху. — Следы*

человека. — Удэхеец Янсели. —
Притоки реки. — Удэхеец
Монгули. — Китаец, укравший
соболя. — Туземное население. —
Кладбище. — Тревожная вестъ. —
Исчезновение Хей-ба-тоу. —
Безвыходное положение.

На реке Кузнецова мы
распрощались с солоном. Он
возвратился к себе на реку Тахобе, а
мы пошли дальше на север. Хей-ба-
тоу было приказано следовать вдоль
берега моря и дожидаться нас в устье
реки Холонку.

От выпавшего снега не осталось
и следа, несмотря на то что
температура всё время стояла

довольно низкая. На земле нигде не видно было следов оттепели, а между тем снег куда-то исчез. Это происходит от чрезвычайной сухости зимних северо-западных ветров, которые поглощают всю влагу и делают климат Зауссурийского края в это время года похожим на континентальный.

Здесьняя растительность такая же чахлая, как и везде на побережья моря. Заметным становится преобладание хвойных пород; на сцену всё больше и больше выступает лиственница, а дубняки отходят на задний план.

Тропа, которая до сего времени вела нас вдоль берега моря,

кончилась около реки Кумуху. От мыса Олимпиады до реки Самарги, на протяжении 150 по прямой линии и 230 километров в действительности, берег горист и совершенно пустынен. Наподобие густой корковой щётки хвойный замшистый лес одевает все горы и доходит вплотную до берега моря. Эта часть пути считается очень трудной. Сюда избегают заходить даже удэхейцы. Расстояние, которое по морю на лодке можно проехать в полдня, пешком по берегу едва ли удастся пройти и в четверо суток.

За день мы прошли немного и стали биваком около реки Бабкова. Здесь можно видеть хорошо

выраженные береговые террасы. Они высотой около 12 метров. Река в них промыла узкое ложе, похожее на каньон. По широкому заболоченному плато кое-где растут в одиночку белая берёза, лиственница и поросль дуба.

Лодка Хей-ба-тоу могла останавливаться только в устьях таких рек, которые не имели бара и где была хоть небольшая заводь. Река Бабкова достоинствами этими не отличалась, и потому Хей-ба-тоу прошёл её мимо с намерением остановиться около мыса Сосунова.

С утра погода была удивительно тихая. Весь день в воздухе стояла сухая мгла, которая после полудня

начала быстро сгущаться. Солнце из белого стало жёлтым, потом оранжевым и, наконец, красным; в таком виде оно и скрылось за горизонтом. Я заметил, что сумерки были короткие: как-то скоро спустилась ночная тьма. Море совершенно успокоилось, нигде не было слышно ни единого всплеска. Казалось, будто оно погрузилось в сон. Часов в 10 вечера взошла луна. Она была очень больших размеров, имела странный вид и даже в полночь не утратила того красного цвета, который свойствен ей во время низкого стояния над горизонтом. Утёсы на берегу моря, лес в горах и одиноко стоящие кусты

и деревья казались как бы другими — не такими, как всегда. В полночь мгла сгустилась до того, что её можно было видеть в непосредственной от себя близости, и это не был дым, потому что гарью не пахло. Вместе с тем воздух приобрёл удивительную звукопроницаемость: обыкновенный голос на дальнем расстоянии слышался как громкий и крикливый; шорох мыши в траве казался таким шумом, что невольно заставлял вздрагивать и оборачиваться. Казалось, будто мы перенеслись в другой мир, освещённый не луною, а каким-то неведомым тусклым светилом. Вслед за тем воздух

наполнился какими-то звуками, похожими на раскаты грома, глухие взрывы или отдалённую пушечную пальбу залпами. Звуки эти неслись откуда-то со стороны моря. Может быть, единственный раз в жизни мы слышали подземный гул.

Явление это навеяло на всех людей страх; Дерсу говорил, что за всю свою жизнь он никогда ничего подобного не слышал.

Я счёл необходимым адресоваться к инструментам: барометр показывал 759, температура воздуха —3°С, анемометр — полный штиль. Это интересное явление продолжалось до рассвета. Когда мгла исчезла,

снова подул холодный северо-западный ветер.

От реки Бабкова берег делает небольшой изгиб. Чтобы сократить путь, мы поднялись по одному из притоков реки Каменной, перевалили через горный кряж, который здесь достигает высоты 430 метров, и вышли на реку Холонку, недалеко от её устья, где застали Хей-ба-тоу с лодкой. За штиль ночью ветер, казалось, хотел наверстать потерянное и дул теперь особенно сильно; анемометр показывал 215.

Остальную часть дня я употребил на осмотр нижней долины Холонку. Здесь мы опять видим лагуну длиной 5 и шириной 1

километр. Она отделена от моря двухъярусным валом. Около устья река Холонку непомерно широка и глубока — это наиболее глубокое место бывшей лагуны. Длина обоих валов около 500 метров; один вал сложен из крупных окатанных валунов, обросших лишайниками, что доказывает, что камни эти давно уже находятся в состоянии покоя. Вал, ближайший к морю, меньше размерами и, видимо, только недавно наметен морским прибоем. Ныне на месте лагуны образовалось мшистое болото, поросшее голубикой, багульником и морошкой.

Вечером я сделал распоряжение: на следующий день Хей-ба-тоу с

лодкой должен был перейти на реку Хатоху и там опять ждать нас, а мы пойдём вверх по реке Холонку до Сихотэ-Алиня и затем по реке Нахтоху спустимся обратно к морю,

Я распорядился, чтобы с вечера люди собрали всё, что им надо, так как завтра Хей-ба-тоу хотел уйти на рассвете.

На другой день, 3 ноября, я проснулся раньше других, оделся и вышел из палатки.

Картина, которую я увидел, была необычайно красива. На востоке пылала заря. Освещённое лучами восходящего солнца море лежало неподвижно, словно расплавленный металл. От реки поднимался лёгкий

туман. Испуганная моими шагами, стая уток с шумом снялась с воды и с криком полетела куда-то в сторону, за болото.

Когда солнце поднялось над горизонтом, я увидел далеко в море парус Хей-ба-тоу.

Я согрел чай и разбудил своих спутников.

Закусив поплотнее, мы собрали свои котомки и тоже отправились в путь по намеченному маршруту.

Река Холонку (по-удэхейски Халланку) называется на картах рекой Светлой. Длинной она около 90 километров, течёт в широтном направлении и начало имеет в горах Сихотэ-Алиня. Если идти вверх по

реке, то в нижней половине её в последовательном порядке будут встречаться следующие притоки. С правой стороны — Хунды и Дя. Первая немного больше второй. Лососёвые рыбы поднимаются только до реки Дя, но главная масса их сворачивает на Хунды. С левой стороны Холонку принимает в себя только один приток—Тальмакси, по которому можно выйти на реку Пия, впадающую в море на 20 километров выше мыса Плитняк. В долине реки Холонку раньше были хорошие леса, но теперь они все уничтожены пожарами. Лес сохранился одинокими островками только в верхнем течении.

В этот день мы вышли сравнительно поздно, потому и прошли немного. С первых же шагов Дерсу определил, что река Холонку не жилая, что туземцы заглядывают сюда редко и что года два назад здесь соболевали корейцы.

Перед сумерками Дерсу ходил на охоту. Назад он вернулся с пустыми руками. Повесив ружьё на сучок дерева, он сел к огню и заявил, что нашёл что-то в лесу, но забыл, как этот предмет называется по-русски.

Так как он долго не мог найти его, то я стал задавать ему наводящие вопросы. Вдруг Дерсу спохватился,
— Дуба сынка! — воскликнул

он простодушно и вслед за тем подал мне обыкновенный жёлудь.

Потом он сообщил мне, что нашёл его на сопке с левой стороны реки, хотя вблизи самого дерева нигде не было видно. Очевидно, этот жёлудь занесла сюда какая-нибудь птица или мелкое животное вроде белки или бурундука.

С каждым днём становилось всё холоднее и холоднее. Средняя суточная температура понизилась до $6,3^{\circ}\text{C}$, и дни заметно сократились. На ночь для защиты от ветра нужно было забираться в самую чащу леса. Для того чтобы заготовить дрова, приходилось рано становиться на биваки. Поэтому за день удавалось

пройти мало и на маршрут, который летом можно было сделать в сутки, теперь приходилось тратить времени вдвое больше.

Утром 4 ноября мы все проснулись от холода. Термометр показывал — 11° С при сильном ветре.

Погревшись у огня, мы напились горячего чая и тронулись в путь.

Всё время начиная от самого моря, по сторонам, в горах, тянулись сплошные гари.

Впереди и слева от нас высилась Плоская гора высотой 600 метров, которую местные жители называют Кямо. С горного хребта, в состав которого она входит, берут начало

три притока Холонку: Пуйму, Сололи и Дагды — единственное место в бассейне Холонку, где ещё встречаются изюбры и кабаны. Подъём на лодке возможен только до реки Сололи.

Около устья Пуйму мы нашли развалившуюся корейскую зверовую фанзу и около неё старую дощатую лодку. Это показало, что наблюдения Дерсу были правильны.

Выбрав место для ночёвки, я приказал Захарову и Аринину ставить палатку, а сам с Дерсу пошёл на охоту. Здесь по обоим берегам реки кое-где узкой полосой ещё сохранился живой лес, состоящий из осины, ольхи, кедра, тальника,

берёзы, клёна и лиственницы. Мы шли и тихонько разговаривали, он — впереди, а я — несколько сзади. Вдруг Дерсу сделал мне знак, чтобы я остановился. Я думал сначала, что он прислушивается, но скоро увидел другое: он поднимался на носки, наклонялся в стороны и усиленно нюхал воздух.

— Пахнет, — сказал он шёпотом. — Люди есть.

— Какие люди?

— Кабаны, — отвечал гольд. — Моя запах найди есть.

Как я ни нюхал воздух, никакого запаха не ощущал. Дерсу осторожно двинулся вправо и вперёд. Он часто останавливался и принюхивался. Так

прошли мы шагов полтора ста. Вдруг что-то шарахнулось в сторону. Это была дикая свинья и с нею полугодовалый поросёнок. Ещё несколько кабанов бросилось врассыпную. Я выстрелил и уложил поросёнка.

На обратном пути я спросил Дерсу, почему он не стрелял в диких свиней. Гольд ответил, что не видел их, а только слышал шум в чаще, когда они побежали. Дерсу был недоволен: он ругался вслух и потом вдруг снял шапку и стал бить себя кулаком по голове. Я засмеялся и сказал, что он лучше видит носом, чем глазами. Тогда я не знал, что это маленькое происшествие было

повесткой к трагическим событиям, разыгравшимся впоследствии.

Поросёнок весил около 24 килограммов и был как нельзя более кстати. Вечером мы лакомились свежей дичью; все были веселы, шутили и смеялись. Один Дерсу был не в духе. Он все хмыкал и вслух спрашивал себя, как это он не видел кабанов.

После ужина стрелки разделились на смены и стали сушить мясо на огне, а я занялся путевым дневником.

5 ноября, утром, был опять мороз (-14° C); барометр стоял высоко (757). Небо было чистое; взошедшее солнце не давало тепла,

зато давало много света. Холод всех подбадривал, всем придавал энергии. Раза два нам пришлось переходить с одного берега реки на другой. В этих местах Холонку шириной около 6 метров; русло её загромождено валежником.

Сегодня мы прошли ещё два притока, впадающие в реку с левой стороны: Монинги 1-ю, Монинги 2-ю и Тигдамугу. Они также берут начало с горы Кямо. По долинам рек Монинги держатся лоси; свежие следы их попадались часто, но так как мы были вполне обеспечены продовольствием, то не задерживались здесь и прошли мимо. От реки Тигдамугу до реки Олосу

(верхний левый приток Холонку) — один день ходу. По самой реке Холонку и по Олосу можно в один день дойти до водораздела. Эта часть Сихотэ-Алиня с восточной стороны голая, а с западной покрыта хвойным лесом.

Шли мы теперь без проводника, по приметам, которые нам сообщил солон. Горы и речки так походили друг на друга, что можно было легко ошибиться и пойти не по той дороге. Это больше всего меня беспокоило. Дерсу, наоборот, относился ко всему равнодушно. Он так привык к лесу, что другой обстановки, видимо, не мог себе представить. Для него было совершенно безразлично, где

ночевать — тут или в ином месте...

Согласно указаниям, данным солоном, после реки Тигдамугу мы отсчитали второй безымянный ключик и около него стали биваком. По этому ключику нам следовало идти к перевалу на реке Нахтоху.

Ночью я плохо спал. Почему-то всё время меня беспокоила одна и та же мысль: правильно ли мы идём? А вдруг мы пошли не по тому ключику и заблудились! Я долго ворочался с боку на бок, наконец поднялся и подошёл к огню. У костра сидя спал Дерсу. Около него лежали две собаки. Одна из них что-то видела во сне и тихонько лаяла. Дерсу тоже о чём-то бредил. Услышав мои шаги,

он спросонья громко спросил: «Какой люди ходи?» — и тотчас снова погрузился в сон.

Над землёй, погруженной в ночную тьму, раскинулся тёмный небесный свод с миллионами звёзд, переливавшихся цветами радуги. Широкой полосой, от края до края, протянулся Млечный Путь. По ту сторону реки стеной стоял молчаливый лес. Кругом было тихо, очень тихо...

С полчаса посидел я у огня. Беспокойство моё исчезло. Я пошёл в палатку, завернулся в одеяло, уснул, а утром проснулся лишь тогда, когда все уже собирались в дорогу. Солнце только что поднялось из-за горизонта

и посылало лучи свои к вершинам гор.

Сразу с бивака начался подъем. С первого же перевала мы увидели долину реки Пия; за нею высился другой горный хребет с гольцами, потом третий, покрытый снегом. За ними, вероятно, должна быть река Нахтоху.

По пути нам встречалось много мелких речек, должно быть притоки реки Пия. Плохо, когда идёшь без проводника: всё равно как слепой. К вечеру мы дошли до какой-то реки, а на другой день, к 2 часам пополудни, достигли третьего перевала.

Подъем у него был продолжительный, но некрутой.

Внизу, у подножия хребта, растёт смешанный лес, который по мере приближения к гребню становится жидким и сорным. Лиственные породы скоро уступили место хвойным, и на смену кустарнику и травяному подлесью явились мхи и багульник.

Чем выше мы поднимались, тем больше было снега. Увидя вверху просвет, я обрадовался, думая, что вершина недалеко, но радость оказалась преждевременной: то были кедровые стланцы. Хорошо, что они не занимали большого пространства. Пробравшись сквозь них, мы ступили на гольцы, лишённые всякой растительности. Я посмотрел на

барометр — стрелка показывала 760 метров.

Отсюда, сверху, открывался великолепный вид во все стороны. На северо-западе виднелся низкий и болотистый перевал с реки Нахтоху на Бикин. В другую сторону, насколько хватал глаз, тянулись какие-то другие горы. Словно гигантские волны с белыми гребнями, они шли куда-то на север и пропадали в туманной мгле. На северо-востоке виднелась Нахтоху, а вдали на юге — синее море.

Холодный, пронзительный ветер не позволял нам долго любоваться красивой картиной и принуждал к спуску в долину. С каждым шагом

снегу становилось всё меньше и меньше. Теперь мы шли по мёрзлому мху. Он хрустел под ногами и оставался примятым к земле.

Я шёл впереди, а Дерсу — сзади. Вдруг он бегом обогнал меня и стал внимательно смотреть на землю. Тут только я заметил человеческие следы; они направлялись в ту же сторону, куда шли и мы.

— Кто здесь шёл? — спросил я гольда.

— Маленькая нога; такой у русских нету, у китайцев нету, у корейцев тоже нету, — отвечал он и затем прибавил: — Это унта^[36], носок кверху. Люди совсем недавно ходи. Моя думай, наша скоро его

догоняй.

Другие признаки, совершенно незаметные для нас, открыли ему, что этот человек был удэхеец, что он занимался соболеванием, имел в руках палку, топор, сетку для ловли соболей и, судя по походке, был молодой человек. Из того, что он шёл напрямик по лесу, игнорируя заросли и придерживаясь открытых мест, Дерсу заключил, что удэхеец возвращался с охоты и, вероятно, направлялся к своему биваку. Посоветовавшись, мы решили идти по его следам, тем более что они шли в желательном для нас направлении.

Лес кончился, и опять потянулась сплошная гарь. Так

прошли мы с час. Вдруг Дерсу остановился и сказал, что пахнет дымом. Действительно, минут через десять мы спустились к реке и тут увидели балаган и около него костёр. Когда мы были от балагана шагах в ста, из него выскочил человек с ружьём в руках. Это. был удэхеец Янсели с реки Нахтоху. Он только что пришёл с охоты и готовил себе обед. Котомка его лежала на земле, и к ней были прислонены палка, ружьё и топор.

Меня заинтересовало, как Дерсу узнал, что у Янсели должна быть сетка на соболя. Он ответил, что по дороге видел срезанный рябиновый прут и рядом с ним сломанное

кольцо от сетки, брошенное на землю. Ясно, что прутик понадобился для нового кольца. И Дерсу обратился к удэгейцу с вопросом, есть ли у него соболиная сетка. Последний молча развязал котомку и подал то, что у него спросили. Действительно, в сетке одно из средних колец было новое.

От Янсели мы узнали, что находимся на реке Дагды, текущей к Нахтоху. Не без труда удалось нам уговорить его быть нашим проводником. Главной приманкой для него послужили не деньги, а бердановские патроны, которые я обещал дать ему на берегу моря.

По дороге я стал расспрашивать

его о тех местах, которые мы проходили.

Река Нахтоху (по-удэгейски Накту или Нактана), названная топографами рекой Лебедева, такой же величины, как и река Холонку, и также имеет истоки в горах Сихотэ-Алиня, который называется здесь Кунка-Киаamani. В верхней половине своего течения она состоит из двух рек: Нунгини и Дагды. Обе они сливаются на половине пути между морем и Сихотэ-Алинем. Справой стороны в Нахтоху впадают две реки: Амукты и Хагдыги.

Между Дагды и Нунгини высятся скалистые сопки, из которых особенно выделяются вершины Ада

и Тыюнгони. Река Дагды принимает в себя справа ещё две реки: Малу-Сагды, Малу-Наиса — и два ключа: Эйфу и Адани, текущие с горы того же имени, а слева — несколько маленьких речек: Джеиджа, Ада 1-я, Ада 2-я и Тыюнгони. От устья Дагды в три дня можно дойти до Сихотэ-Алиня.

Вся местность с правой стороны реки Дагды до реки Локтоляги обезлесена пожарами. В горах с левой стороны растут исключительно хвойные леса; внизу, по долине, участки гари чередуются с участками смешанного леса, тоже со значительной примесью хвои.

В начале ноября было особенно

холодно. На реке появились забереги, и это значительно облегчило наше путешествие. Все притоки замёрзли. Мы пользовались ими для сокращения пути и к вечеру дошли до того места, где Дагды сливается с Нунгини. Отсюда, собственно, и начинается река Нахтоху.

Последние два дня дул сильный северо-западный ветер. Он ломал сучья деревьев и носил их по воздуху, как пылинки. К вечеру 6 ноября ветер вдруг сразу стих. Мы так привыкли к его шуму, что неожиданно наступившая тишина показалась нам даже подозрительной.

В одной из ям в реке Янсели

нашёл мальму, заменяющую в Зауссурийском крае форель. Рыба эта составила нам превосходный ужин, после которого мы, напившись чаю, рано легли спать, предоставив охрану бивака собакам.

Во вторую половину ночи все небо покрылось тучами. От Дерсу я научился распознавать погоду и приблизительно мог сказать, что предвещают тучи в это время года: тонкие слоистые облака во время штиля, если они лежат полосами на небе, указывают на ветер, и, чем дольше стоит такая тишь, тем сильнее будет ветер.

Утром мы поплотнее закусили, чтобы не останавливаться днём, и

часов в девять выступили в поход.

После слияния рек Нунгини и Дагды Нахтоху становится извилистой, но, имея опытного провожатого, мы пересекли «кривуны» напрямик, где можно было, и довольно быстро продвигались вперёд.

На этом участке в Нахтоху впадают следующие реки: с левой стороны — Бия и Локтоляги с перевалами на одну из прибрежных рек — Эхе. Из выдающихся горных вершин тут можно подниматься только до реки Малу-Сагды. На подъём против воды нужно четверо суток, а на сплав по течению — один день. Янсели сказал, что по реке

Нахтоху идёт кета, морская мальма и горбуша. Главная масса кеты направляется по реке Локтоляги, мальма поднимается до порогов реки Дагды, а горбуша — до реки Нунгини.

После полудня Янсели вывел нас на тропинку, которая шла вдоль реки, по соболиным ловушкам.

Я спросил нашего провожатого, кто здесь ловит соболей. Он ответил, что место это издавна принадлежит удэгейцу Монгули и, вероятно, мы вскоре встретим его самого. Действительно, не прошли мы и двух километров, как увидели какого-то человека; он стоял около одной из ловушек и что-то внимательно в ней

рассматривал. Увидев людей, идущих со стороны Сихотэ-Алиня, он сначала было испугался и хотел бежать, но, когда увидел Янсели, сразу успокоился. Как всегда бывает в таких случаях, все разом остановились. Стрелки стали закуривать, а Дерсу и удэгейцы принялись о чём-то горячо говорить между собой.

— Что случилось? — спросил я Дерсу.

— Манза соболя украл, — отвечал он.

По словам Монгули, китаец, проходивший по тропе дня два назад, вынул из ловушки соболя и наладил её снова. Я высказал предположение,

что, может быть, ловушка пустовала. Тогда Монгули указал на кровь — ясное доказательство, что ловушка действовала.

— Может быть, в ловушку попал не соболь, а белка? — спросил я опять.

— Нет, — отвечал Монгули. — Когда бревном придавило соболя, он грыз приколышки, оставив на них следы зубов.

Тогда я спросил его, почему он думает, что вор был именно китаец. Удэхеец ответил, что человек, укравший соболя, был одет в китайскую обувь и в левом каблуке у него не хватает одного гвоздя^[37].

Доводы эти были вполне

убедительны.

Отдохнув немного, мы отправились дальше и часов в пять дошли до устья реки Ходэ.

Вечером, у огня, я имел возможность хорошо рассмотреть своих новых знакомых. Нахтохуские удэheyцы невысокого роста, сухощавы, имеют овальное лицо с выдающимися скулами, вогнутый нос, карие, широко расставленные глаза с небольшой монгольской складкой век, довольно большой рот, неровные зубы и маленькие руки и ноги.

— Точно детские! — говорили мои спутники, рассматривая их обувь, сшитую из выделанной

лосиной кожи, в виде олоч, с загнутыми кверху носками.

Цвет кожи удэheyцев можно было назвать оливковым, со слабым оттенком желтизны. Летом они так сильно загорают, что становятся похожими на краснокожих. Впечатление это ещё более усугубляется пестротой их костюмов. Длинные, прямые, чёрные как смоль волосы, заплетённые в две коротких косы, были сложены вдвое и туго перетянуты красными шнурами. Косы носят на груди, около плеч. Чтобы они не мешали, когда человек нагибается, сзади, ниже затылка, они соединены перемычкой, украшенной бисером и ракушками.

Одежда нахтохуских удэheyцев состоит главным образом из трёх кафтанов: двух нижних, матерчатых, и одного верхнего, сшитого из тонкой изюбровой кожи, выделанной под замшу. Рубашки застёгиваются у правого плеча и сбоку, как поддёвки, и надеваются с напуском вокруг талии. Рукава около кистей стягиваются особыми нарукавниками. Затем принадлежностями костюма являются короткие штаны и наколенники, привязываемые ремешками к поясу. Головной убор состоит из белого капюшона, спускающегося на спину и плечи, и маленькой шапочки, на которой в

стоячем положении прикреплён беличий хвост и несколько красных шнурков с кисточками.

Весь костюм, от головы до ступнёй ног, спереди и сзади, обшит цветными полосами и обильно украшен красным орнаментом, изображающим спиральные круги, стилизованных рыб, птиц и животных.

Удэхейцы — большие любители металлических украшений, в особенности браслетов и колец. Некоторые старики ещё носят

в ушах серьги; ныне обычай этот выходит из употребления. Каждый мужчина и даже мальчики носят у пояса два ножа: один —

обыкновенный охотничий, а другой — маленький кривой, которым владеют очень искусно и который заменяет им шило, струг, буравчик, долото и все прочие инструменты.

Проговорили мы почти до полуночи. Пора было идти на покой. Удэхейцы взялись караулить бивак, а я пристроился около Дерсу, лёг спиной к огню и скоро уснул.

На другой день с бивака мы снялись рано и пошли по тропе, проложенной у самого берега реки. На этом пути Нахтоху принимает в себя с правой стороны два притока: Хулеми и Гоббияги, а с левой — одну только маленькую речку Ходэ. Нижняя часть долины Нахтоху густо

поросла даурской берёзой и монгольским дубом. Начиная от Локтоляги, она постепенно склоняется к югу и только около Хулеми опять поворачивает на восток.

От Ходэ долина сразу начинает расширяться. По сторонам, в горах, произрастают хвойные леса, а внизу, в долине, — смешанные, с преобладанием тополя и каменной берёзы. Кроме этих пород мы встречаем здесь мелколистный клён с серой корой и густой кроной, ильм, красивое, стройное дерево со светлосерой корой, и тис — оригинальное хвойное дерево с красными ягодами. Затем идут такие

породы, которые не знаешь куда и причислить: к кустарникам или деревьям, например бересклет широколистный, дающий длиннокрылые плоды, и кустарниковая ольха с блестящей тёмной корой. Особенно часто на Нахтоху встречаются таволга бузинолистная и жимолость, дающая чёрные, с сизым налётом кислые ягоды.

Последние дни были холодные и ветреные. Анемометр показывал 225. Забереги на реке во многих местах соединились и образовали природные мосты. По ним можно было свободно переходить с одной стороны реки на другую.

Километрах в 10 от реки Гоббиляги кончается лес и начинаются открытые места. На последней поляне мы нашли три удэгейские фанзы. Здешние удэгейцы обзавелись китайскими постройками весьма недавно. Несколько лет назад они жили ещё в юртах. Около каждого домика были небольшие огороды, возделываемые наёмным трудом китайцев. Последние являются среди удэгейцев половинщиками в пушных промыслах. Из расспросов выяснилось, что река Нахтоху— северная граница, до которой с юга китайцы распространили своё влияние. Здесь было их только пять

человек: четыре постоянных обитателя и один пришлый, с реки Кусуна.

Провожавшие нас удэхейцы бросились к нему и стали осматривать его обувь: в ней не хватало одного гвоздя. Они развязали его котомку, вынули из неё соболя и сообщили все подробности, при которых он совершил кражу. Китаец, полагая, что за ним подсматривали из кустов, сознался.

Удэхейцы удалились, довольные тем, что нашли свою добычу. Но не так отнеслись к этому остальные китайцы. Они пошептались между собой и затем объявили провинившемуся, что он опозорил их

всех и потому должен оставить реку Нахтоху навсегда и уйти в другое место. Виновный, стоя с непокрытой головой, выслушал свой приговор и обещал на другой же день уйти из долины, чтобы никогда в неё более не возвращаться.

От туземного посёлка до моря не более 8 километров. Недалеко от последней фанзы тропа разделилась надвое. Аринин пошёл влево, а мы — прямо к берегу реки. Скоро он возвратился назад и сообщил, что среди тальников в маленькой лодочке лежит «морской бог». Я велел ему принести бурхана к себе, но затем раздумал и пошёл туда сам. «Морской бог» в лодке оказался

мёртвым младенцем в гробу. Трупик засох и превратился в мумию. Рядом с ним оказалось целое кладбище. Одни гробы стояли на коротких сваях под крышей, другие были засунуты между стволами тальников. Расколотые лодки, поломанные нарты, разорванные рыболовные сети, весла и остроги были брошены тут же, около могил.

Я хотел было вскрыть один из гробов, но в это время в стороне услышал голоса и пошёл к ним навстречу. Через минуту из кустов вышли два удэheyца, только что прибывшие с реки Един.

Они сообщили нам крайне неприятную новость: 4 ноября наша

лодка вышла с реки Холонку, и с той поры о ней ни слуху ни духу. Я вспомнил, что в этот день дул особенно сильный ветер. Пугуй (так звали одного из наших новых знакомых) видел, как какая-то лодка в море боролась с ветром, который относил её от берега всё дальше и дальше; но он не знает, была ли то лодка Хей-ба-тоу.

Это было для нас непоправимым несчастьем. В лодке находилось все наше имущество: тёплая одежда, обувь и запасы продовольствия. При себе мы имели только то, что могли нести: лёгкую осеннюю одежду, по одной паре унтов, одеяла, полотнища палаток, ружья, патроны и весьма

ограниченный запас продовольствия. Я знал, что к северу, па реке Един, ещё живут удэхейцы, по до них было так далеко и они были так бедны, что рассчитывать на приют у них всего отряда нечего было и думать.

Что делать?

С такими мыслями мы незаметно подошли к хвойному мелкорослому лесу, который отделяет поляны Нахтоху от моря.

Обыкновенно к лодке мы всегда подходили весело, как будто к дому, но теперь Нахтоху была нам так же чужда, так же пустынна, как и всякая другая речка. Было жалко и Хей-ба-тоу, этого славного моряка, быть может теперь уже погибшего.

Мы шли молча; у всех была одна и та же мысль: что делать? Стрелки понимали серьёзность положения, из которого теперь я должен был их вывести. Наконец появился просвет; лес сразу кончился, показалось море.

Глава восемнадцатая

Завещание

Приготовление к зимовке. — Река Един. — Поиски лодки. — Росомаха. — Побережье моря между реками Кумуху и Нахтоху. — Река Пия. — Роковой выстрел. — Испуг Дерсу. — Договор. — Обратный путь.

Раньше около реки Нахтоху была лагуна, отделённая от моря косой. Теперь на её месте большое моховое болото, поросшее багульником с ветвями, одетыми густым железистым войлоком ярко-ржавого цвета; голубикой с сизыми листочками; шикшей с густо облиственными ветвями, причём листья очень мелкие и свёрнуты в трубочки. Среди этих кустарников ещё можно было усмотреть отцветшие и увядшие: сабельник с ползучим корневищем; морошку с колючими полулежащими стеблями и жёлтыми плодами; болотную чину, по внешнему виду похожую на

полевой горошек и имеющую крылатый стебель и плоские бобы; затем и рис-касатик с грубыми сухими и серыми листьями и, наконец, обычную в болотах пушицу — высокое и красивое белое растение.

Мысы, окаймляющие маленькую бухточку, в которую впадает Нахтоху, слагаются из пёстрых вулканических туфов и называются по-удэгейски северный — Чжаали-дуони и южный — Маас-дуони. Здесь, у подножия береговых обрывов, мы устроили свой бивак.

Вечером мы с Дерсу сидели у огня и совещались. Со времени исчезновения лодки прошло четверо

суток. Если она была где-нибудь поблизости, то давно возвратилась бы назад. Я говорил, что надо идти на реку Амагу и зазимовать у староверов, но Дерсу не соглашался со мной. Он советовал остаться на Нахтоху, заняться охотой, добыть кож и сшить новую обувь. У туземцев, по его мнению, можно было получить сухую юколу и чумизу. Но тут возникли другие затруднения: морозы с каждым днём становились сильнее; недели через две в лёгкой осенней одежде идти будет уже невозможно. Всё-таки проект Дерсу был наиболее разумным, и мы на нём остановились.

После ужина стрелки легли

спать, а мы с Дерсу долго сидели у огня и обсуждали наше положение.

Я полагал было пойти в фанзы к удэheyцам, но Дерсу советовал остаться на берегу моря. Во-первых, потому, что здесь легче было найти пропитание, а во-вторых, он не терял надежды на возвращение Хей-ба-тоу. Если последний жив, он непременно возвратится назад, будет искать нас на берегу моря, и если не найдёт, то может пройти мимо. Тогда мы опять останемся ни с чем. С его доводами нельзя было не согласиться.

Мысли одна другой мрачнее лезли мне в голову и не давали покоя.

Порывистый и холодный ветер шумел сухой травой и неистово

трепал растущее вблизи одинокое молодое деревце. Откуда-то из темноты, с той стороны, где были прибрежные утёсы, неслись странные звуки, похожие на вой.

Беспокойство мучило меня всю ночь.

Возвращаться назад, не доведя дело до конца, было до слёз обидно. С другой стороны, идти в зимний поход, не снарядившись как следует, — безрассудно. Будь я один с Дерсу, я не задумался бы и пошёл вперёд, но со мной были люди, моральная ответственность за которых лежала на мне. Под утро я немного уснул.

На другой день ветер был

особенно силён: анемометр давал показания 242 при температуре воздуха — 6° С и при барометрическом давлении в 766 мм.

Стрелки, узнав о том, что мы остаёмся здесь надолго и даже, быть может, зазимует, принялись таскать плавник, выброшенный волнением на берег, и устраивать землянку. Это была остроумная мысль. Печи они сложили из плитнякового камня, а трубу устроили по-корейски — из дуплистого дерева. Входы завесили полотнищами палаток, а на крышу наложили мох с дёрном. Внутри землянки настлали ельницу и сухой травы. В общем помещение получилось довольно удобное.

10 ноября к нам на бивак приходили удэгейцы с мыса Сосунова. Один из них взял палочку и ловко начертил на песке план. Когда я развернул перед ним сорокавёрстную карту, он быстро сориентировался и сам стал указывать на ней реки, горы и мысы, правильно их называя. Я поразился, до какой степени быстро он освоился с масштабом и сразу понял, что такое проекция. Помню, как меня учили читать топографические карты и как долго не мог я к этому привыкнуть, а тут простой дикарь, отроду никогда не видевший их, разбирается так свободно, как будто он всю жизнь только этим и занимался. Я

объясняю это тем, что люди, которым приходится бродить по горам, привыкают сверху видеть поверхность земли в проекции. Вместе с тем у них развивается и чутьё масштаба.

На следующий день мы с Дерсу вдвоём решили идти к югу по берегу моря и посмотреть, нет ли там каких-нибудь следов пребывания Хей-ба-тоу, и, кстати, поохотиться.

Захаров и Аригин пошли на север, имея то же задание, а Сабитов и Туртыгин — вверх по реке, к устью реки Ходэ.

Выступили мы с реки Нахтоху рано и пошли по намывной полосе прибоа.

С утра погода стояла хмурая; небо было: туман или тучи. Один раз сквозь них прорвался было солнечный луч, скользнул по воде, словно прожектором, осветил сопку на берегу и скрылся опять в облаках. Вслед за тем пошёл мелкий снег. Опасаясь пурги, я хотел было остаться дома, но просвет на западе и движение туч к юго-востоку служили гарантией, что погода разгуляется. Дерсу тоже так думал, и мы бодро пошли вперёд. Часа через два снег перестал идти, мгла рассеялась, и день выдался на славу — тёплый и тихий.

Вода в горных ручьях была ещё в движении, но по замирающему шуму

было уже заметно, что скоро и она должна будет покрыться ледяной корой и совсем замолкнуть. Там, где из расщелин в камнях сочилась вода и где раньше её не было видно, теперь образовались большие ледяные натёки; они постоянно увеличивались в размерах и казались замёрзшими водопадами.

Мы шли берегом моря и разговаривали о том, как могло случиться, что Хей-ба-тоу пропал без вести. Этот вопрос мы поднимали уже сотый раз и всегда приходили к одному и тому же выводу: надо шить обувь и возвращаться к староверам на Амагу.

Впереди, шагах в полутора от

нас, бежала моя собака Альпа. Вдруг я заметил два живых существа: одно была Альпа, а другое — животное, тоже похожее на собаку, по тёмной окраски, мохнатое и коротконогое. Оно бежало около береговых обрывов неловкими и тяжёлыми прыжками и, казалось, хотело обогнать собаку. Поравнявшись с Альпой, мохнатое животное стало в оборонительное положение. Я узнал росомаху, самого крупного представителя семейства хорьковых. Максимальные размеры этого стопоходящего, косматого и неуклюжего животного достигают одного метра длины и 45 сантиметров высоты. Общая окраска тёмно-бурая, спина чёрного цвета, от

каждого плеча к заду по бокам тянется по широкой светло-серой полосе. Шерсть на нижней части тела и на верхней половине ног значительно длиннее, чем на остальном теле. Шея у росوماхи короткая, голова большая, удлинённая, ноги вооружены крепкими, сильными когтями.

Росомаха обитает в горных лесах, где есть козули и в особенности кабарга. Целыми часами она сидит неподвижно на дереве или на камне кабарожьей тропы, выжидая добычу. Она отлично изучила нрав своей жертвы, знает излюбленные пути её и повадки; например, она хорошо знает, что по

глубокому снегу кабарга бегают все по одному и тому же кругу, чтобы не протаптывать новой дороги. Поэтому, спугнув кабаргу, она гонится за нею до тех пор, пока последняя не замкнёт полный круг. Тогда росомаха влезет на дерево и ждёт, когда кабарга вновь пойдёт мимо. Если это не удаётся, она берет кабаргу измором, для чего преследует её до тех пор, пока та от усталости не упадёт; при этом если на пути она увидит другую кабаргу, то не бросается за нею, а будет продолжать преследование первой, хотя бы эта последняя и не находилась у неё в поле зрения. Росомаха — вредное животное:

забравшись в амбары, она начинает с остервенением рвать всё, что ей попадётся на глаза. Сухое мясо, юколу и прочее продовольствие она непременно огадит и тогда уйдёт. Раньше туземцы ценили мех росомахи выше соболиного и только с появлением китайцев и русских поняли свою ошибку. Лет 20 назад мех росомахи ценился не более трёх рублей. Специально за ней не охотятся, бьют только, если она случайно попадает под выстрел.

Росомаха распространена по всему Уссурийскому краю, примерно к югу до 44° широты. Её нет в Посъетском, Барабашском, Суйфунском районах и около

Никольска-Уссурийского. В горах Сихотэ-Алиня она встречается довольно часто.

Альпа остановилась и с любопытством стала рассматривать свою случайную спутницу. Я хотел было стрелять, но Дерсу остановил меня и сказал, что надо беречь патроны. Замечание его было вполне резонным. Тогда я отозвал Альпу. Росомаха бросилась бежать и скрылась в одном из оврагов.

Прибрежная линия между реками Холопку и Нахтоху представляет собой несколько изогнутую линию, отмеченную мысами Плитняка, Бакланьим и Сосунова (по-удэгейски Хуо-лодуони,

Леникто-дуони и Хорло-дуони). Мысы эти заметно выдаются в море. За ними берег опять выгибается к северо-западу и вновь выдаётся около мыса Олимпиады.

По побережью моря, в направлении от Нахтоху к Уитуту, горные породы располагаются в таком порядке: сначала идёт кремнистый сланец, затем андезит и местами стекловатый базальт. Ещё южнее тянутся какие-то глубинные зеленокаменные породы, а выше их — базальтовый андезит и ещё дальше — порфирит. Кроющие пласты состоят из цветных чередующихся слоёв туфа. Здесь особенно интересен утёс Хадиэ с плитняковой

вертикальной и дуговой
отдельностью.

Около реки Пия есть два утёса Садзасу-мамаса-ни, имеющие человекоподобные формы. Удэхейцы говорят, что раньше это были люди, но всеильный Тему (хозяин рыб и морских животных) превратил их в скалы и заставил караулить береговые сопки.

Здесь, на берегу, валялось много сухого плавника. Выбрав место для бивака, мы сложили свои вещи и разошлись в разные стороны на охоту.

Чрезвычайно извилистое русло реки Пия блуждает по долине, и, если смотреть на реку с высоты

птичьего полёта, получается впечатление кружев. В нижней части долины почва исключительно наносная: ил и полосы свежего песка, придавившего траву и кусты, свидетельствуют о том, что в конце лета места эти заливались водой два раза. Близ моря растёт кустарниковая ольха и высокоствольный тальник, выше по долине — лиственница, белая берёза, осина и тополь, а ещё дальше — клён, осокорь, ясень и кое-где ель и кедр. Склоны гор, окаймляющие долину, поросли с солнечной стороны низкорослым дубняком, а с северной — старым замшистым хвойным лесом.

Охотиться нам долго не

пришлось. Когда мы снова сошлись, день был на исходе. Солнце уже заглядывало за горы, лучи его пробрались в самую глубь леса и золотистым сиянием осветили стволы тополей, остроконечные вершины елей и мохнатые шапки кедровников. Где-то в стороне от нас раздался пронзительный крик.

— Кабарга! — шепнул Дерсу на мой вопросительный взгляд. Минуты через две я увидел животное, похожее на козулю,

только значительно меньше ростом и темнее окраской. Из рта её книзу торчали два тонких клыка. Отбежав шагов 100, кабарга остановилась, повернула в нашу

сторону свою грациозную головку и замерла в выжидательной позе.

— Где она? — спросил меня Дерсу. Я указал ему рукой.

— Где? — опять переспросил он.

Я стал направлять его взгляд рукой по линии выдающихся и заметных предметов, но, как я ни старался, он ничего не видел. Дерсу тихонько поднял ружьё, ещё раз внимательно всмотрелся в то место, где было животное, выпалил и — промахнулся. Звук выстрела широко прокатился по всему лесу и замер в отдалении. Испуганная кабарга шарахнулась в сторону и скрылась в чаще.

— Попал? — спросил меня Дерсу, и по его глазам я увидел, что он не заметил результатов своего выстрела.

— На этот раз ты промазал, — отвечал я ему. — Кабарга убежала.

— Неужели моя попади нету? — спросил он испуганно. Мы пошли к тому месту, где стояла кабарга. На земле не

было крови. Сомнений не было: Дерсу промахнулся. Я начал подшучивать над своим приятелем, а Дерсу сел на землю, положил ружьё па колени и задумался. Вдруг он быстро вскочил на ноги и сделал па дереве ножом большую затёску, затем схватил ружьё и отбежал назад шагов

на полтора ста. Я думал, что он хочет оправдаться передо мною и доказать, что его промах по кабарге был случайным. Однако с этого расстояния пятно на дереве было видно плохо, и он должен был подойти ближе. Наконец он выбрал место, поставил сошки и стал целиться. Целился Дерсу долго, два раза отнимал голову от приклада и, казалось, не решался спустить курок. Наконец он выстрелил и побежал к дереву. Из того, как у него сразу опустились руки, я понял, что в пятнышко он не попал. Когда я подошёл к нему, то увидел, что шапка его валялась па земле, ружьё тоже; растерянный взгляд его широко

раскрытых глаз был направлен куда-то в пространство. Я дотронулся до его плеча, Дерсу вздрогнул и быстро-быстро заговорил.

— Раньше никакой люди первый зверя найти не могу. Постоянно моя первый его посмотри. Моя стреляй — всегда в его рубашке дырку делай. Моя пуля никогда ходи нету. Теперь моя 58 лет. Глаз худой стал, посмотри не могу. Кабарга стреляй — не попал, дерево стреляй — тоже не попал. К китайцам ходи не хочу — их работу моя понимай нету. Как теперь моя дальше живи?

Тут только я понял неуместность моих шуток. Для него, добывающего себе средства к жизни

охотой, ослабление зрения было равносильно гибели. Трагизм увеличивался ещё и тем обстоятельством, что Дерсу был совершенно одинок. Куда идти? Что делать? Где склонить на старости лет свою седую голову?

Мне стало нестерпимо жаль старика.

— Ничего, — сказал я ему, — не бойся. Ты мне много помогал, много раз выручал меня из беды. Я у тебя в долгу. Ты всегда найдёшь у меня крышу и кусок хлеба. Будем жить вместе.

Дерсу засуетился и стал собирать свои вещи. Он поднял ружьё и посмотрел на него как на

вещь, которая теперь была ему более совсем не нужна.

В это время солнце только что скрылось за горизонтом. От гор к востоку потянулись длинные тени. Ещё не успевшая замёрзнуть вода в реке блестела как зеркало; в ней отражались кусты и прибрежные деревья. Казалось, что там, внизу, под водой, был такой же мир, как и здесь, и такое же светлое небо...

Около речки мы разделились: Дерсу воротился на бивак, а я решил ещё поохотиться. Долго я бродил по лесу и ничего не видел. Наконец я устал и повернул назад.

На западе медленно угасала заря. Посиневший воздух приобрёл

сонную неподвижность; долина приняла угрюмый вид и казалась глубокой трещиной в горах.

Вдруг в кустах что-то зашевелилось. Я замер на месте и приготовил ружьё. Снова лёгкий треск, и из ольшаников тихонько на поляну вышла козуля. Она стала щипать траву и, видимо, совсем меня не замечала. Я быстро прицелился и выстрелил. Несчастное животное рванулось вперёд и сунулось мордой в землю. Через минуту жизнь оставила его. Я взял свой ремень, связал козуле ноги и взвалил её на плечи. Что-то тёплое потекло мне за шею — это была кровь. Тогда я опустил свой охотничий трофей на

землю и принялся кричать. Скоро я услышал ответные крики Дерсу. Он пришёл без ружья, и мы вместе с ним потащили козулю на палке.

Когда мы подходили к биваку, был уже полный вечер. Взошла луна и своими фосфорическими лучами осветила море, прибрежные камни, лес и воду в реке. Кругом было тихо, только лёгкий ночной ветер слабо шелестел травой. Шум этот был так однообразен, что привыкшее к нему ухо совершенно его не замечало. На нашем биваке горел огонь; свет от него ложился по земле красными бликами и перемешивался с чёрными тенями и бледными лучами месяца, украдкой пробивавшимися сквозь

ветви кустарников. Вдали виднелся высокий Бакланий мыс, окутанный морскими испарениями.

После охоты я чувствовал усталость. За ужином я рассказывал Дерсу о России, советовал ему бросить жизнь в тайге, полную опасности и лишений, и поселиться вместе со мной в городе, но он по-прежнему молчал и о чём-то крепко думал.

Наконец я почувствовал, что веки мои слипаются. Я завернулся в одеяло и погрузился в сон.

Ночью я проснулся. Луна стояла высоко на небе; те звезды, которые были ближе к горизонту, блистали как бриллианты. Было за полночь.

Казалось, что вся природа погрузилась в дремотное состояние. Ничего нет прекраснее беспредельного широкого моря, залитого лунным светом, и глубокого неба, полного тихих сияющих звёзд. Тёмная вода, громады утёсов на берегу и молчаливый лес в горах так гармонировали друг с другом и создавали картину, полную величественной красоты.

Около огня сидел Дерсу. С первого же взгляда я понял, что он ещё не ложился спать. Он обрадовался, что я проснулся, и стал греть чай. Я заметил, что старик волнуется, усиленно ухаживает за мной и всячески старается, чтобы я

опять не заснул. Я уступил ему и сказал, что спать мне более не хочется. Дерсу подбросил дров в костёр и, когда огонь разгорелся, встал со своего места и начал говорить торжественным тоном:

— Капитан! Теперь моя буду говори. Тебе надо слушай.

Он начал с того, как он жил раньше, как стал одинок и как добывал себе пропитание охотой. Ружьё всегда его выручало. Он продавал панты и взамен их приобретал у китайцев патроны, табак и материал для одежды. Он никогда не думал о том, что глаза могут ему изменить и купить их нельзя будет уже ни за какие деньги.

Вот уже с полгода, как он стал ощущать ослабление зрения, думал, что это пройдёт, но сегодня убедился, что охоте его пришёл конец. Это его напугало. Потом он вспомнил мои слова, что у меня он всегда найдёт приют и кусок хлеба.

— Спасибо, капитан, — сказал он. — Шибко спасибо!

И вдруг он опустился на колени и поклонился в землю. Я бросился поднимать его и стал говорить, что, наоборот, я обязан ему жизнью и если он будет жить со мною, то этим только доставит мне удовольствие. Чтобы отвлечь его от грустных мыслей, я предложил ему заняться чаепитием.

— Погоди, капитан,—сказал Дерсу. — Моя ещё говорить кончай нету.

После этого он продолжал рассказывать про свою жизнь. Он говорил о том, что, будучи ещё молодым, от одного старика китайца научился искать женьшень и изучил его приметы. Он никогда не продавал корней, а в живом виде переносил их в верховья реки Лефу и там сажал в землю. Последний раз на плантации женьшеня он был лет 15 назад. Корни все росли хорошо; всего там было 22 растения. Не знает он теперь, сохранились они или нет, вероятно, сохранились, потому что посажены были в глухом месте и

поблизости следов человеческих не замечалось. — Это все тебе! — закончил он свою длинную речь.

Меня это поразило; я стал уговаривать продать корни китайцам, а деньги взять себе, но Дерсу настаивал на своём.

— Моя не надо, — говорил он. — Мне маленько осталось жить. Скоро помирай. Моя шибко хочу панцуй^[38] тебе подарить.

В глазах его было такое просительное выражение, что я не мог противиться. Отказ мой обидел бы его. Я согласился, но взял с него слово, что по окончании экспедиции он поедет со мною в Хабаровск. Дерсу согласился тоже.

Мы порешили весной отправиться на реку Лефу за дорогими корнями.

Посеребрённая луна склонилась к западу. С восточной стороны на небе появились новые созвездия. Находящаяся в воздухе влага опустилась на землю и тонким серебристым инеем покрыла все предметы. Это были верные признаки приближения рассвета.

Дерсу ещё раз подбросил дров в огонь. Яркое, трепещущее пламя взвилось кверху и красноватым заревом осветило кусты и прибрежные утёсы — эти безмолвные свидетели нашего договора и обязательств по

отношению друг к другу.

Но вот на востоке появилась розовая полоска — занималась заря. Звезды быстро начали меркнуть; волшебная картина ночи пропала, и в потемневшем серо-синем воздухе разлился неясный свет утра. Красные угли костра потускнели и. покрылись золой; головешки дымились, казалось, огонь уходил внутрь их.

— Давай-ка соснём немного, — предложил я своему спутнику. Он встал и поправил палатку, затем мы оба легли и, прикрывшись одним одеялом, уснули как убитые.

Когда мы проснулись, солнце стояло уже высоко. Утро было морозное, ясное. Вода в озерах

покрылась блестящим тонким слоем льда, и только полыньи казались тёмными пятнами.

На скорую руку мы закусили холодным мясом, напились чаю и, собрав котомки, пошли назад, к реке Нахтоху.

Там мы застали всех в сборе. Аринин убил сивуча, а Захаров—нерпу. Таким образом, у пас получился значительный запас кожи и вдоволь мяса.

С 12 по 16 ноября мы простояли на месте. За это время стрелки ходили за брусникой и собирали кедровые орехи. Дерсу выменял у удэгейцев обе сырые кожи на одну сохатиную выделанную. Туземных

женщин он заставил накроить унты, а шили их мы сами, каждый по своей ноге.

17-го утром мы распрощались с рекой Нахтоху и тронулись в обратный путь, к староверам. Уходя, я ещё раз посмотрел на море с надеждой, не покажется ли где-нибудь лодка Хей-ба-тоу. Но море было пустынно. Ветер дул с материка, и потому у берега было тихо, но вдали ходили большие волны. Я махнул рукой и подал сигнал к выступлению. Тоскливо было возвращаться назад, но больше ничего не оставалось делать. Обратный путь наш прошёл без всяких приключений.

Глава девятнадцатая

Возвращение Хей-ба-тоу

*Сильный ветер. — Приключения
Хей-ба-тоу. — Снаряжение в зимний
путь. — Устройство нарт. —
Рыбная ловля. — Привычка
удэхейцев к холоду. — Саджи. —*

Зимний поход. — Накануне выступления. — Нартовый обоз. — Река Кусун с притоками. — Тигровая скала. — Горные породы. — Выгоревшие леса. — Зимняя палатка. — Лесные птицы. — Национализация чертей. — Удэхеец Сунцай.

В геологическом отношении эта часть побережья мало интересна. Между Унтугу и рекой Кузнецова горные породы располагаются в следующем порядке: около ручья Унтугу-Сагды с правой стороны виднеются выходы конгломератов из мелкой окатанной гальки, имеющие протяжение от северо-востока к юго-

западу— 51° с углом падения в 18° ; далее, у мыса Хорло-дуони, — красные метаморфизованные лавы; ещё южнее, около реки Каньчжоу, — цветные чередующиеся слои базальтового туфа мощностью около 120—130 метров и ещё дальше — какая-то изверженная зеленокаменная порода со шлирами. Около ключика Куа — высокие береговые террасы с массивным основанием из какой-то тёмной горной породы с неправильной трещиноватостью и, наконец, близ утёса Хадиз — та же неизвестная порода, по с плитняковой вертикальной отдельностью.

22 ноября мы достигли реки

Тахобе, а 23-го утром пришли на Кусун.

Ещё со вчерашнего дня погода начала хмуриться. Барометр стоял на 756 при 10°. Небо было покрыто тучами. Около 10 часов утра пошёл небольшой снег, продолжавшийся до полудня.

После короткого отдыха у туземцев на Кусуне я хотел было идти дальше, но они посоветовали мне остаться у них ещё на день. Удэхейцы говорили, что после долгого затишья и морочной погоды надо непременно ждать очень сильного ветра. Местные китайцы тоже были встревожены. Они часто посматривали на запад. Я спросил, в

чём дело. Они указали на хребет Кямо, покрытый снегом.

Тут только я заметил, что гребень хребта, видимый дотолё отчётливо и ясно, теперь имел контуры неопределённые, расплывчатые: горы точно дымились. По их словам, ветер от хребта Кямо до моря доходит через два часа.

Китайцы привязывали крыши фанз к ближайшим пням и деревьям, а зароды с хлебом прикрывали сетями, сплетёнными из травы. Действительно, часов около двух пополудни начал дуть ветер, сначала тихий и ровный, а затем все усиливающийся. Вместе с ветром шла какая-то мгла. Это были снег,

пыль и сухая листва, поднятая с земли вихрем. К вечеру ветер достиг наивысшего напряжения. Я вышел с анемометром, чтобы смерить его силу, но порывом его сломало колесо прибора, а самого меня едва не опрокинуло на землю. Мельком я видел, как по воздуху летели доска и кусок древесной коры, сорванные с какой-то крыши. Около фанзы стояла двухколёсная китайская арба. Ветром её перекаатило через весь двор и прижало к забору. Один стог с сеном был плохо увязан, и в несколько минут от него не осталось и следа.

К утру ветер начал стихать. Сильные порывы сменялись периодами затишья. Когда рассвело, я

не узнал места: одна фанза была разрушена до основания, у другой выдавило стену; много деревьев, вывороченных с корнями, лежало на земле. С восходом солнца ветер упал до штиля; через полчаса он снова начал дуть, но уже с южной стороны.

Надо было идти дальше, но как-то не хотелось: спутники мои устали, а китайцы были так гостеприимны. Я решил продневать у них ещё одни сутки — и хорошо сделал. Вечером в этот день с моря прибежал молодой удэхеец и сообщил радостную весть: Хей-ба-тоу с лодкой возвратился назад и все имущество наше цело. Мои спутники кричали «ура» и радостно пожимали друг другу руки.

И действительно, было чему радоваться; я сам был готов пуститься в пляс.

На другой день, чуть свет, мы все были на берегу. Хей-ба-тоу радовался не меньше нас. Стрелки теснились к нему и засыпали вопросами. Оказалось, что сильный ветер подхватил его около реки Каньжу и отнёс к острову Сахалин. Хей-ба-тоу не растерялся и всячески старался держаться ближе к берегу, зная, что иначе его отнесёт в Японию. С острова Сахалин он перебрался в Советскую (бывшую Императорскую) Гавань и уже оттуда спустился на юг вдоль берега моря. На реке Нахтоху он узнал от

удэхейцев, что мы пошли на Амагу, тогда и он отправился за нами вдогонку. Вчерашнюю бурю он пережил на реке Холопку и затем в один день дошёл до Кусуна.

Тотчас у меня в голове созрел новый план: я решил подняться по реке Кусуну до Сихотэ-Алиня и выйти на Бикин. Продовольствие, инструменты, тёплая одежда, обувь, снаряжение и патроны — всё это было теперь с нами.

Хей-ба-тоу тоже решил зазимовать на Кусуне. Плавание по морю стало затруднительным: у берегов появилось много плавающего льда, устья рек замерзали.

Не мешкая, стрелки стали

разгружать лодку. Когда с неё были сняты мачты, руль и паруса, они вытащили её на берег и поставили на деревянные катки, подперев с обеих сторон кольями.

На другой день мы принялись за устройство шести нарт^[39]. Три мы достали у удэхейцев, а три приходилось сделать самим.

Захаров и Аринин умели плотничать. В помощь им были приставлены ещё два удэхейца. На Дерсу было возложено общее руководство работами. Всякие замечания его были всегда кстати, стрелки привыкли, не спорили с ним и не приступали к работе до тех пор, пока не получали его одобрения.

На эту работу ушло 10 суток. Временами мои спутники ходили на охоту, иногда удачно, но часто возвращались ни с чем. С кусунскими удэхейцами мы подружились и всех наперечёт знали в лицо и по именам.

25 ноября я, Дерсу и Аринин вместе с туземцами отправились на рыбную ловлю к устью Кусуна. Удэхейцы захватили с собой тростниковые факелы и тяжёлые деревянные колотушки.

Между протоками, на одном из островов, заросших осиной, ольхой и тальниками, мы нашли какие-то странные постройки, крытые травой. Я сразу узнал работу японцев. Это

были хищнические рыбалки, совершенно незаметные как с суши, так и со стороны моря. Один из таких шалашей мы использовали для себя.

Вода в заводи хорошо замёрзла. Лёд был гладкий, как зеркало, чистый и прозрачный; сквозь него хорошо были видны мели, глубокие места, водоросли, камни и утонувший плавник. Удэхейцы сделали несколько прорубей и спустили в них двойную сеть. Когда стемнело, они зажгли тростниковые факелы и затем побежали по направлению к прорубям, время от времени с силой бросая па лёд колотушки. Испуганная светом и

шумом рыба, как шальная, бросалась вперёд и путалась в сетях. Улов был удачный. За один раз они поймали одного морского тайменя, 3 морских мальм, 4 кунж и 11 краснопёрок. Потом удэheyцы снова опустили сети в проруби и погнали рыбу с другой стороны, потом перешли на озеро, оттуда в протоку, на реку и опять в заводь.

Часов в 10 вечера мы окончили ловлю. Часть туземцев пошла домой, остальные остались ночевать на рыбалке. Среди последних был удэхеец Логада, знакомый мне ещё с прошлого года. Ночь была морозная и ветреная. Даже у огня холод давал себя чувствовать. Около полуночи я

спохватился Логады и спросил, где он. Один из его товарищей ответил, что Логада спит снаружи. Я оделся и вышел из балагана. Было темно, холодным ветром, как ножом, резало лицо. Я походил немного по реке и возвратился назад, сказав, что нигде костра не видел. Удэхейцы ответили мне, что Логада спит без огня.

— Как, без огня? — спросил я с изумлением.

— Так, — ответили они равнодушно.

Опасаясь, чтобы с Логадой чего-нибудь не случилось, я зажёл свой маленький фонарик и снова пошёл его искать. Два удэхейца вызвались меня провожать. Под берегом, шагах

в 50 от балагана, мы нашли Логаду спящим на охапке сухой травы.

Одет он был в куртку и штаны из выделанной изюбровой кожи и сохатиные унты, на голове имел белый капюшон и маленькую шапочку с собольим хвостиком. Волосы на голове у него заиндевели, спина тоже покрылась белым налётом. Я стал усиленно трясти его за плечо. Он поднялся и стал руками снимать с ресниц иней. Из того, что он не дрожал и не подёргивал плечами, было ясно, что он не озяб.

— Тебе не холодно? — спросил я его удивлённо.

— Нет, — отвечал он и тотчас спросил: — Что случилось?

Удэхейцы сказали ему, что я беспокоился о нём и долго искал в темноте. Логада ответил, что в балаганелюдно и тесно и потому он решил спать снаружи. Затем он поплотнее завернулся в свою куртку, лёг на траву и снова уснул. Я вернулся в балаган и рассказал Дерсу о случившемся.

— Ничего, капитан, — отвечал мне гольд. — Эти люди холода не боится. Его постоянно сопка живи, соболя гоняй. Где застанет ночь, там и спи. Его постоянно спину на месяце греет.

Когда рассвело, удэхейцы опять пошли ловить рыбу. Теперь они

применяли другой способ. Над прорубью была поставлена небольшая кожаная палатка, со всех сторон закрытая от света. Солнечные лучи проникали под лёд и освещали дно реки. Ясно, отчётливо были видны галька, ракушки, песок и водоросли. Спущенная в воду острога немного не доставала дна. Таких палаток было поставлено четыре, вплотную друг к другу. В каждой палатке село по одному человеку, все другие пошли в разные стороны и стали тихонько гнать рыбу. Когда она подходила близко к проруби, охотники кололи её острогами. Охота эта была ещё добычливее, чем предыдущая. За ночь и за день

удэхайцы поймали 22 тайменя, 136 кунж, 240 морских форелей и очень много краснопёрки.

На возвратном пути от моря к фанзам моя собака выгнала каких-то четырёх птиц. Они держались преимущественно на песке и по окраске так подходили к окружающей обстановке, что их совершенно нельзя было заметить даже на близком расстоянии; вторично я увидел птиц только тогда, когда они поднялись в воздух. Я стрелял и убил одну из них. Это оказалась саджа, вероятно случайно занесённая сюда ветром из Восточной Монголии. В Зауссурийском крае птица эта

появилась впервые. Когда я показал её туземцам, они стали шумно высказывать своё удивление и говорили, что никогда такой птицы не видели. Они сейчас же окрестили её по-своему: «мафа» (медведь). Такое название они дали потому, что ноги её напоминали ступню медведя.

Вскоре я убедился, что виденные мною птицы не были единственными. По дороге мы встретили их ещё несколько стаяк. Впоследствии я узнал, что в конце ноября того же года садж видели около залива Ольги и около реки Самарги. Птицы эти продержались с неделю, затем исчезли так же неожиданно, как и появились.

Пока делались нарты и лыжи, я экскурсировал по окрестностям, но большую часть времени проводил дома. Надо было всё проверить, предусмотреть. Из личного опыта я знал, что нельзя игнорировать многовековой опыт туземцев. Впоследствии я имел много случаев благодарить удэгейцев за то, что слушался их советов и делал так, как они говорили.

2 декабря стрелки закончили все работы. Для окончательных сборов им дан был ещё один день. На Бикин до первого китайского посёлка с нами решил идти старик маньчжур Чи Ши-у. 3-го числа после полудня мы занялись укладкой грузов на

нарти. Наутро оставалось собрать только свои постели и напиться чаю.

Вечером удэheyцы камланили^[40]. Они просили духов дать нам хорошую дорогу и счастливую охоту в пути. В фанзу набралось много народу. Китайцы опять принесли ханшин и сласти. Вино действовало на удэheyцев возбуждающим образом. Всю ночь они плясали около огней и под звуки бубнов пели песни.

Перед рассветом я ушёл в самую дальнюю китайскую фанзу и там немного соснул.

Утро 4 декабря было морозное: —19° С. Барометр стоял на высоте 756 мм. Лёгкий ветерок тянул с

запада. Небо было безоблачное, глубокое и голубое. В горах белел снег.

Первое выступление в поход всегда бывает с опозданием. Обыкновенно задержка происходит у провожатых: то у них обувь не готова, то они ещё не поели, то на дорогу нет табаку и т. д. Только к 11 часам утра после бесконечных понуканий нам удалось-таки наконец тронуться в путь. Китайцы вышли провожать нас с флагами, трещотками и ракетами.

За последние четыре дня река хорошо замёрзла. Лёд был ровный, гладкий и блестел как зеркало. Вследствие образования донного

льда и во время ледостава вода в реке поднялась выше своего уровня и заполнила все протоки. Это позволило нам сокращать путь и идти напрямик, минуя извилины реки и такие места, где лёд стал торосом.

Наш обоз состоял из восьми нарт^[41]. В каждой нарте было по 30 килограммов полезного груза. Ездовых собак мы не имели, потому что у меня не было денег, да и едва ли на Кусуне нашлось бы их столько, сколько надо. Поэтому нарты нам пришлось тащить самим.

Удэгейский способ перевозки грузов зимой заключается в следующем. К передней части нарты

привязывается верёвка или ремень, которые оканчиваются лямкой, надеваемой через плечо. Сбоку, к ближайшей стойке у полоза, прикрепляется длинная жердь, называемая правилом. Человек держит правило правой рукой, направляет нарту и поддерживает её при крутых поворотах.

Погода нам благоприятствовала. Нарты бежали по льду легко. Люди шли весело, шутили и смеялись.

Между реками Че и Цзава, посреди реки Кусун, высится одинокая скала, которую туземцы называют Чжеле-Кадани. Старик Люрл рассказывал мне, что однажды он с другими охотниками долгое

время стоял биваком около этой скалы. Один из удэхейцев заметил на вершине её тигра. Он лежал на боку без движения. Удэхейцы простояли здесь несколько суток. За это время два раза шёл снег. Он совершенно закрыл зверя. Вдруг, к удивлению их, на утро шестого дня зверь поднялся, встряхнулся и стал спускаться к реке. Тогда они поняли, что тигр был мёртвым только на время (он может всегда делать это по своему желанию). Душа его (ханя) оставила тело и странствовала где-то далеко, потом вернулась назад, и тигр ожил снова. Удэхейцы испугались и убежали. С этой поры скала Чжеле-Кадани стала запретной. Другим

таинственным местом в нижнем течении, с левой стороны Кусуна, будет скала, похожая на человеческое лицо. Удэгейцы называют её Када-Дэлин, то есть Каменная Голова.

По наблюдениям туземцев, лососёвые рыбы идут по Кусуну неодинаково: кета идёт до реки Сололи, горбуша — до Бягаму и, как всегда, дальше всех забирается мальма. Особенно много её бывает на реке Адыне.

Река Кусун длиной около 100 километров. Начало она берет с Сихотэ-Алиня и течёт по кривой к северо-востоку. По характеру Кусун такая же быстрая и порожистая река, как и Такема.

С реки Кусун видны ближайшие отроги Сихотэ-Алиня. В истоках Иони 1-й, Иони 2-й, Иони 3-й и Олосо находятся высокие горы Ионя-Кямони; их хорошо видно с моря. По словам удэхейцев, в котловине между тремя их вершинами есть озеро с пресной водой.

Породы, из которых слагаются ближайшие горы, в последовательном порядке от моря вверх по течению реки располагаются так: сначала базальты, потом андезиты и порфириты, затем какая-то тёмная лава с пустотами, выполненными ярко-зелёными конкрециями; далее следует мелкозернистый базальт и около

реки Буй — авгитовый андезит. Выше реки Буй километров на 10 есть каменный уголь. Лет 30 назад, во время пала, он загорелся и с той поры всё время тлеет под землёй. Другие выходы каменного угля на дневную поверхность находятся по ключику Необе, с левой стороны Кусуна, в 25 километрах от моря.

Ещё недавно вся долина Кусуна была покрыта густыми смешанными лесами. Два больших пожара, следовавших один за другим, уничтожили их совершенно. Теперь Кусунская долина представляет собой сплошную гарь. Особенно сильно выгорели леса на реках Буй, Холосу, Фу, Бягаму, Сололи и Цзава

3-я. Живой лес сохранился ещё только по рекам Одо, Агдыне и Сидэкси (она же Сиденгей).

Из животных в долине Кусуна обитают: изюбр, дикая коза, кабарга, куница, хорёк, соболь, росомаха, красный волк, лисица, бурый медведь, рысь и тигр. Последнего чаще видят на реках Сиденгей 2-й и Оддэгэ.

В этот день мы прошли мало и рано стали биваком. На первом биваке места в палатке мы заняли случайно, кто куда попал. Я, Дерсу и маньжур Чи Ши-у разместились по одну сторону огня, а стрелки — по другую. Этот порядок соблюдался уже всю дорогу.

Зимой, в особенности во время сильных ветров, надо умело ставить двускатную палатку. Остов её складывается из тальниковых жердей, всегда растущих около реки в изобилии, и со всех сторон обтягивается полотнищами; вверху оставляется отверстие для выхода дыма. Для того чтобы в палатке была тяга, надо немного приподнять одно из полотнищ (обыкновенно это делается со стороны входа). Но зато внутрь палатки вместе с чистым воздухом входит и холод. В этом случае опять-таки нам помог находчивый Дерсу. Он принёс дуплистое дерево и положил его на землю так, что один конец его

пришёлся около костра, а другой остался снаружи. Это дуплистое дерево было отличным поддувалом. Сразу установилась тяга, и воздух в палатке очистился. На постели стрелки нарезали ельника и сверху прикрыли его сухой травой. Ночью все спали очень хорошо.

На другой день (5 декабря) я проснулся раньше всех, оделся и вышел из палатки. Предраассветные сумерки оттесняли ночную тьму на запад. Занималась заря. Мороз звонко пощёлкивал по лесу; термометр показывал — 20° С. От полыней на реке поднимался пар. Деревья, растущие вблизи их, убралась инеем и стали похожими на

белые кораллы. Около проруби играли две выдры. Они двигались как-то странно, извиваясь, как змеи, и издавали звуки, похожие на свист и хихиканье. Иногда одна из них поднималась на задние ноги и озиралась по сторонам. Я наблюдал за выдрами из кустов, но всё же они учуяли меня и нырнули в воду.

На обратном пути я занялся охотой на рябчиков и подошёл к биваку с другой стороны. Дым от костра, смешанный с паром, густыми клубами валил из палатки. Там шевелились люди, вероятно, их разбудили мои выстрелы.

Напившись чаю и обувшись потеплее, стрелки весьма быстро

сняли палатки и увязали нарты. Через какие-нибудь полчаса мы были уже в дороге. Солнце вошло в туманной мгле и багровое. Начался очередной день.

По тем островкам живого леса, которые в виде оазисов сохранились по сторонам реки, можно было судить о том, какая в этих местах была растительность. Здесь в изобилии росли кедр и тополь, там и сям виднелись буро-серые ветки кустарникового клёна с сухими розоватыми плодами, а рядом с ним — амурская сирень, которую теперь можно было узнать только по пучкам засохших плодов на вершинах голых ветвей с тёмно-серой корой. Ближе

удалось рассмотреть куст жасмина и амурский барбарис с сохранившимися замёрзшими плодами.

К зиме в Зауссурийском крае количество пернатых сильно сократилось. Чаще всего встречались клёсты — пёстрые миловидные птички с клювами, половинки которых заходят друг задруга. Они собирались в маленькие стайки, причём красного цвета самцы держались особняком от жёлто-серых самок, Клёсты часто спускались вниз, что-то клевали на земле и подпускали к себе так близко, что можно было в деталях рассмотреть их оперение. Даже

будучи вспугнуты, они не отлетали далеко, а садились тут же, где-нибудь поблизости. Затем в порядке уменьшения особей следует указать на поползней. Я узнал их по окраске и по голосу, похожему на тихий писк. В одном месте я заметил двух японских корольков — маленьких птичек, прятавшихся от ветра в еловых ветвях. Там и сям мелькали пёстрые дятлы с белым и черным оперением, с красным надхвостием. Для этих задорных и крикливых птиц, казалось, не страшны были холод и ветер. Рыжие сойки, крикливые летом и молчаливые зимой, тоже забились в самую чащу леса. Увидя нас, они принимались

пронзительно кричать, извещая своих товарок о грозящей опасности. Попадались также большеклювые вороны и какие-то дневные хищники, которых за дальностью расстояния рассмотреть не удалось. По проталинам на притоках реки раза два мы спугнули белых крохалей. Они держались парами— вероятно, самцы и самки. Сабитов убил одного крохаля из винтовки. Пуля разорвала его на части, и я очень сожалел, что с птицы нельзя было снять шкурку для определения.

Часа в четыре мы дошли до ключика Олосо. Отсюда начались гари.

Дальше в этот день мы не

пошли; выбрав небольшой островок, мы залезли в самую чащу и там уютно устроились на биваке.

Вечером стрелки рассказывали друг другу разные страхи, говорили о привидениях, домовых, с кем что случилось и кто что видел.

Странное дело: стрелки верили в существование своих чертей, но в то же время с недоверием и насмешками относились к чертям удэхейцев. То же самое и в отношении религии: я неоднократно замечал, что удэхейцы к чужой религии относятся гораздо терпимее, чем европейцы. У первых невнимание к чужой религии никогда не заходит дальше

равнодушия. Это можно было наблюдать и у Дерсу. Когда стрелки рассказывали разные диковинки, он слушал, спокойно курил трубку, и на лице его нельзя было заметить ни улыбки, ни веры, ни сомнения.

Утром 6 декабря мы встали до света. Термометр показывал —21° С. С восходом солнца ночной ветер начал стихать, и от этого как будто стало теплее.

Раньше, когда долина Кусуна была покрыта лесом, здесь водилось много соболей. Теперь это пустыня. На горах выросли осинники и березняки, а места поемных лесов заняли тонкоствольные тальники, ольшаники и молодая лиственница.

В этот день мы дошли до устья реки Буй, которую китайцы называют Уленгоу^[42]. Тут мы должны были расстаться с Кусуном и повернуть к Сихотэ-Алиню.

Около устья Уленгоу жил удэхеец Сунцай. Это был типичный представитель своего народа. Он унаследовал от отца шаманство. Жилище его было обставлено множеством бурханов. Кроме того, он славился как хороший охотник и ловкий, энергичный и сильный пловец на лодках по быстрым рекам. На моё предложение проводить нас до Сихотэ-Алиня Сунцай охотно согласился, но при условии, если я у него простою один день. Он говорил,

что ему нужно отправить своего брата на охоту, вылечить больную старуху мать и снарядиться самому в далёкий путь.

Этой женщине было 60 лет. Она являлась хранительницей древних традиций, обычаев и обрядов, знала много сказаний, знала, в каких случаях какой налагается штраф (байта), и считалась авторитетной в решении спорных вопросов о калыме при заключении или расторжении браков.

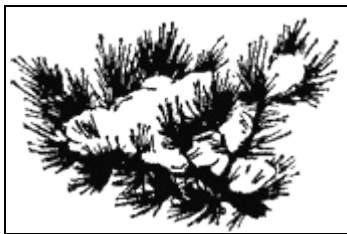
Я согласился пробыть в доме Сунцая весь следующий день и не раскаялся. Сам хозяин и его мать оказались довольно общительными, и потому мне удалось узнать много

интересного о шаманстве и записать несколько сказок.

Вечером он угостил нас струганиной. На стол была подана целая замороженная рыба. Это оказался ленок (по размерам немного уступающий молодой горбуше). Мы отбросили предубеждения европейцев к сырой рыбе и оказали ей должную честь.

Глава двадцатая

Через Сихотэ-Алинь

*Река Уленгоу. — Гарь. —
Наледи. — Труп китайца. —
Сбросовый выступ. — Перевал
Маака. — Облака и снег. — Западный
склон Сихотэ-Алиня. — Дикушка. —
Чёртова юрта. — Реки Мыге и
Бягаму. — Метель. — Бикин в*

верхнем течении. — Брошенная юрта. — Изгнание черта. — Страхи. — Ночные звуки.

Следующие четыре дня (с 9 по 12 декабря) мы употребили на переход по реке Уленгоу. Река эта берёт начало с Сихотэ-Алиня и течёт сначала к юго-востоку, потом к югу, километров 30 опять на юго-восток и последние 5 километров снова на юг. В средней части Уленгоу разбивается на множество мелких ручьёв, теряющихся в лесу среди камней и бурелома. Вследствие из года в год не прекращающихся пожаров лес на горах совершенно уничтожен. Он сохранился только по обоим берегам

реки и на островах между протоками. Глядя на замёрзшие протоки, можно подумать, что Уленгоу и летом богата водой. На самом деле это не так. Сбегающая с гор вода быстро скатывается вниз, не оставляя позади себя особенно заметных следов. Зимой же совсем другое дело. Вода заполняет ямы, рытвины, протоки и замерзает. Поверх льда появляются новые наледи, которые все увеличиваются и разрастаются вширь, что в значительной степени облегчало наше продвижение. На больших реках буреломный лес уносится водой, в малых же речках он остаётся лежать там, где упал. Зная это, мы

захватили с собой несколько топоров и две поперечные пилы. При помощи их стрелки быстро разбирали завалы и прокладывали дорогу.

После 1 декабря сильные северо-западные ветры стали стихать. Иногда выпадали совершенно тихие дни. Показания анемометра колебались теперь в пределах от 60 до 75, но вместе с тем стали увеличиваться морозы.

Чем ближе мы подвигались к перевалу, тем больше становилось наледей. Такие места видны издали по поднимающимся от них испарениям. Чтобы обойти наледи, надо взбираться на косогоры. На это приходится тратить много сил и

времени. Особенно надо остерегаться, чтобы не промочить ног. В этих случаях незаменимой является удэгейская обувь из рысьей кожи, сшитая жильными нитками.

Здесь случилось маленькое происшествие, которое задержало нас почти на целый день. Ночью мы не заметили, как вода подошла к биваку. Одна нарта вмёрзла в лёд. Пришлось её вырубать топорами, потом оттаивать полозья на огне и исправлять поломки. Наученные опытом, дальше на биваках мы уже не оставляли нарты на льду, а ставили их на деревянные катки.

С каждым днём идти становилось всё труднее и труднее.

Мы часто попадали то в густой лес, то в каменистые россыпи, заваленные буреломом. Впереди с топором в руках шли Дерсу и Сунцай. Они рубили кусты и мелкие деревья там, где они мешали проходу нарт, или клали их около рытвин и косогоров в таких местах, где нарти могли опрокинуться. Чем дальше мы углублялись в горы, тем больше было снега. Всюду, куда ни глянешь, чернели лишённые коры и ветвей, обгоревшие стволы деревьев. Весьма печальный вид имеют эти гари. Нигде ни единого следа, ни одной птицы...

Я, Сунцай и Дерсу шли впереди; стрелки подвигались медленно.

Сзади слышались их голоса. В одном месте я остановился для того, чтобы осмотреть горные породы, выступающие из-под снега. Через несколько минут, догоняя своих приятелей, я увидел, что они идут нагнувшись и что-то внимательно рассматривают у себя под ногами.

— Что такое? — спросил я Сунцай.

— Один китайский люди три дня назад ходи, — отвечал Дерсу. — Наша след его найди.

Действительно, кое-где чуть-чуть виднелся человеческий след, совсем почти запорошённый снегом. Дерсу и Сунцай заметили ещё одно

обстоятельство: они заметили, что след шёл неровно, зигзагами, что китаец часто садился на землю и два бивака его были совсем близко один от другого.

— Больной, — решили они. Мы прибавили шаг.

Следы всё время шли по реке. По ним видно было, что китаец уже не пытался перелезть через бурелом, а обходил его стороной. Так прошли мы ещё с полчаса. Но вот следы круто повернули в сторону. Мы направились по ним. Вдруг с соседнего дерева слетели две вороны.

— А-а! — сказал, остановившись, Дерсу. — Люди

помирай есть.

Действительно, шагах в 50 от речки мы увидели китайца. Он сидел на земле, прислонившись к дереву, локоть правой руки его покоился на камне, а голова склонилась на левую сторону. На правом плече сидела ворона. При нашем появлении она испуганно снялась с покойника.

Глаза умершего были открыты и запорошены снегом. Из осмотра места вокруг усопшего мои спутники выяснили, что когда китаец почувствовал себя дурно, то решил стать на бивак, снял котомку и хотел было ставить палатку, но силы оставили его; он сел под дерево и так скончался. Маньчжур Чи Ши-у,

Сунцай и Дерсу остались хоронить китайца, а мы пошли дальше.

Целый день мы работали не покладая рук, даже не останавливаясь на обед, и всё же прошли не больше 10 километров. Бурелом, наледи, кочковатые болота, провалы между камней, занесённые снегом, создавали такие препятствия, что за восемь часов пути нам удалось сделать только 4,25 километра, что составляет в среднем 560 метров в час. К вечеру мы подошли к гребню Сихотэ-Алиня. Барометр показывал 700 метров.

Следующий день был 14 декабря. Утро было тихое и морозное. Солнце взошло красное и

долго не давало тепла. На вершинах гор снег окрасился в нежно-розовый цвет, а в теневых местах имел синеватый оттенок.

Осматривая окрестности, я заметил в стороне клубы пара, поднимавшегося с земли.

Я кликнул Дерсу и Сунця и отправился туда узнать, в чём дело. Это оказался железистосернистоводородный тёплый ключ. Окружающая его порода красного цвета; накипь белая, известковая; температура воды $+27^{\circ}$ С. Удэгейцам хорошо известен тёплый ключ на Уленгоу как место, где всегда держатся лоси, но от русских они его тщательно скрывают.

От горячих испарений, кроме источника, все заиндевело: камни, кусты лозняка и лежащий на земле валежник покрылись причудливыми узорами, блестевшими на солнце, словно алмазы. К сожалению, из-за холода я не мог взять с собой воды для химического анализа. Пока мы ходили по тёплому источнику, стрелки успели снять палатку и связать спальные мешки.

Сразу с бивака начался подъём на Сихотэ-Алинь. Сначала мы перенесли на вершину все грузы, а затем втащили пустые нарты.

На самом перевале стояла маленькая китайская кумирня со следующей надписью: «Си-жи Циго

вей-дассуай. Цзинь цзай да цин чжей шай линь». (В древности в государстве Ни был главнокомандующим; теперь, при Да-циньской династии, охраняет леса и горы.)

В проекции положение этой части Сихотэ-Алиня представляется ломаной линией. Она идёт сначала на северо-восток, потом делает изгиб к востоку и затем опять на северо-северо-восток. Здесь Сихотэ-Алинь представляет собой как бы сбросовый выступ (горст). Впоследствии во многих местах произошли повторные обвалы, позади сползшей земли скопилась вода и образовались водоёмы. С

восточной стороны подъём на Сихотэ-Алинь очень крутой. Истоки реки Буй (Уленгоу) представляют собой несколько мелких ручьёв, сливающихся в одно место. Эти овраги делают местность чрезвычайно пересечённой. По барометрическим измерениям, приведённым к уровню моря, абсолютная высота перевала измеряется в 860 метров. Я назвал его именем Маака, работавшего в 1855 году в Амурском крае. Две высоты по сторонам перевала имеют туземные названия: правая—Атаксеони высотой 1120, и левая — Адахуналянгзянь высотой 1000 метров. Мои спутники окрестили их

Горелым конусом и горой Гребенчатой.

Восточный склон Сихотэ-Алиня совершенно голый. Трудно представить себе местность более неприветливую, чем истоки реки Уленгоу. Даже не верится, чтобы здесь был когда-нибудь живой лес. Не многие деревья остались стоять на своих корнях. Сунцай говорил, что раньше здесь держалось много лосей, отчего и река получила название Буй, что значит «сохатый»; но с тех пор как выгорели леса, все звери ушли, и вся долина Уленгоу превратилась в пустыню.

Солнце прошло по небу уже большую часть своего пути, когда

стрелки втащили на перевал последнюю нарту.

Весь день стояла хорошая, ясная и солнечная погода. Термометр показывал—17,5° С. Барометр стоял на 685. Лёгкий ветер гнал с востока небольшие кучевые облака. Издали они казались идущими высоко по небу, но по мере приближения к Сихотэ-Алиню как будто опускались к земле. Над водоразделом облака проходили совсем низко и принимали какой-то серовато-жёлтый оттенок. Каждое облачко разряжалось тончайшей искрящейся снежной пылью. Тогда вокруг солнца появлялись радужные венцы, но, как только облако проходило мимо,

световое явление исчезало.

Западный склон Сихотэ-Алиня пологий, но круче, чем в истоках Арму. За перевалом сразу начинается лес, состоящий из ели; пихты и лиственницы. По берегам речек растут' берёза с жёлтой мохнатой корой, горный клён и ольха.

Обилие мхов и влаги не позволило пожарам распространиться дальше водораздела, хотя и с этой стороны кое-где выделялись выгоревшие плешины; в, бинокль ясно было видно, что это не осыпи, а места пожарищ.

Увязав нарты, мы тотчас тронулись в путь.

Лес, покрывающий Сихотэ-Алинь, мелкий, старый, дровяного характера. Выбор места для бивака в таком лесу всегда доставляет много затруднений: попадёшь или на камни, опутанные корнями деревьев, или на валежник, скрытый под мхом. Ещё больше забот бывает с дровами. Для горожанина покажется странным, как можно идти по лесу и не найти дров... А между тем это так. Ель, пихта и лиственница бросают искры; от них горят палатки, одежда и одеяла. Ольха — дерево мозглое, содержит много воды и даёт больше дыму, чем огня. Остаётся только каменная берёза. Но среди хвойного леса на Сихотэ-

Алине она попадаетя одиночными экземплярами. Сунцай, знавший хорошо эти места, скоро нашёл всё, что нужно было для бивака. Тогда я подал сигнал к остановке.

Стрелки стали ставить палатки, а я с Дерсу пошёл на охоту в надежде, не удастся ли где-нибудь подстрелить сохатого. Недалеко от бивака я увидел трёх рябчиков. Они ходили по снегу и мало обращали на нас внимания. Я хотел было стрелять, но Дерсу остановил меня.

— Не надо, не надо, — сказал он торопливо. — Их можно так бери.

Меня удивило то, что он подходил к птицам без опаски, но я ещё более удивился, когда увидел,

что птицы не боялись его и, словно домашние куры, тихонько, не торопясь, отходили в сторону. Наконец мы подошли к ним метра на четыре. Тогда Дерсу взял нож и, нимало не обращая на них внимания, начал рубить молоденькую ёлочку, потом очистил её от сучков и к концу привязал верёвочную петлю. Затем он подошёл к птицам и надел петлю на шею одной из них. Пойманная птица забилась и стала махать крыльями. Тогда две другие птицы, соображая, что надо лететь, поднялись с земли и сели на растущую вблизи лиственницу: одна — на нижнюю ветку, другая — у самой вершины. Полагая, что птицы

теперь сильно напуганы, я хотел было стрелять, но Дерсу опять остановил меня, сказав, что на дереве их ловить ещё удобнее, чем на земле. Он подошёл к лиственнице и тихонько поднял палку, стараясь не шуметь. Надевая петлю на шею нижней птице, он по неосторожности задел её палкой по клюву. Птица мотнула головой, поправилась и опять стала смотреть в нашу сторону. Через минуту она беспомощно билась на земле. Третья птица сидела так высоко, что достать её с земли было нельзя. Дерсу полез на дерево. Лиственница была тонкая, жидкая. Она сильно качалась. Глупая птица, вместо того чтобы улететь,

продолжала сидеть на месте, крепко ухватясь за ветку своими ногами, и балансировала, чтобы не потерять равновесия. Как только Дерсу мог достать её палкой, он накинул ей петлю на шею и стащил вниз. Таким образом мы поймали всех трёх птиц, не сделав ни одного выстрела. Тут только я заметил, что они были крупнее рябчиков и имели более тёмное оперение. Кроме того, у самца были ещё красные брови над глазами, как у тетеревов. Это оказался чёрный рябчик, или «дикушка», обитающий в Уссурийском крае исключительно в хвойных лесах Сихотэ-Алиня, к югу до истоков Арму. Он совершенно не

оправдывает названия «дикушка», данного ему староверами. Быть может, они окрестили его так потому, что он живёт в самых диких и глухих местах. Китайцы называют его «дашугирл» (большой рябчик). Исследования зоба дикушки показали, что она питается еловыми иглами и брусникой.

Когда мы подходили к биваку, были уже глубокие сумерки. Внутри палатки горел огонь, и от этого она походила на большой фонарь, в котором зажгли свечу. Дым и пар, освещённые пламенем костра, густыми клубами взвивались кверху. В палатке двигались чёрные тени: я узнал Захарова с чайником в руках и маньчжура Чи Ши-у с трубкой во рту. Собаки, услышав, что кто-то идёт, с лаем бросились к нам навстречу, но, узнав своих, начали ласкаться. В палатке все работы были уже закончены; стрелки пили чай. Сунцай называл дикушек по-своему и сказал, что бог Эндури^[43] нарочно

создал непугливую птицу и велел ей жить в самых пустынных местах, для того чтобы случайно заблудившийся охотник не погиб с голоду.

Вечером мы отпраздновали переход через Сихотэ-Алинь. На ужин были поданы дикушки, потом сварили шоколад, пили чай с ромом, а перед сном я рассказал стрелкам одну из страшных повестей Гоголя.

Утром мы сразу почувствовали, что Сихотэ-Алинь отделил нас от моря: термометр на рассвете показывал —20° С. Здесь мы расстались с Сунцаем. Дальше мы могли идти сами; течение воды в реке должно было привести нас к Бикину. Тем не менее Дерсу обстоятельно

расспросил его о дороге.

Когда взошло солнце, мы сняли палатки, уложили нарты.: оделись потеплее и пошли вниз по реке Ляоленгоузе, имеющей вид порожистой горной речки с руслом, заваленным колодником и камнями. Километрах в 15 от перевала Маака Ляоленгоуза соединяется с другой речкой, которая течёт с северо-востока и которую удэхейцы называют Мыге. По ней можно выйти на реку Тахобе, где живут солоны. По словам Сунцая, перевал там через Сихотэ-Алинь низкий, подъем и спуск длинные, пологие.

Река Мыге очень извилистая и измеряется пятью десятками

километров. Окружающие леса дровяного характера и состоят исключительно из хвойных пород.

С утра погода хмурилась. Воздух был наполнен снежной пылью. С восходом солнца поднялся ветер, который к полудню сделался порывистым и сильным. По реке кружились снежные вихри; они зарождались неожиданно, словно сговорившись, бежали в одну сторону и так же неожиданно пропадали. Могучие кедры глядели сурово и, раскачиваясь из стороны в сторону, гулко шумели, словно роптали на непогоду.

При морозе идти против ветра очень трудно. Мы часто

останавливались и грелись у огня. В результате за целый день нам удалось пройти не более 10 километров. Заночевали мы в том месте, где река разбивается сразу на три протоки. Вследствие ветреной погоды в палатке было дымно. Это принудило нас рано лечь спать.

Ночью вокруг луны появилось матовое пятно, неясное и расплывчатое.

Утром 17 декабря состояние погоды не изменилось к лучшему. Ветер дул с прежней силой: анемометр показывал 220, термометр — 30° С. Несмотря на это, мы всё-таки пошли дальше. Заметно, что к западу от Сихотэ-Алиня снегу

было значительно больше, чем в прибрежном районе.

Река Мыге в среднем течении имеет 6—7 метров ширины. Во многих местах около берегов видны тонкие ледяные карнизы. Они получились вследствие убыли воды в реке после того, как она сверху замёрзла.

В среднем течении река Мыге протекает по широкой долине, покрытой густым хвойно-смешанным лесом. Из лиственных пород здесь произрастают ольха, черёмуха, тальники, осина, осокорь и берёза. Судя по следам, которые мы видели в пути, можно заключить, что на Мыге водятся лось, кабарга, волк,

выдра, белка, соболь и, вероятно, медведь.

19 декабря наш отряд достиг реки Бягаму, текущей с юго-востока, по которой можно выйти на реку Кусун. Эта река и по величине, и по обилию воды раза в два больше Мыге. Близ своего устья она около 20 метров шириной и 1—1,5 метра глубиной. По словам удэгейцев, вся долина Бягаму покрыта гарью; лес сохранился только около Бикина. Раньше Бягаму было одним из самых зверовых мест; особенно много было здесь лосей. Ныне это пустыня. После пожаров все звери ушли на Арму и Кулумбе, притоки Имана.

Пройдя по Бягаму ещё два

километра, мы стали биваком на левом её берегу, в густом ельнике. По счёту это был наш 12-й бивак от моря.

В сумерки Захаров ходил на охоту, но вместо дичи принёс рыбу, которую он нашёл в яме подо льдом. Это были краснопёрка, толпыга и ленок — всего 9 рыб.

20 декабря мы употребили на переход до Бикина. Правый берег Бягаму — нагорный, левый — низменный и лесистый. Горы носят китайское название Бэй-си-лаза и Данцанза. Голые вершины их теперь были покрыты снегом и своей белизной резко выделялись из тёмной зелени хвои.

Бягаму огибает Бей-си-лаза с юга и затем поворачивает на запад.

В нижнем течении река разбивается на протоки попарно, образуя острова, покрытые лесом. В верховьях её растут лиственницы, ель и пихта, в среднем течении встречается кедр, а внизу по долине растут хорошие смешанные леса, состоящие из ясеня, ильма, тополя, осокоря, ольхи, черёмухи, сирени, бересклета, липы и тонкоствольного тальника.

Я измерил несколько елей. Из 40 измерений в 4 местах (по 10 измерений в каждом) я получил следующие цифры: 44, 80, 103 и 140 сантиметров. Цифры эти указывают

на лучшие качества леса по мере удаления от Сихотэ-Алиня.

Из крупных млекопитающих в верховьях Бягаму встречаются лось, рысь, бурый медведь и россомаха; ниже по течению — изюбр, кабан и тигр. Из царства пернатых я встретил на снегу следы глухарей, затем несколько раз видел большеклювых ворон, соек, ореховок, ронж, пёстрых дятлов, желн, поползней и снегирей. Дерсу сообщил мне, что зимой, когда начинают замерзать реки, все крупные пернатые хищники спускаются к низовьям рек, где им легче найти себе пропитание.

Бягаму встречает Бикин рекой шириной около 100 и глубиной 2—

2,5 метра.

Бикин (по-удэхейски Бики, по-китайски Дизинхе)—одна из самых больших рек Уссурийского края. Она длиной около 500 километров, истоки её находятся в горах Сихотэ-Алиня на широте мыса Гладкого.

Невдалеке от устья реки Бягаму стояла одинокая удэхейская юрта. Видно было, что в ней давно уже никто не жил. Такие брошенные юрты, в представлении туземцев, всегда служат обиталищем злых духов.

По времени нам пора было устраивать бивак. Я хотел было войти в юрту, но Дерсу просил меня подождать немного. Он накрутил на

палку бересту, зажѣг её и, просунув факел в юрту, с криками стал махать им во все стороны. Захаров и Аригин смеялись, а он пресерьёзно говорил им, что, как только огонь вносится в юрту, черт вместе с дымом вылетает через отверстие в крыше. Только тогда человек может войти в неё без опаски.

Стрелки вымели из юрты мусор, полотнищем палатки завесили вход и развели огонь. Сразу стало уютно. Кругом разлилась приятная теплота.

Поздно вечером солдаты опять рассказывали друг другу страшные истории: говорили про мертвецов, кладбища, пустые дома и привидения. Вдруг что-то сильно

бухнуло на реке, точно выстрел из пушки. Рассказчик прервал свою речь на полуслове. Все испуганно переглянулись.

— Лёд треснул, — сказал Захаров.

Дерсу повернул голову в сторону шума и громко закричал что-то на своём языке.

— Кому ты кричишь? — спросил я его. — Наша прогнал черта из юрты, теперь его сердится — лёд ломает, — отвечал гольд.

И, высунув голову за полотнища палатки, он опять стал громко говорить кому-то в пространство.

— Все равно наша не боится. Тебе надо другой место ходи. Там,

выше, есть ещё одна пустая юрта.

Когда Дерсу вернулся на своё место, лицо его было опять равнодушно-сосредоточенное.

Солдаты фыркали в кулак, а между тем со своими домовыми они были так же наивны, как и Дерсу со своим чёртом.

В это время где-то далеко снова треснул лёд.

— Уехал, — сказал Дерсу довольным тоном и махнул рукой в сторону шума.

Я оделся и вышел из юрты. Ночь была ясная. По чистому, безоблачному небу плыла полная луна. Снег искрился на льду, и от этого казалось ещё светлее. В ночном

воздухе опять воцарилось
спокойствие.

Покончив с работой, я ещё раз
напился чаю, завернулся в одеяло и,
повернувшись спиной к огню, сладко
уснул.

Глава двадцать

первая

Зимние праздники

*Река Бикин в среднем
течении. — Зимняя охота на
кабанов. — Вечеринка в юрте. —
Недоразумение с разменом денег. —
Представление туземцев о*

расстояниях. — Ёлка в лесу. — Игры на льду. — Потеря.

Как и надо было ожидать, к рассвету мороз усилился до 32° С. Чем дальше мы отходили от Сихотэ-Алиня, тем ниже падала температура. Известно, что в прибрежных странах очень часто на вершинах гор бывает теплее, чем в долинах. Очевидно, с удалением от моря мы вступили в «озеро холодного воздуха», наполнявшего долину реки Уссури.

С восходом солнца мы тронулись в путь.

От устья Бягаму Бикин, если не считать его частичные изгибы, течёт

всё время на запад. С правой стороны на значительном протяжении тянется высокий террасообразный берег, похожий на плоскогорье и известный у китайцев под названием Лао-бей-лаза^[44]. Это — мощный лавовый покров. Верхний слой базальта превратился в глину, что и послужило причиной заболачивания террасы, а это в свою очередь повлияло на растительность. Поэтому мы видим здесь только березняки, осинники и тощую лиственницу.

С плоскогорья Лао-бей-лаза стекают два ключа: Кямту и Сигими-Бьяса. Далее, с правой стороны, в Бикин впадают: река Бей-си-лаза,

стекающая с горы того же имени, маленький ключик Музейза^[45] и река Лаохозен^[46], получившая своё название от слова «лахоу», что значит «тигр». По рассказам удэheyцев, несколько лет назад здесь появился тигр, который постоянно ходил по соболиным ловушкам, ломал западни и пожирал всё, что в них попадалось.

Ни одна река так сильно не разбивается на протоки, как Бикин. Удэheyцы говорят, что есть места, где можно насчитать 22 протоки. Течение Бикина гораздо спокойнее, чем течение Имана, но русло его завалено топным лесом, что очень затрудняет плавание на лодках. От

устья Бягаму до железной дороги около 350 километров.

Немного ниже Лаохозена находится небольшое удэгейское стойбище, носящее то же название и состоящее из трёх юрт.

Мы подошли к нему в сумерки. Появление неизвестных людей откуда-то «сверху» напугало удэгейцев, но, узнав, что в отряде есть Дерсу, они сразу успокоились и приняли нас очень радушно. На этот раз палаток мы не ставили и разместились в юртах.

Вечером я расспрашивал удэгейцев об их жизни на Бикине и об отношениях их к китайцам.

М. Венюков, путешествовавший

в Уссурийском крае в 1857 году, говорит, что тогда на реке Бикин китайцев не было вовсе, а жили только одни удэгейцы (он называет их ороचनाми). Сыны Поднебесной империи появились значительно позже. Они занесли сюда оспу, которая свирепствовала так сильно, что от некоторых стойбищ не осталось ни одного человека. В 1895 году на Бикине население состояло только из 306 душ обоего пола. Прибывшие на Бикин китайцы скоро превысили в численности удэгейцев, подчинили их себе и сделались полными хозяевами реки. Тогда удэгейцы впали в неоплатные долги и очутились в положении рабов.

Рассказы о бесчеловечном обращении с ними китайцев полны ужаса: людей убивали, продавали, как скотину, избивали палками... Чтобы узнать о числе пойманных соболей, китайцы нередко прибегали к пыткам. Так продолжалось до тех пор, пока на помощь удэгейцам не пришёл начальник Ястребов. С воинской командой он поднялся по реке и выселил с Бикина всех китайцев, оставив только стариков и калек. Эта мера помогла, удэгейцы вздохнули свободнее, но в последние годы опять начался наплыв китайцев на Бикин. На этот раз они колонизировались в местности Сигоу.

Уже две недели, как мы шли по тайге. По тому, как стрелки и казаки стремились к жилым местам, я видел, что они нуждаются в более продолжительном отдыхе, чем обыкновенная ночёвка. Поэтому я решил сделать днёвку в Лаохозенском стойбище. Узнав? об этом, стрелки в юртах стали соответственно располагаться. Бивачные работы отпадали: не нужно было рубить хвою, таскать дрова и т. д. Они разулись и сразу приступили к варке ужина.

В сумерки возвратились с охоты два юноши — удэхейца и сообщили, что недалеко от стойбища они нашли следы кабанов и завтра намерены

устроить на них облаву. Охота обещала быть интересной, и я решил пойти вместе с ними.

Зимой, если снега выпадут глубокие, амурские туземцы охотятся за кабанами на лыжах. Дикие свиньи убегают далеко, но скоро устают. Тогда охотники догоняют их и бьют копьями. Ружей на такую охоту не берут ради экономии патронов, которые в тайге всегда очень дороги. Кроме того, охота с копьём нравится удэгейцам как спорт. Здесь молодые люди имеют случай показать свою силу и ловкость.

С вечера они стали готовиться: перетянули ремни у лыж и подточили копья. Так как на завтра выступление

было назначено до восхода солнца, то после ужина все рано легли спать.

Было ещё темно, когда я почувствовал, что меня кто-то трясёт за плечо. Я проснулся. В юрте ярко горел огонь. Удэheyцы уже приготовились; задержка была только за мной. Я быстро оделся, сунул два сухаря в карман и вышел на берег реки.

Чуть брезжилось; звезды погасли одна за другой; побледневший месяц медленно двигался навстречу лёгким воздушным облачкам. На другой стороне неба занималась заря. Утро было холодное. В термометре ртуть опустилась до -39° С. Кругом

царила торжественная тишина; ни единая былинка не шевелилась. Тёмный лес стоял стеной и, казалось, прислушивался, как; трещат от мороза деревья. Словно щёлканье бича, звуки эти звонко разносились в застывшем утреннем воздухе.

Удэхейцы шли впереди, а я следовал за ними. Пройдя немного по реке Лаохозен, они свернули в сторону, затем поднялись на небольшой хребет и спустились с него в соседний распадок. Тут охотники стали совещаться. Поговорив немного, они снова пошли вперёд, но уже тихо, без разговоров.

Через полчаса стало совсем

светло. Солнечные лучи, осветившие вершины гор, известили обитателей леса о наступлении дня.

В это время мы как раз дошли до того места, где юноши накануне видели следы кабанов.

Надо заметить, что летом дикие свиньи отдыхают днём, а ночью кормятся. Зимой обратное: днём они бодрствуют, а на ночь ложатся. Значит, вчерашние кабаны не могли уйти далеко. Началось преследование.

Я первый раз в жизни видел, как быстро удэхейцы ходят по лесу на лыжах. Вскоре я начал отставать от удэхейцев и затем потерял их из виду совсем. Бежать за ними вдогонку не

имело смысла, и потому я пошёл по их лыжне, не торопясь. Так прошёл я, вероятно с полчаса; наконец устал и сел отдохнуть. Вдруг позади меня раздался какой-то шум. Я обернулся и увидел двух кабанов, мелкой рысцой перебежавших мне дорогу. Я быстро поднял ружьё и выстрелил, но промахнулся. Испуганные кабаны бросились в сторону. Не найдя крови на следах, я решил их преследовать. Минут через пятнадцать или двадцать я снова догнал кабанов. Они, видимо, устали и шли с трудом по глубокому снегу. Вдруг животные почуяли опасность и, словно солдаты по команде, быстро повернулись ко мне головами. По тому, как они

двигали челюстями, и по звуку, который долетал до меня, я понял, что они подтачивали клыки. Глаза животных горели, ноздри были раздуты, уши насторожены. Будь один кабан, я, может быть, стрелял бы, но передо мной были два секача. Несомненно, они бросятся мне навстречу. Я воздержался от выстрела и решил подождать другого, более удобного случая. Кабаны перестали щёлкать клыками; они подняли кверху свои морды и стали усиленно нюхать воздух, затем медленно повернулись и пошли дальше. Тогда я обошёл стороною и снова догнал их. Кабаны остановились опять. Один из них

клыками стал рвать кору на валежнике. Вдруг животные насторожились, затем издали короткий рёв и пошли прокладывать дорогу влево от меня. В это время я увидел четырёх удэхейцев. По выражению их лиц я понял, что они заметили кабанов. Я присоединился к ним и пошёл сзади. Дикае свиные далеко уйти не могли. Они остановились и приготовились к обороне. Удэхейцы обошли их кругом и стали сходитьея к центру. Это заставило кабанов вертеться то в одну, то в другую сторону. Наконец они не выдержали и бросились вправо. С удивительной ловкостью удэхейцы ударили их копьями.

Одному кабану удар пришёлся прямо под лопатку, а другой был ранен в шею. Этот последний ринулся вперёд. Молодой удэхеец старался сдержать его копьём, но в это время слышался короткий сухой треск. Древко копья было перерезано клыками кабана, как тонкая хворостинка. Охотник потерял равновесие и упал вперёд. Кабан метнулся в мою сторону. Инстинктивно я поднял ружьё и выстрелил почти в упор. Случайно пуля попала прямо в голову зверя. Тут только я заметил, что удэхеец, у которого кабан сломал копьё, сидел на снегу и зажимал рукой на ноге рану, из которой обильно текла

кровь. Когда кабан успел царапнуть его клыком, не заметил и сам пострадавший. Я сделал ему перевязку, а удэheyцы наскоро устроили бивак и натаскали дров. Один человек остался с раненым, другой отправился за нартами, а остальные снова пошли на охоту.

Ранение охотника не вызвало на стойбище тревоги; жена смеялась и подшучивала над мужем. Случаи эти так часты, что на них никто не обращал внимания. На теле каждого мужчины всегда можно найти следы кабаньих клыков и когтей медведя.

За день стрелки исправили поломки у нарт, удэгейские женщины починили унты и одежду. Чтобы облегчить людей, я нанял двух человек с нартами и собаками проводить нас до следующего стойбища.

На другой день, 23 декабря, мы продолжали наш путь.

Дальше река Бикин течёт по-

прежнему на северо-запад. Долина её то суживается до 200 метров, то расширяется до 3 и более километров.

Здесь, в горах, растёт преимущественно хвойный строевой лес, а внизу, в долине, — смешанный, состоящий из ясеня, тополя, вяза, ильма, клёна, дуба, липы и бархата.

После Лаохозена Бикин принимает в себя справа следующие реки: Сагде-ула, Кангату и Хабагоу, а слева — Чугулянкуни, Давасигчи и Сагде-гэ (по-китайски Ситцихе). С Давасигчи перевал будет опять-таки на реке Арму, в среднем её течении. Две высокие сопки с правой стороны

реки носят название Лао-бей-лаза и Сыфантай.

Около устья реки Давасигчи было удэхайское стойбище, состоящее из четырёх юрт. Мужчины все были на охоте, дома остались только женщины и дети. Я рассчитывал сменить тут проводников и нанять других, но из-за отсутствия мужчин это оказалось невозможным. К моей радости, лаохозенские удэхайцы согласились идти с нами дальше.

После полудня мы миновали ещё одно стойбище — Канготу. Здесь мы расстались с маньчжуром Чи Ши-у. Я снабдил его деньгами и продовольствием.

Незадолго до сумерек, немного не доходя реки Хабагоу, мы нашли ещё одну жилую юрту и около неё стали биваком. В юрте была молодая женщина с двумя малыми детьми; муж её тоже был на охоте. На этот раз я остался со стрелками в палатке. Вечером за мной пришёл Дерсу и сказал, что женщина просит меня пожаловать к ней в гости. Обыкновенно удэгейские женщины до крайности молчаливы. Они всегда смотрят угрюмо, недоверчиво, не разговаривают с посторонними и часто даже лаконично не отвечают на задаваемые вопросы. В противоположность им наша новая знакомая была очень приветлива,

держала себя просто и непринуждённо. Она расспрашивала нас о кусунских тазах, о жизни в городе, о железной дороге и т. д. После ужина я попросил её разменять мне 10 рублей. Женщина стала тихонько о чём-то шептаться с Дерсу. Он что-то отвечал ей и громко смеялся. Потом я узнал, что она не понимает толку в деньгах, и спрашивала его, не обману ли я её, если она принесёт деньги и предоставит мне самому в них разобраться. Получив успокоительный ответ, она отправилась в амбар и принесла оттуда небольшую берестяную коробочку, украшенную орнаментом.

В этой коробочке бумажных денег было рублей сорок. Подавая мне коробку, она сказала, что муж её предпочитает серебряные деньги бумажным, потому что их можно прятать в земле, а она — потому, что их можно нашивать на одежду.

Я хотел разменять деньги помельче и, положив десятирублёвую бумажку ей на колени, стал отбирать из коробки рубливки. Вдруг я увидел на глазах её слезы.

— Что такое? — спросил я гольда.

— Она говорит, — ответил мне Дерсу, — что ты дал ей одну бумажку, а из коробки взял десять.

Я сказал ей, чтобы она не

беспокоилась, что я её не обману и когда муж её придёт, то увидит, что я поступил правильно. Но удэheyка отвечала, что муж её тоже не понимает счета в деньгах, и продолжала заливаться слезами. Чтобы успокоить её, я отказался от размена денег, положил рублёвые бумажки обратно, взял назад свою десятирублёвку и подарил ей новенький серебряный полтинник. Тревога мигом сбежала с её лица; сквозь слёзы она улыбнулась, затем принялась нас угощать чумизной кашей с рыбьей икрой и снова стала спрашивать о жизни удэheyцев, живущих по ту сторону Сихотэ-Алиня.

Часов в девять вечера я вышел из юрты и невольно обратил внимание на небо. Вследствие ли особенной чистоты воздуха или каких-либо иных причин звезды по величине и яркости лучей казались крупнее, и от этого на небе было светлее, чем на земле. Контур соседних гор и остроконечные вершины елей были видны отчётливо, ясно, зато внизу все утопало во тьме. Неясные, почти неуловимые ухом звуки наполняли сонный воздух; шум от полёта ночной птицы, падения снега с ветки на ветку, шелест колеблемой лёгким дуновением слабого ветерка засохшей былинки — всё это вместе не могло нарушить тишины,

царившей в природе.

Я подошёл к палатке. Стрелки давно уже спали. Я посидел немного у огня, затем снял обувь, пробрался на своё место и тотчас уснул.

На следующий день мы пошли дальше. В горах были видны превосходные кедровые леса, зато в долине хвойные деревья постепенно исчезали, а на смену им выступали широколиственные породы, любящие илистую почву и обилие влаги.

Животный мир этих лесов весьма разнообразен. Тут водятся тигр, рысь, дикая кошка, белка, бурундук, изюбр, козуля, кабарга, росомаха, соболь, хорёк и летяга. Белогрудый медведь встречается по

нижнему течению Бикина только до реки Хабагоу; выше будут владения бурого медведя. Когда бывает урожай кедровых орехов, то кабаны поднимаются до реки Бягаму, если же кедровых орехов уродится мало, то они спускаются книзу, за скалы Сигонку-Гуляни. Бикин по справедливости считается одной из самых рыбных рек в крае. В нём во множестве водятся: вверху — хариус и ленок, по протокам в тинистых водах — сазан, налим и щука, а внизу, ближе к устью, — таймень и сом. Кета поднимается почти до самых истоков.

Около скал Сигонку стояли удэгейцы. От них я узнал, что на

Бикине кого-то разыскивают и что на розыски пропавших выезжал пристав, но вследствие глубокого снега возвратился обратно. Я тогда ещё не знал, что это касалось меня. По рассказам удэheyцев, дальше были ещё две пустые юрты..... В этом покинутом стойбище я решил в первый предпраздничный день устроить днёвку.

— В каком это месте? — спросил я удэheyцев.

— Бей-си-лаза-датани, — отвечал один из них.

— Сколько вёрст? — спросил его Захаров.

— Две, — отвечал удэхеец уверенно.

Я попросил его проводить нас, на что он охотно согласился. Мы купили у них сохатиного мяса, рыбы, медвежьего сала и пошли дальше. Пройдя 3 километра, я спросил проводника, далеко ли до юрты.

— Недалеко, — отвечал он.

Однако мы прошли ещё 4 километра, а стойбище, как заколдованное, уходило от нас всё дальше и дальше. Пора было становиться на бивак, но обидно было копать в снегу и ночевать по соседству с юртами. На все вопросы, далеко ли ещё, удэхеец отвечал коротко:

— Близко.

За каждым изгибом реки я

думал, что увижу юрты, но поворот следовал за поворотом, мыс за мысом, а стойбища нигде не было видно. Так прошли мы ещё километров восемь. Вдруг меня надоумило спросить проводника, сколько вёрст ещё осталось до Бейси-лаза-датани.

— Семь, — отвечал он тем же уверенным тоном.

Стрелки так и сели и начали ругаться. Оказалось, что наш проводник не имел никакого понятия о верстах. Об этом удэheyцев никогда не следует спрашивать. Они меряют расстояние временем: полдня пути, один день, двое суток и т. д.

Тогда я подал сигнал к

остановке. Удэхеец говорил, что юрты совсем близко, но никто ему уже не верил. Стрелки принялись спешно разгребать снег, таскать дрова и ставить палатки. Мы сильно запоздали: глубокие сумерки застали нас за работой. Несмотря на это, бивак вышел очень удобный.

Вечером я угостил своих спутников шоколадом и ромом. Потом я рассказал им о жизни в Древнем Риме, о Колизее и гладиаторах, которые своими страданиями должны были увеселять развращённую аристократию.

Стрелки слушали меня с глубоким вниманием.

Потом я показывал им созвездия

на небе. Днём, при солнечном свете, мы видим только Землю, ночью мы видим весь мир. Словно блестящая световая пыль была рассыпана по всему небосклону. От тихих сияющих звёзд, казалось, нисходил на землю покой, и потому в природе было всё так торжественно и тихо.

Следующий день мы простояли на месте.

Ещё при отъезде из Владивостока я захватил с собой ёлочные украшения: хлопушки, золочёные орехи, подсвечники с зажимами, золотой дождь, парафиновые свечи, фигурные пряники и тому подобные подарки: серебряную рюмку, перочинный нож

в перламутровой оправе, янтарный мундштук и т. д. Всё это я хранил в коллекционных ящиках и берег для праздника.

Около нашей палатки росла небольшая ёлочка. Мы украсили её бонбоньерками и ледяными сосульками.

Днём на реке были устроены игры. К вбитому в лёд колу привязали две верёвки, концы их прикрепили к поясам двух человек и завязали им глаза. Одному в руки был дан колокольчик, а другому — жгут из полотенца. Сущность игры заключалась в том, что один должен был звонить в колокольчик и уходить, а другой подкрадываться на звук и

бить звонаря жгутом. Игра эта увлекала всех. Туземцы смеялись до упаду и катались по земле так, что я не на шутку стал опасаться за их здоровье. Когда стемнело, я велел зажечь бенгальские огни. Вечер был ясный и тихий.

При розыгрыше подарков Дерсу выиграл трубку, что вышло как раз к стати. Затем были розданы сласти. Все были довольны и веселы. Пение стрелков далеко разносилось по реке, будило эхо и лесных зверей.

Около полуночи стрелки ушли в палатки и, лёжа на сухой траве, рассказывали друг другу анекдоты, острили и смеялись. Мало-помалу голоса их стали затихать, реплики

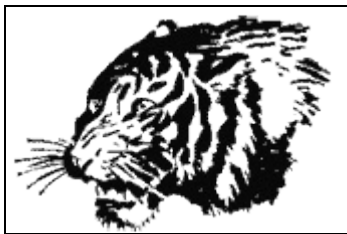
становились всё реже и реже. Стрелок Туртыгин пробовал было возобновить разговор, но ему уже никто не отвечал.

Скоро дружный храп возвестил о том, что все уснули.

Глава двадцать

вторая

Нападение тигра

Размен денег. — Замерзание реки. — Таза Китенбу. — Река Катэтабауни. — Перевал на Хор. — Непогода. — Бивак в снегу. — Дерсу и Альпа. — Буря. — Кабаны. —

*Тревожная ночь. — Тигр. —
Рассвет. — Преследование зверя. —
Следы. — Возвращение на бивак. —
Росомахи.*

Утром я отпустил обоих проводников. Тут случилось довольно забавное происшествие. Я дал им каждому по 10 рублей: одному — 10 рублей бумажкой, а другому — две пятирублёвые. Тогда первый обиделся. Я думал, что он недоволен платой, и указал ему на товарища, который явно выказывал удовлетворение. Оказалось совсем иное: удэхеец обиделся на то, что я дал ему одну бумажку, а товарищу две. Я забыл, что они не разбираются

в деньгах. Желая доставить удовольствие второму, я дал ему взамен десятирублёвой бумажки три трёхрублёвые и одну рублёвую. Тогда обиделся тот, у которого были две пятирублёвые бумажки.

Чтобы помирить их, пришлось дать тому и другому бумажки одинакового достоинства. Надо было видеть, с каким довольным видом они отправились восвояси.

После днёвки у всех было хорошее настроение; люди шли бодро и весело.

От удэгейцев я узнал, что гроза со снегом, которую мы наблюдали 26 ноября на реке Нахтоху, была одновременно и на Бикине. Первый

снег выпал здесь 11 ноября, когда река только что начала замерзать. Лёд, прикрытый снегом, уже не утолщался более. Наоборот, там, где снег сдуло ветрами, река промёрзла глубоко. Вот почему замерзание местных рек отличается такой неравномерностью. Толщина льда часто колеблется от 1 до 70 сантиметров. Поэтому если снег выпал рано, то по реке надо ходить осторожно, всё время пробуя лёд толстой палкой. В этом случае незаменимыми являются лыжи. Если лёд выдерживает удары палки, можно идти свободно без лыж. Стрелки с недоверием отнеслись к словам удэгейцев и шли не разбирая,

но после одного-двух купаний убедились, что такими советами пренебрегать нельзя.

За день мы прошли километров 18 и стали биваком около реки Катэтабауни.

Здесь оказались три юрты и одна фанза, называемая Сидунгоу^[47]. В ней жили два старика; один из них был таза, другой — китаец-соболёвщик. Хозяева фанзочки оказались очень гостеприимными и всячески старались нам услужить.

Мне очень хотелось подняться на Хорский перевал. Я стал расспрашивать о дороге. Таза Китенбу (так звали нашего нового знакомого) изъявил согласие быть

проводником. Ему, вероятно, было около 60 лет. В волосах на голове у него уже показались серебряные нити, и лицо покрылось морщинами. По внешнему виду он несколько не отличался от китайцев. Единственным доказательством его туземного происхождения было его собственное заявление. Он рассказывал, что ранее жил на Уссури, но, потесненный русскими переселенцами, перекочевал на реку Бикин, где и живёт уже более 10 лет.

Китенбу тотчас же стал собираться. Он взял с собой заплатанное одеяло, козью шкуру и старую, много раз чинённую берданку; я взял чайник, записную

книжку и спальный мешок, а Дерсу — полотнище палатки, трубку и продовольствие.

Кроме нас троих в отряде было ещё два живых существа: моя Альпа и другая, принадлежащая тазе серенькая остромордая собачка со стоячими ушами по кличке Кады.

Катэ-Табань (Катэтабауни)— маленькая горная речка, протекающая по долине, суженной близ устья и несколько расширяющейся к истокам. Окружающие её горы покрыты старым хвойно-смешанным лесом. С утра стояла хорошая погода. Мы рассчитывали, что к вечеру успеем дойти до зверовой фанзы по ту

сторону водораздела. Однако нашим мечтаниям не суждено было сбыться. После полудня небо стало заволакиваться слоистыми облаками; вокруг солнца появились круги, и вместе с тем начал подниматься ветер. Я хотел уже было повернуть назад, но Дерсу успокоил меня, сказав, что пурги не будет, будет только сильный ветер, который завтра прекратится. Так оно и случилось. Часа в четыре пополудни солнце скрылось, и не разберёшь, в тучах или в тумане. Воздух был наполнен сухой снежной пылью.

Поднявшийся ветер дул нам навстречу и, как ножом, резал лицо. Когда начало смеркаться, мы были

как раз на водоразделе. Здесь Дерсу остановился и стал о чём-то совещаться со стариком тазой. Подойдя к ним, я узнал, что старик таза немного сбился с дороги.

Из опасения заблудиться они решили заночевать под открытым небом.

— Капитан, — обратился ко мне Дерсу, — сегодня наша фанза найди нету, надо бивак делай.

— Хорошо, — сказал я, — давайте выбирать место.

Оба моих спутника ещё поговорили между собой и, отойдя в сторону шагов 20, начали снимать котомки.

Место для бивака было выбрано

нельзя сказать чтобы удачное. Это была плоская седловина, поросшая густым лесом. В сторону от неё тянулся длинный отрог, оканчивающийся небольшой конической сопкой. По обеим сторонам седловины были густые заросли кедровника и ещё какого-то кустарника с неопавшей сухой листвой. Мы нарочно зашли в самую чащу его, чтобы укрыться от ветра, и расположились у подножия огромного кедра высотой, вероятно, метров 20.

Дерсу взял топор и пошёл за дровами, старик таза начал резать хвою для подстилки, а я принялся раскладывать костёр.

Только к шести с половиной часам мы окончили бивачные работы и сильно устали. Когда вспыхнул огонь, на биваке стало сразу уютнее. Теперь можно было переобуться, обсушиться и подумать об ужине. Через полчаса мы пили чай и толковали о погоде.

Моя Альпа не имела такой тёплой шубы, какая была у Кады. Она прозябла и, утомлённая дорогой, сидела у огня, зажмурив глаза, и, казалось, дремала. Тазовская собака, с малолетства привыкшая к разного рода лишениям, мало обращала внимания на невзгоды походной жизни. Свернувшись калачиком, она легла в стороне и тотчас уснула.

Снегом всю её запорошило. Иногда она вставала, чтобы встряхнуться, затем, потоптавшись немного на месте, ложилась на другой бок и, уткнув нос под брюхо, старалась согреть себя дыханием.

Дерсу всегда жалел Альпу и каждый раз, прежде чем разуться, делал ей из еловых ветвей и сухой травы подстилку. Если поблизости не было ни того, ни другого, он уступал ей свою куртку, и Альпа понимала это. На привалах она разыскивала Дерсу, прыгала около него, трогала его лапами и всячески старалась обратить на себя внимание. И как только Дерсу брался за топор, она успокаивалась и уже терпеливо

дождалась его возвращения с охапкой еловых веток.

Сами мы были утомлены не меньше, чем собаки, и потому тотчас после чая, подложив побольше дров в костёр, стали устраиваться на ночь.

Расположились мы у огня каждый в отдельности. С подветренной стороны расположился я; Дерсу поместился сбоку.

Он устроил себе нечто вроде палатки, а на плечи набросил шинель. Старик таза поместился у подножия кедра, прикрывшись одеялом. Он взялся караулить бивак и поддерживать огонь всю ночь. Нарубив еловых веток, я разостлал на них свой мешок и устроился очень

удобно. С одной стороны от ветра меня защищала валежина, а с другой — горел огонь.

В большом лесу во время непогоды всегда жутко. Так и кажется, что именно то дерево, под которым спишь, упадёт на тебя и раздавит. Несмотря на усталость, я долго не мог уснуть.

Кто-то привёл ветер в такое яростное состояние, что он, как бешеный зверь, бросался на всё, что попадалось ему на пути. Особенно доставалось деревьям. Это была настоящая борьба лесных великанов с обезумевшей воздушной стихией. Ветер налетал порывами, рвал, потом убегал прочь и жалобно выл в

стороне. Являлось впечатление, будто мы попали в самую середину гигантского вихря. Ветер описывал большой круг, возвращался на наш бивак и нападал на кедр, стараясь во что бы то ни стало опрокинуть его на землю. Но это не удалось.

Лесной великан хмурился и только солидно покачивался из стороны в сторону. Я вспомнил пургу около озера Ханка и снежную бурю при переходе через Сихотэ-Алинь. Я слышал, как таза подкладывал дрова в огонь и как шумело пламя костра, раздуваемое ветром. Потом всё перепуталось, и я задремал. Около полуночи я проснулся. Дерсу и Китенбу не спали и о чём-то

говорили между собой. По интонации голосов я догадался, что они чем-то встревожены.

«Должно быть, кедр качается и грозит падением», — мелькнуло у меня в голове.

Я быстро сбросил с головы покрывку спального мешка и спросил, что случилось.

— Ничего, ничего, капитан, — отвечал мне Дерсу, но я заметил, что говорил он неискренно. Ему просто не хотелось меня беспокоить.

На биваке костёр горел ярким пламенем. Дерсу сидел у огня и, заслонив рукой лицо от жара, поправлял дрова, собирая уголья в одно место; старик Китенбу гладил

свою собаку. Альпа сидела рядом со мной и, видимо, дрожала от холода. Казалось, что все злые духи собрались в одно место и с воем и плачем носились по тайге друг за другом, точно они хотели разрушить порядок, данный природе, и создать снова хаос на земле. Слышались то иступленный плач и стенания, то дикий хохот и вой; вдруг на мгновение наступала тишина, и тогда можно было разобрать, что происходит поблизости. Но уже но этим перерывам было видно, что ветер скоро станет стихать.

Дрова в костре горели ярко. Чёрные тени и красные блики двигались по земле, сменяя друг

друга; они то удалялись от костра, то приближались к нему вплотную и прыгали по кустам и снежным сугробам.

— Ничего, капитан, — сказал мне опять Дерсу. — Твоя можно спи. Наша так, сам говори.

Я не заставил себя упрашивать, закрылся опять с головой и заснул. Приблизительно через полчаса я снова проснулся. Меня разбудили голоса.

«Что-то неладное», — подумал я и вылез из мешка.

Буря понемногу стихала. На небе кое-где показались звезды. Каждый порыв ветра сыпал на землю сухой снег с таким шумом, точно это был

песок. Около огня я увидел своих приятелей. Таза был на ногах и к чему-то прислушивался. Дерсу стоял боком и, заслонив ладонью свет от костра, всматривался в темноту ночи. Собаки тоже не спали; они жались к огню, пробовали было ложиться, но тотчас же вскакивали и переходили на другое место. Они что-то чуяли и смотрели в ту же сторону, куда направлены были взоры Дерсу и старика тазы.

Ветер сильно раздувал огонь, вздымая тысячи искр кверху, кружил их в воздухе и уносил куда-то в глубь леса.

— Что такое, Дерсу?! — спросил я гольда.

— Кабаны ходи, — отвечал он.

— Ну так что же?

Кабаны в лесу — это так естественно: животные шли, наткнулись на наш бивак и теперь шумно выражали своё неудовольствие.

Дерсу сделал рукой досадливый жест и сказал:

— Как тебе столько тайга ходи —понимай нету!... Зимой ночью кабаны ходи не хочу.

В той стороне, куда смотрели Дерсу и Китенбу, слышались треск ломаемых сучьев и характерное «чиханье» диких свиней.

Немного не доходя до нашего бивака, кабаны спустились с

седловины и обошли коническую сопку стороной.

Я размялся, и спать мне уже не хотелось.

— А почему эти кабаны идут ночью? — спросил я Дерсу.

— Его напрасно ходи нету, — отвечал он. — Его другой люди гоняй.

Я подумал было, что он говорит про удэхейцев, и мысленно удивился, как ночью они ходят по тайге на лыжах. Но вспомнил, что Дерсу «людьми» называл не одних только людей, и сразу всё понял: кабанов преследовал тигр. Значит, хищник был где-то поблизости от нас.

Понемногу в природе стал

воцаряться порядок. Какая-то другая сила начала брать верх над ветром и заставляла его успокаиваться. Но, судя по тому, как качались старые кедры, видно было, что там, вверху, не все ещё благополучно.

Я не стал дожидаться чая, подтащил свой мешок поближе к огню, залез в него и опять заснул. Мне показалось, что я спал очень долго. Вдруг что-то тяжёлое навалилось мне на грудь, и одновременно с этим я услышал визг собаки и отчаянный крик Дерсу:

— Скорей!

Быстро сбросил я с себя верхний клапан мехового мешка. Снег и сухие листья обдали мне лицо. В то же

мгновение я увидел, как какая-то длинная тень скользнула наискось к лесу. На груди у меня лежала Альпа.

Костёр почти что совсем угас: в нём тлели только две головешки. Ветер раздувал уголья и разносил искры по снегу. Дерсу сидел на земле, упёршись ногами в снег. Левой рукой он держался за грудь и, казалось, хотел остановить биение сердца. Старик таза лежал ничком в снегу и не шевелился.

Несколько мгновений я не мог сообразить, что случилось и что мне надо делать. С трудом я согнал с себя собаку, вылез из мешка и подошёл к Дерсу.

— Что случилось? — спросил я

его, трясая за плечо.

— Амба, Амба! — испуганно закричал он. — Амба совсем наша бивак ходи! Один собака таскай!

Тут только я заметил, что нет тазовской собаки.

Дерсу поднялся с земли и стал приводить в порядок костёр.

Как только появился огонь, таза тоже пришёл в себя; он испуганно озирался по сторонам и имел вид сумасшедшего. В другое время он показался бы смешным.

На этот раз больше всех самообладания сохранил я. Это потому, что я спал и не видел того, что тут произошло. Однако скоро мы поменялись ролями: когда Дерсу успокоился, испугался я. Кто поручится, что тигр снова не придёт на бивак, не бросится на человека? Как всё это случилось и как это никто не стрелял?

Оказалось, что первым проснулся Дерсу; его разбудили собаки. Они всё время прыгали то на одну, то на другую сторону костра. Спасаясь от тигра, Альпа бросилась прямо на голову Дерсу. Спросонья он толкнул её и в это время увидел

совсем близко от себя тигра. Страшный зверь схватил тазовскую собаку и медленно, не торопясь, точно понимая, что ему никто помешать не может, понёс её в лес. Испуганная толчком, Альпа бросилась через огонь и попала ко мне на грудь. В это самое время я услышал крик Дерсу.

Инстинктивно я схватил ружьё, но не знал, куда стрелять. Вдруг в зарослях позади меня раздался шорох. — Здесь! — сказал шёпотом таза, указывая рукой вправо от кедра.

— Нет, тут, — ответил Дерсу, указывая в сторону, совершенно противоположную.

Шорох повторился, но на этот

раз с обеих сторон одновременно. Ветер шумел вверху по деревьям и мешал слушать. Порой мне казалось, что я как будто действительно слышу треск сучков и вижу даже самого зверя, но вскоре убеждался, что это совсем не то: это был или колодник, или молодой ельник.

Кругом была такая чаща, сквозь которую и днём-то ничего нельзя было бы рассмотреть.

— Дерсу, — сказал я гольду, — полезай на дерево. Тебе сверху хорошо будет видно.

— Нет, — отвечал он, — моя не могу. Моя старый люди: теперь дерево ходи — совсем понимай нету.

Старик таза тоже отказался

лезть на дерево. Тогда я решил взобраться на кедр сам. Ствол его был ровный, гладкий и с подветренной стороны запорошённый снегом. С большими усилиями я поднялся не более как на три метра. У меня скоро озябли руки, и я должен был спуститься обратно на землю.

— Не надо, — сказал Дерсу, поглядывая на небо. — Скоро ночь кончай.

Он взял винтовку и выстрелил в воздух. Как раз в это время налетел сильный порыв ветра. Звук выстрела затерялся где-то поблизости. Мы разложили большой огонь и принялись готовить чай. Альпа всё

время жалась то ко мне, то к Дерсу и при малейшем шуме вздрагивала и испуганно озиралась по сторонам.

Минут 40 мы ещё сидели у огня и делились впечатлениями.

Наконец начало светать. Воздух наполнился неясными сумеречными тенями, звезды стали гаснуть, точно они уходили куда-то в глубь неба. Ещё немного времени — и кроваво-красная заря показалась на востоке. Ветер стал быстро стихать, а мороз — усиливаться. Тогда Дерсу и Китенбу пошли к кустам. По следам они установили, что мимо нас прошло девять кабанов и что тигр был большой и старый. Он долго ходил около бивака и тогда только

напал на собак, когда костёр совсем угас.

Я предложил Дерсу оставить вещи в лагере и пойти по тигриному следу. Я думал, что он откажется, и был удивлён, узнав, что Дерсу согласен отнять у тигра задавленную собаку.

Гольд стал говорить о том, что тигру дано в тайге много корма и запрещено нападать на человека. Этот тигр следил кабанов, но по пути увидел людей, напал на наш бивак и украл собаку.

— Такой Амба можно стреляй, греха нет, — закончил он свою длинную речь.

Закусив наскоро холодным

мясом и напившись горячего чая, мы надели лыжи и пошли по тигриному следу.

Непогода совсем почти стихла. Вековые ели и кедры утратили свой белый наряд, зато на земле во многих местах намело большие сугробы. По ним скользили солнечные лучи, и от этого в лесу было светло по-праздничному.

От нашего бивака тигр шёл обратно старым следом и привёл нас к валежнику. Следы шли прямо под бурелом.

— Не торопись, капитан, — сказал мне Дерсу. — Прямо ходи не надо; надо кругом ходи, хорошо посмотри.

Мы стали обходить бурелом стороною.

— Уехали! — вдруг закричал Дерсу и быстро повернул в направлении нового следа.

Тут ясно было видно, что тигр долго сидел на одном месте. Под ним подтаял снег. Собаку он положил перед собой и слушал, нет ли сзади погони. Потом он понёс её дальше.

Так мы прошли ещё три часа.

Тигр не шёл прямо, а выбирал такие места, где было меньше снега, где гуще были заросли и больше бурелома. В одном месте он взобрался на поваленное дерево и долго стоял на нём, но вдруг чего-то испугался, прыгнул на землю и

несколько метров полз на животе. Время от времени он останавливался и прислушивался; когда мы приближались, то уходил сперва прыжками, а потом шагом и рысью.

Наконец Дерсу остановился и стал советоваться со стариком тазой. По его мнению, надо было возвратиться назад, потому что тигр не был ранен, снег недостаточно глубок и преследование являлось бесполезной тратой времени.

Мне казалось странным и совершенно непонятным, почему тигр не ест собаку, а тащит её с собой. Как бы в ответ на мои мысли, Дерсу сказал, что это не тигр, а тигрица и что у неё есть тигрята; к

ним-то она и несёт собаку. К своему логовищу она нас не поведёт, а будет водить по сопкам до тех пор, пока мы от неё не отстанем. С этими доводами нельзя было не согласиться.

Когда было решено возвращаться на бивак, Дерсу повернулся в ту сторону, куда ушёл тигр, и закричал:

— Амба! Твоя лицо нету. Ты вор, хуже собаки. Моя тебя не боится. Другой раз тебя посмотри — стреляй.

После этого он закурил свою трубку и пошёл назад по протоптанной лыжне.

Немного не доходя до бивака, как-то случилось так, что я ушёл

вперёд, а таза и Дерсу отстали. Когда я поднялся на перевал, мне показалось, что кто-то с нашего бивака бросился под гору. Через минуту мы подходили к табору.

Все наши вещи были разбросаны и изорваны. От моего спального мешка остались одни клочки. Следы на снегу указывали, что такой разгром произвели две росوماхи. Их-то, вероятно, я и видел при приближении к биваку.

Собрав, что можно было, мы быстро спустились с перевала и пошли назад, к биваку.

Идти под гору было легко, потому что старая лыжня хотя и была запорошена снегом, но крепко

занастилась. Мы не шли, а просто бежали и к вечеру присоединились к своему отряду.

Глава двадцать третья Конец путешествию

Река Бикин в нижнем течении. — Ночёвка в покинутом жилище. — Грязная вода. — Местность Сигоу. — Новый год. — Приём у китайцев. — Встреча с

Мерзляковым. — Олон. — Порочное население. — Табандо. — Река Алчан. — Железнодорожная станция.

Двадцать девятого декабря мы выступили в дальнейший поход вниз по реке Бикин, которая здесь течёт строго на запад. Чем ниже, тем больше река разбивается на протоки. При умении можно ими пользоваться и значительно сокращать дорогу.

На островах между протоками, в местностях Хойтун и Митахеза, мы встречаем туземцев, рождённых от брака китайцев с удэгейскими женщинами. Это те же чжагубай^[48] (по-китайски «кровосмешение»), что

и в прибрежном районе на реках Тадушу, Тетюхе и Санхобе. Они живут в фанзах китайского типа и занимаются рыболовством, охотой и огородничеством. Насколько недавно люди эти занялись земледелием, видно из того, что на возделываемой ими земле сохранились пни, которые они не успели ещё выкорчевать.

Река Бикин считается самой лесистой рекой. Лесом покрыто все: горы, долины и острова. Бесконечная тайга тянется во все стороны на сотни километров. Немудрёно, что места эти в бассейне Усури считаются самыми зверовыми.

Около горы Бомыдинза, с правой стороны Бикина, мы нашли одну

пустую удэгейскую юрту. Из осмотра её Дерсу выяснил, почему люди покинули жилище, — черт мешал им жить и строил разные козни: кто-то умер, кто-то сломал ногу, приходил тигр и таскал собак. Мы воспользовались этой юртой и весьма удобно расположились в ней на ночлег.

Стрелки пошли за дровами, а Дерсу опять принялся дымом изгонять черта из юрты. Я взял ружьё и пошёл вниз по реке на разведку.

С утра хмурившаяся погода разразилась крупным мокрым снегом при полном безветрии.

Громадные кедры, словно исполинские часовые, стояли теперь

неподвижно и не шептались между собой.

Вечерние сумерки, хлопья снега, лениво падающего с неба, и угрюмый, молчаливый лес — всё это вместе создавало картину бесконечно тоскливую...

Мимо меня бесшумно пролетела сова, испуганный заяц шарахнулся в кусты, и сова тотчас свернула в его сторону. Я посидел немного на вершине и пошёл назад. Через несколько минут я подходил к юрте. Из отверстия её в крыше клубами вырывался дым с искрами, из чего я заключил, что мои спутники устроились и варили ужин.

За чаем стали опять говорить о

привидениях и злых духах.

Захаров все домогался, какой черт у гольдов. Дерсу сказал, что черт не имеет постоянного облика и часто меняет «рубашку», а на вопрос, дерётся ли черт с добрым богом Эндури, гольд пресерьёзно ответил:

— Не знаю! Моя никогда это не видел.

После чая, когда все легли на свои места, я ещё с час работал, приводил в порядок свой дневник и затем все покончил сном.

30 декабря наш отряд дошёл до местности Тугулу с населением, состоящим из «кровосмешанных» туземцев. Чем ближе мы подвигались к Уссури, тем больше и больше

встречалось китайцев и тем больше утрачивался тип удэгейцев.

В этих местах Бикин принимает в себя следующие маленькие речки: Амба, Фунзилаза^[49], Уголикоколи, Рохоло и Тугулу. Из возвышенностей в этом районе следует отметить с правой стороны гранитные сопки Фунзилаза, Рохоло, Джара-Хонкони, местность Ванзиками, а с левой стороны — Вамбабоза с вершинами Амбань, Уголи и Лансогой со скалой Банга, состоящей из мелафира.

Ниже Сыфантая Бикин достигает ширины 200 метров при глубине около 2 метров и скорости течения 4 километра в час.

Потому ли, что земля

переместилась в плоскости эклиптики по отношению к солнцу, или потому, что мы всё более и более удалялись от моря (вероятно, имело место и то и другое), но только заметно день удлинился и климат сделался ровнее. Сильные ветры остались позади. Барометр медленно поднимался, приближаясь к 760. Утром температура стояла низкая (—30°С), днём немного повышалась, но к вечеру опять падала до—25° С.

Сегодня случилось маленькое событие, опечалившее Дерсу и очень меня насмешившее.

В моей сумочке было много всякой мелочи: цветные карандаши, перочинный ножик, резина, игольник

с нитками, шило, часы, секундомер и пр. Часть этих предметов, в том числе и роговую чернильницу с завинчивающейся пробкой, наполненную чернилами, я дал нести Дерсу. После полудня он вдруг подбежал ко мне и тревожным голосом сообщил, что потерял...

— Что? — спросил я его.

Он мялся и не знал, что ответить. Я видел, что он находился в затруднительном положении и мысленно перебирал в памяти все известные русские слова.

— Что ты потерял? — переспросил я его вторично. — Грязную воду, — ответил он сконфуженно.

В лексиконе его не было слова «чернила», и он не знал, как назвать жидкость, которая все так пачкает.

Мои спутники рассмеялись, а он обиделся. Он понял, что мы смеёмся над его оплошностью, и стал говорить о том, что «грязную воду» он очень берег. Одни слова, говорил он, выходят из уст человека и распространяются вблизи по воздуху. Другие закупорены в бутылку. Они садятся на бумагу и уходят далеко. Первые пропадают скоро, вторые могут жить сто годов и больше. Эту чудесную «грязную воду» он, Дерсу, не должен был носить вовсе, потому что не знал, как с нею надо обращаться.

Последний день 1907 года мы посвятили переходу к местности Сигоу (Западная долина), самому населённому пункту на Бикине. Здесь живут исключительно китайцы. В 1882 году селение это называлось Сиа-моу-диуза^[50], в 1894 году в нём насчитывалось 70 человек. Немного выше Сигоу (километра на два) есть ещё два посёлка — Цамодынза^[51] и Дафазигоу (последний ныне заброшен). Обитатели Сигоу занимаются поиском женьшеня, охотой, соболеванием, выгонкой спирта и эксплуатацией удэхейцев. С большим трудом они очищают от леса участки земли и засевают их пшеницей и

кукурузой.

Горный хребет с правой стороны реки называется Олонцынза и имеет две видные вершины: Дангоза и Цамодынза. Отроги последних оканчиваются около реки скалистыми обрывами Чжагали, Хонкони и Дайгу^[52].

Рядом с Бикином и почти параллельно ему течёт большая река Алчан. На перевале между этими двумя реками, на горе Ньюосыдыцзы, есть естественный водоём овальной формы, около 150 метров в окружности.

То обстоятельство, что навстречу нам выезжал пристав, подняло мой престиж в глазах

китайцев. Вероятно, поэтому они устроили нам торжественную встречу с флагами, трещотками, ракетами и бумажными фонарями. С большой помпой мы вступили в селение Сигоу.

Китайцы зарезали свинью и убедительно просили меня провести у них завтрашний день. Наши продовольственные запасы истощились совсем, а перспектива встретить Новый год в более культурной обстановке, чем обыкновенный бивак, улыбалась моим стрелкам. Я согласился принять приглашение китайцев, но взял со своих спутников обещание, что пить много вина они не будут.

Мои спутники сдержали данное слово, и я ни одного из них не видел в нетрезвом состоянии.

Следующий день был солнечный и морозный. Утром я построил свою команду, провозгласил тост за всех, кто содействовал снаряжению нашей экспедиции. В заключение я сказал людям приветственное слово и благодарил их за примерную службу. Крики «ура» разнеслись по лесу.

Из соседних фанз выбежали китайцы и, узнав, в чём дело, опять пустили в ход трещотки.

Только мы разошлись по фанзам и принялись за обед, как вдруг снаружи донёсся звон колокольчика. Китайцы прибежали с известием,

что приехал пристав. Через несколько минут кто-то в шубе ввалился в фанзу. И вдруг пристав этот превратился в А. И. Мерзлякова. Мы поздоровались. Начались расспросы. Оказалось, что он (а вовсе не пристав) хотел было идти мне навстречу, но отложил свою поездку вследствие глубокого снега.

Мой путь приближался к концу. Из Сигоу мы поехали на лошадях, пришедших вместе с А. И. Мерзляковым. Всего саней было трое.

От Сигоу до станции Бикин на протяжении 160 километров идёт хорошая санная дорога, проложенная лесорубами. Это расстояние мы

проехали в трое суток.

Сказать, какой ширины здесь река, нельзя, равно не поддаётся исчислению и скорость течения воды по руслу. В разных протоках течение различное. По Бикину (в нижнем течении) сплавляется много леса, поэтому русло его ежегодно очищают от бурелома, но, несмотря на это, плавание плотов не всегда бывает благополучным. Много их разбивается около утёсов Чжагали, Хонкони и Дайгу.

Высокий горный хребет, протянувшийся с правой стороны Бикина, называется Олонцынза. Он выдвигает на юг мощный отрог, оканчивающийся сопкой Олонгу-

Уони. Бикин обходит её с юга и затем вновь поворачивает на запад. В этом горном кряже есть несколько приметных вершин со следующими названиями: Богоулаза^[53], Чжунтайза и Госхондза^[54], обрывающаяся к реке утёсами Синдафу и Гсанза. Около Чжунтайзы есть выходы бурого угля на дневную поверхность.

Километрах в 15 от Сигоу, вниз по Бикину, встречается местность, свободная от леса и с землёй, годной для обработки. Тут жили окитаившиеся гольды.

Здесьние китайцы в большинстве случаев разные бродяги, прошедшие жизнь в грабежах и разбоях. Любители лёгкой наживы, они

предавались курению опиума и азартным играм, во время которых дело часто доходило до кровопролития. Весь беспокойный, порочный элемент китайского населения Уссурийского края избрал низовья Бикина своим постоянным местопребыванием. Здесь по островам, в лабиринте потоков, в юртах из корья, построенных по туземному образцу, они находили условия, весьма удобные для своего существования.

Местное туземное население должно было подчиниться и доставлять им продовольствие. Мало того, китайцы потребовали, чтобы мясо и рыбу приносили к ним

женщины. Запуганные тазы все это исполняли. Невольно поражаешься тому, как русские власти мирились с таким положением вещей и не принимали никаких мер к облегчению участи закабалённых туземцев.

От Сигоу вниз по Бикину часто встречались зимовья, построенные русскими лесопромышленниками. Зимовье от зимовья находилось на расстоянии 25 километров. За день мы проехали километров 50 и заночевали около устья Гооголауза.

3 января мы выехали задолго до восхода солнца. Возчики-казаки поторапливали нас, да и всем нам одинаково хотелось поскорее

добраться до железной дороги.

Когда ещё далеко, то обыкновенно идёшь не торопясь, но чем ближе к концу, тем больше волнуешься, начинаешь торопиться, делать промахи и часто попадаешь впросак. В таких случаях надо взять себя в руки и терпеливо подвигаться, не ускоряя шага.

От Олона до Табандо около 40 километров. Здесь река прижимается к правому краю долины, а слева тянется огромное болото. Горы отходят далеко в сторону и теряются в туманной дали на юго-западе.

Река Алчан будет правым, самым большим и последним притоком Бикина. Верховья её

находятся в горах Оло (по-китайски Олонцзинза^[55].)

Длина реки около 100 километров и в истоках складывается из двух рек: Санго (что по-удэгейски значит «медведь») и самого Алчана, который в верхней части имеет широтное направление.

Дальше направление течения Алчана определяет невысокий, расплывшийся в ширину горный кряж, идущий в направлении с северо-северо-востока на юго-юго-запад. Оконечность его подходит к Бикину и называется Даютай^[56].

Место это называется Банадо, что значит «переволок». Обыкновенно здесь перетаскивают

лодки из одной реки в другую, что значительно сокращает дорогу и даёт выигрыш во времени.

У казаков про Табандо ходят нехорошие слухи. Это постоянный притон хунхузов. Они поджидают тут китайцев, направляющихся на Уссури, и обирают их дочиста. Хунхузы не дают спуска и русским, если судьба случайно занесёт их сюда без охраны.

Широкая долина Алчана с правой стороны нагорная, с левой — пологая. Около переволока она суживается до одного километра. Это будет как раз место его прежнего впадения в Бикин. Отсюда Алчан течёт уже большой рекой, шириной

60—80 и глубиной 2—2,5 метра. По долине в среднем его течении наблюдается развитие диоритов, малафитов, базальтов, андезитов и их туфов.

Обогнув гору Даютай, Алчан, как уже выше было сказано, входит в старое русло Бикина и по пути принимает в себя с правой стороны ещё три обильных водой притока: Ольду (по-китайски Култухе), Таудахе^[57] и Малую Лултухе. Алчан впадает в Бикин в 10 километрах к югу от станции железной дороги того же имени. Долина его издавна славится как хорошее охотничье угодье и как место женышеневого промысла.

Из животных здесь держатся изюбр, дикая козуля, кабарга, кабан, тигр, росомаха, енотовидная собака, соболь и рысь. Последняя чаще всего встречается по реке Култухе. С 1904 года по Алчану стали производиться большие порубки и сплав леса. Это в значительной степени разогнало зверей, но всё же и теперь ещё казаки по старой памяти ходят на Алчан и никогда не возвращаются с пустыми руками.

В селение Табандо мы приехали в сумерки. Здесь было 8 фанз, в которых жило до 70 китайцев.

4 января было последним днём нашего путешествия. Казаки разбудили меня очень рано.

Было темно, но звезды на небе уже говорили, что солнце приближается к горизонту. Морозило... Термометр показывал — 34° С. Гривы, спины и морды лошадей заиндевели. Когда мы тронулись в дорогу, только что начинало светать.

На переволоке было так мало снега, что пришлось вылезти из саней и переносить на себе грузы.

Дно низового Бикина илистое и песчаное. Около берегов часто попадаются сухие речки и между ними маленькие озерки, а дальше в сторону — болота, поросшие редкой лиственницей и тощей белой берёзой.

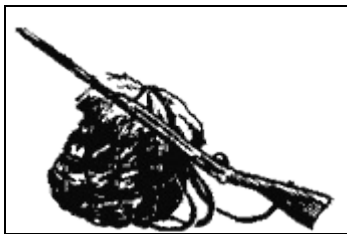
Вскоре после полудня мы прибыли в казачий посёлок Георгиевский, немного здесь отдохнули и отправились на станцию Уссурийской железной дороги.

Красота жизни заключается в резких контрастах. Как было бы приятно из удэгейской юрты сразу попасть в богатый городской дом! К сожалению, переход этот бывает всегда постепенным: сначала юрта, потом китайская фанза, за ней крестьянская изба, затем уже город.

После долгого питья из кружки дешёвого кирпичного чая с привкусом дыма с каким удовольствием я пил хороший чай из стакана! С каким удовольствием я

сходил в парикмахерскую, вымылся в бане и затем лёг в чистую постель с мягкой подушкой!...

Глава двадцать четвёртая Смерть Дерсу

Приехали мы в Хабаровск 7 января вечером. Стрелки пошли в свои роты, а я вместе с Дерсу отправился к себе на квартиру, где собрались близкие мне друзья.

На Дерсу все поглядывали изумлённо и с любопытством. Он тоже чувствовал себя не в своей тарелке и долго не мог освоиться с новыми условиями жизни.

Я отвёл ему маленькую комнату, в которой поставил кровать, деревянный стол и два табурета. Последние ему, видимо, совсем были не нужны, так как он предпочитал сидеть на полу или чаще на кровати, поджав под себя ноги по-турецки. В этом виде он напоминал бурхана из буддийской кумирни. Ложась спать, он по старой привычке поверх сенного тюфяка и ватного одеяла каждый раз подстилал под себя козью шкуру.

Любимым местом Дерсу был уголок около печки. Он садился на дрова и подолгу смотрел на огонь. В комнате для него всё было чуждо, и только горящие дрова напоминали тайгу. Когда дрова горели плохо, он сердился на печь и говорил:

— Плохой люди, его совсем не хочу гори.

Иногда я подсаживался к нему, и мы вспоминали все пережитое во время путешествий. Эти беседы обоим нам доставляли большое удовольствие.

Однажды мне пришла мысль записать речь Дерсу фонографом. Он вскоре понял, что от него требовалось, и произнёс в трубку

длинную сказку, которая заняла почти весь валик. Затем я переменял мембрану на воспроизводящую и завёл машину снова. Дерсу, услышав свою речь, переданную ему обратно машиной, нисколько не удивился, ни один мускул на лице его не шевельнулся. Он внимательно прослушал конец и затем сказал:

— Его, — он указал на фонограф,—говорит верно, ни одного слова пропускай нету.

Дерсу оказался неисправимым анимистом: он очеловечил и фонограф.

По возвращении из экспедиции всегда бывает много работы: составление денежных и служебных

отчётов, вычерчивание маршрутов, разборка коллекций и т. п. Дерсу заметил, что я целые дни сидел за столом и писал.

— Моя раньше думай,—сказал он, — капитан так сиди, — он показал, как сидит капитан, — кушает, людей судит, другой работы нету. Теперь моя понимай: капитан сопка ходи — работай, назад город ходи — работай. Совсем гуляй не могу.

Такое представление у туземцев о начальствующих лицах вполне естественно. В словах Дерсу мы узнаем китайских чиновников, которые главным образом несут обязанности судей, милуют и

наказывают по своему усмотрению. Дерсу, быть может, сам и не видел их, но, вероятно, много слышал от тех гольдов, которые бывали в Сан-Сине.

Однажды, войдя к нему в комнату, я застал его одетым. В руках у него было ружьё.

— Ты куда? — спросил я.

— Стрелять, — отвечал он просто и, заметив в моих глазах удивление, стал говорить о том, что в стволе ружья накопилось много грязи. При выстреле пуля пройдёт по нарезам и очистит их; после этого канал ствола останется только протереть тряпкой.

Запрещение стрельбы в городе было для него неприятным

открытием. Он повертел ружьё в руках и, вздохнув, поставил его назад в угол. Почему-то это обстоятельство особенно сильно его взволновало.

На другой день, проходя мимо комнаты Дерсу, я увидел, что дверь в неё приотворена. Случилось как-то так, что я вошёл тихо. Дерсу стоял у окна и что-то вполголоса говорил сам с собою. Замечено, что люди, которые подолгу живут одиноко в тайге, привыкают вслух выражать свои мысли.

— Дерсу! — окликнул я его.

Он обернулся. На лице его мелькнула горькая усмешка. — Ты что? — обратился я к нему с вопросом.

— Так,—отвечал он. — Моя здесь сиди все равно утка. Как можно люди в ящике сидеть? — Он указал на потолок и стены комнаты. — Люди надо постоянно сопка ходи, стреляй.

Дерсу замолчал, повернулся к окну и опять стал смотреть на улицу. Он тосковал об утраченной свободе. «Ничего, — подумал я. — Обживётся и привыкнет к дому».

Случилось как-то раз, что в его комнате нужно было сделать небольшой ремонт: исправить печь и побелить стены. Я сказал ему, чтобы он дня на два перебрался ко мне в кабинет, а затем, когда комната будет готова, он снова в неё вернётся.

— Ничего, капитан, — сказал он мне. — Моя можно на улице спи: палатку делай, огонь клади, мешай нету.

Ему казалось все так просто, и мне стоило больших трудов отговорить его от этой затеи. Он не был обижен, но был недоволен тем, что в городе много стеснений: нельзя стрелять, потому что всё это будет мешать прохожим.

Однажды Дерсу присутствовал при покупке дров; его поразило то, что я заплатил за них деньги.

— Как! — закричал он. — В лесу много дров есть, зачем напрасно деньги давай?

Он ругал подрядчика, назвав его

«плохой люди», и всячески старался убедить меня, что я обманут. Я пытался было объяснить ему, что плачу деньги не столько за дрова, сколько за труд, но напрасно. Дерсу долго не мог успокоиться и в этот вечер не топил печь. На другой день, чтобы не вводить меня в расход, он сам пошёл в лес за дровами. Его задержали и составили протокол. Дерсу по-своему протестовал, шумел. Тогда его препроводили в полицейское управление. Когда мне сообщили об этом по телефону, я постарался уладить дело.

Сколько потом я ни объяснял ему, почему нельзя рубить деревьев около города, он меня так и не понял.

Случай этот произвёл на него сильное впечатление. Он понял, что в городе надо жить не так, как хочет он сам, а как этого хотят другие. Чужие люди окружали его со всех сторон и стесняли на каждом шагу. Старик начал задумываться, уединяться; он похудел, осунулся и даже как будто ещё более постарел.

Следующее маленькое событие окончательно нарушило его душевное равновесие: он увидел, что я заплатил деньги за воду.

— Как! — опять закричал он. — За воду тоже надо деньги плати? Посмотри на реку, — он указал на Амур, — воды много есть. Землю, воду, воздух бог даром давал. Как

можно?

Он недоговорил, закрыл лицо руками и ушёл в свою комнату. Вечером я сидел в кабинете и что-то писал. Вдруг я услышал, что дверь тихонько скрипнула. Я обернулся: на пороге стоял Дерсу. С первого взгляда я увидел, что он хочет меня о чём-то просить. Лицо его выражало смущение и тревогу. Не успел я задать вопрос, как вдруг он опустился на колени и заговорил:

— Капитан! Пожалуйста,пусти меня в сопки. Моя совсем не могу в городе жить: дрова купи, воду тоже надо купи, дерево руби — другой люди ругается.

Я поднял его и посадил на стул.

— Куда же ты пойдёшь? — спросил я.

— Туда! — он указал рукой на синеющий вдали хребет Хехцир.

Жаль мне было с ним расставаться, но жаль было и задерживать. Пришлось уступить. Я взял с него слово, что через месяц он вернётся обратно, и тогда мы вместе поедem на Уссури. Там я хотел устроить его на житьё у знакомых мне тазов.

Я полагал, что Дерсу дня два ещё пробудет у меня, и хотел снабдить его деньгами, продовольствием и одеждой.

Но вышло иначе.

На другой день, утром, проходя

мимо его комнаты, я увидел, что дверь в неё открыта. Я заглянул туда — комната была пуста.

Уход Дерсу произвёл на меня тягостное впечатление, словно что-то оборвалось в груди. Закралось какое-то нехорошее предчувствие; я чего-то боялся, что-то говорило мне, что я больше его не увижу. Я был расстроен на весь день; работа валилась у меня из рук. Наконец я бросил перо, оделся и вышел.

На дворе была уже весна: снег быстро таял. Из белого он сделался грязным, точно его посыпали сажей. В сугробах в направлении солнечных лучей появились тонкие ледяные перегородки; днём они рушились, а

за ночь опять замерзали. По канавам бежала вода. Она весело журчала и словно каждый сухой былинке торопилась сообщить радостную весть о том, что она проснулась и теперь позаботится оживить природу.

Возвращавшиеся с полевых работ стрелки говорили, что видели на дороге какого-то человека с котомкой за плечами и с ружьём в руках. Он шёл радостный, весёлый и напевал песню. Судя по описаниям, это был Дерсу.

Недели через две после его ухода от своего приятеля И. А. Дзюля я получил телеграмму следующего содержания:

«Человек, посланный Вами в

тайгу, найден убитым».

«Дерсу!» — мелькнуло у меня в голове. Я вспомнил, что для того, чтобы в городе его не задерживала полиция, я выдал ему свою визитную карточку с надписью на оборотной стороне, кто он и что жительство имеет у меня. Вероятно, эту карточку нашли и дали мне знать по телеграфу.

На другой день я выехал на станцию Корфовская, расположенную с южной стороны хребта Хехцир. Там я узнал, что рабочие видели Дерсу в лесу на дороге. Он шёл с ружьём в руках и разговаривал с вороной, сидевшей на дереве. Из этого они заключили, что, вероятно, он был пьян. На станцию

Корфовская поезд пришёл почти в сумерки.

Было уже поздно, и поэтому мы с И. А. Дзюлем решили идти к месту происшествия на другой день утром.

Всю ночь я не спал. Смертельная тоска щемила мне сердце.

Я чувствовал, что потерял близкого человека. Как много мы с ним пережили. Сколько раз он выручал меня в то время, когда сам находился на краю гибели!

Чтобы рассеяться, я принимался читать книгу, но это не помогало. Глаза механически перебирали буквы, а в мозгу в это время рисовался образ Дерсу, того Дерсу,

который последний раз просил меня, чтобы я отпустил его на волю.

Я обвинял себя в том, что привёз его в город. Но кто бы мог подумать, что все это так кончится!

Под утро я немного задремал, и тотчас мне приснился странный сон: мы — я и Дерсу — были на каком-то биваке в лесу. Дерсу увязывал свою котомку и собирался куда-то идти, а я уговаривал его остаться со мной. Когда всё было готово, он сказал, что идёт к жене, и вслед за этим быстро направился к лесу. Мне стало страшно; я побежал за ним и запутался в багульнике. Появились пятипальчатые листья женьшеня. Они превратились в руки, схватили

меня и повалили на землю.

Я слабо вскрикнул и сбросил с головы одеяло. Яркий свет ударил мне в глаза. Передо мной стоял И. А. Дзюль и тряс за плечо.

— Здорово же вы заспались! — сказал он. — Пора вставать. Часов в девять утра мы вышли из дому.

Был конец марта. Солнышко стояло высоко на небе и посылало на землю яркие лучи. В воздухе чувствовалась ещё свежесть ночных заморозков, в особенности в теневых местах, но уже по талому снегу, по воде в ручьях и по весёлому, праздничному виду деревьев видно было, что ночной холод никого уже запугать не может.

Маленькая тропка повела нас в тайгу. Мы шли по ней долго и почти не говорили между собой. Километра через полтора справа от дорожки я увидел костёр и около него три фигуры. В одной из них я узнал полицейского пристава. Двое рабочих копали могилу, а рядом с нею на земле лежало чьё-то тело, покрытое рогожей. По знакомой мне обуви на ногах я узнал покойника.

— Дерсу! Дерсу! — невольно вырвалось у меня из груди. Рабочие изумлённо посмотрели на меня. Мне не хотелось при посторонних давать волю своим чувствам; я отошёл в сторону, сел на пенёк и отдался своей печали.

Земля была мёрзлая; рабочие оттаивали её огнём и выбирали то, что можно было захватить лопатой. Минут через пять ко мне подошёл пристав. Он имел такой радостный и весёлый вид, точно приехал на праздник. Потому ли, что на своей жизни ему много приходилось убирать брошенных трупов и он привык относиться к этой работе равнодушно, или потому, что хоронили какого-то безвестного «инородца», только по выражению лица его я понял, что особенно заниматься розысками убийц он не будет и намерен ограничиться одним протоколом. Он рассказал мне, что Дерсу нашли мёртвым около костра.

Судя по обстановке, его, видимо, убили сонного. Грабители искали у него деньги и унесли винтовку.

Часа через полтора могила была готова. Рабочие подошли к Дерсу и сняли с него рогожку. Прорвавшийся сквозь густую хвою солнечный луч упал на землю и озарил лицо покойного. Оно почти не изменилось. Раскрытые глаза смотрели в небо; выражение их было такое, как будто Дерсу что-то забыл и теперь силился вспомнить. Рабочие перенесли его в могилу и стали засыпать землёю.

— Прощай, Дерсу! — сказал я тихо. — В лесу ты родился, в лесу и покончил счёты с жизнью.

Минут через двадцать над тем местом, где опустили тело гольда, возвышался небольшой бугорок земли.

Кончив своё дело, рабочие закурили трубки и, разобрав инструменты, пошли на станцию вслед за приставом. Я сел на землю около дороги и долго думал об усопшем друге.

Как в кинематографе, передо мной одна за другой вставали картины прошлого: первая встреча с Дерсу на реке Лефу, озеро Ханка, встреча с тигром на Ли-Фудзине, лесной пожар на реке Санхобе, наводнение на Билимбе, переправа на плоту через реку Такему, маршрут

по Иману, голодовка на Кулумбе, путь по Бикину и т. д.

В это время прилетел поползень. Он сел на куст около могилы, доверчиво посмотрел на меня и защебетал.

«Смирный люди», — вспомнилось мне, как Дерсу называл этих пернатых обитателей тайги. Вдруг птичка вспорхнула и полетела в кусты. И снова тоска защемила мне сердце.

— Прощай, Дерсу! — сказал я в последний раз и пошёл по дороге.

Летом 1908 года я отправился в третье путешествие, которое длилось два года.

В 1910 году, зимой, я вернулся в Хабаровск и тотчас поехал на станцию Корфовская, чтобы навестить дорогую могилку. Я не узнал места — всё изменилось: около станции возник целый посёлок, в пригорьях Хехцира отрыли ломки гранита, начались порубки леса, заготовка шпал. Мы с А. И. Дзюлем несколько раз принимались искать могилу Дерсу, но напрасно. Приметные кедры исчезли, появились новые дороги, насыпи, выемки, бугры, рытвины и ямы...

Прощай, Дерсу!

Путешественник, учёный, писатель

Древняя мудрость гласит: познающий природу познает истину, возвышающую душу. Именно таким познанием была вся жизнь Владимира Клавдиевича Арсеньева, выдающегося путешественника, видного учёного и талантливого писателя. Тридцать лет непрерывной экспедиционной работы, научных поисков и литературных занятий — вот что отметило сравнительно короткую жизнь Арсеньева, стало выражением его человеческого

предназначения и сделало незабвенным в людской памяти. Он и умер работая: вернувшись в конце августа 1930 года с низовьев Амура во Владивосток, Арсеньев написал в Дальневосточный университет письмо, где изложил планы своей работы на ближайшие два года, но смерть от крупозного воспаления лёгких, последовавшая 4 сентября, прервала все замыслы.

Трудно оценить масштабность географических исследований Арсеньева, потому что, даже представив себе протяжённость его маршрутов и площадь обследованных им территорий, мы всё равно окажемся в роли людей, оценка

которых будет чисто умозрительной. Лишь тот, кто сам ходил по девственным тропам Уссурийского края и кручам Сихотэ-Алиня, занимающего три четверти нашего Приморья, может понять, каких трудов стоило их изучение 80 лет назад, когда Арсеньев начинал свою деятельность. А ведь он не только изучил — описал и картировал — бассейн реки Уссури, но и проводил изыскательские работы на Камчатке и Командорских островах, на побережье Пенжинской губы в Охотском море и на трассе Хабаровск — Советская Гавань, а также на севере Хабаровского края. Нам неизвестно, подсчитывалась ли

протяжённость арсеньевских маршрутов, но если учесть, что в 1907 году было пройдено около 1500 километров, то сколько же их уложилось в восьми экспедициях?!

Но каким же образом человек, родившийся на западном конце тогдашней Российской империи, в Петербурге, оказался на её восточной окраине, ставшей для него второй родиной?

Можно сказать, что решающую роль здесь сыграл отец Арсеньева, Клавдий Фёдорович. Этот человек, незаконнорождённый сын тверского мещанина и крепостной крестьянки, благодаря своим способностям и уму сумел подняться от простого

конторщика до начальника Московской окружной железной дороги, что было немалым достижением. Интеллигентный и начитанный, Клавдий Фёдорович и детей, а их было девять, приучал к чтению, причём особенно рекомендовал читать книги о путешествиях. В доме была даже заведена своеобразная игра, когда детям предлагалось проложить тот или иной маршрут по карте. Поэтому не случайно, что сыновья Клавдия Фёдоровича так или иначе связали свою жизнь с землеизучением: старший сын, Анатолий, стал капитаном дальнего плавания, Александр, окончив Московский

межевой институт, уехал на Дальний Восток, а Владимир стал первопроходцем этого интересного и ещё мало изученного края.

Не меньшее влияние, чем отец, оказал на молодого Арсеньева и его дядя со стороны матери, Иоиль Егорович Кашлачев. «Если отец дал мне географическую канву, то брат матери, И. Е. Кашлачев, страстный любитель природы, указал, как по ней вышивать узоры», — писал впоследствии Арсеньев.

Однако одного желания стать путешественником было ещё мало для того, чтобы действительно стать им. Нужны были реальные пути к этому, один из таких путей —

военная служба. И Арсеньев поступает в Петербургское юнкерское училище, что в известной степени отразилось на его дальнейшей судьбе. Во-первых, географию в училище преподавал известный путешественник М. Е. Грум-Гржимайло, лекции которого о Восточной Сибири и Дальнем Востоке особенно заинтересовали Арсеньева, а во-вторых, он мог в то время на правах вольнослушателя прослушать курс профессора кафедры географии и этнографии Петербургского университета Э. Ю. Петри; эти знания пригодятся ему позднее.

Итак, выбор был сделан —

Дальний Восток. Но служба есть служба. После окончания училища Арсеньева направляют в Польшу, и только в 1900 году, двадцативосьмилетним, он наконец-то переводится во Владивосток.

Своих намерений заняться географическими исследованиями Арсеньев не скрывает, но на первых порах ему удаётся не много: изучить Русский остров, частично обследовать реку Иман, а также Посьетский участок. Всё это — ближние подступы к Владивостоку, а молодому начальнику конноохотничьей команды нужен другой размах.

Положение изменилось после

русско-японской войны 1904— 1905 годов. Проигрыш в ней заставил царское правительство основательнее заняться военно-экономическим положением края. Требовались люди, способные в условиях бездорожья и глухомани организовать изучение его ресурсов, наметить линии коммуникаций, собрать и обобщить сведения о народностях, проживающих в бассейнах рек Уссури и Амура.

Арсеньев, как никто, подходил для такого назначения, что прозорливо увидел приамурский генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер, давший «зелёную улицу» начинаниям своего офицера.

Так было положено начало целому ряду экспедиций, совершавшихся почти без перерыва из года в год и принёсших Арсеньеву заслуженную славу. Все они были довольно продолжительными и необычайно трудными. Вот как писал о них сам Арсеньев одному из своих знакомых: «Четыре раза я погибал с голоду. Один раз съели кожу, другой раз набивали желудок морской капустой, ели ракушки. Последняя голодовка была самой ужасной. Она длилась 21 день. Вы помните мою любимую собаку Альпу — мы её съели в припадке голода и этим спаслись от смерти. Три раза я тонул, дважды подвергался

нападению диких зверей (тигр и медведь). Глубокие снега едва не погубили весь отряд... Подряд 76 дней мы шли на лыжах и тащили за собой нарты...»

Что же касается результатов хотя бы первых трёх экспедиций (1906—1910), то они поистине поразительны. Так, в экспедиции 1906 года хребет Сихотэ-Алинь был пересечён по четырём направлениям и была составлена подробная карта обследованного района с нанесением рельефа и всех населённых пунктов, а кроме того, велись постоянные метеонаблюдения и описания рельефа, флоры и фауны, собирались коллекции мхов, водорослей и

лишайников, шляпных грибов и грибков-паразитов. Большая часть этих коллекций послужила хорошим подспорьем при создании атласов, таких, как «Флора Маньчжурии», изданного Петербургским ботаническим садом, или «Русского микологического гербария», который готовил к выпуску В. Л. Комаров, будущий президент Академии наук СССР.

Весь зоологический материал (60 птиц, 50 земноводных, 400 рыб и 500 насекомых) был отправлен в Зоологический музей Академии наук. Экспедиция собрала также 50 образцов различных горных пород.

Но и это было не все. В

маршрутах Арсеньев занимался археологическими раскопками старинных городищ и укреплений в районе залива Ольги. Найденные там предметы пополнили запасники Русского музея в Петербурге.

Целью экспедиции 1907 года было обследование горного района Сихотэ-Алиня между $45—47^{\circ}$ с. ш. Работы продолжались семь месяцев и дали материал для написания «Краткого военно-географического и военно-статистического очерка Уссурийского края», опубликованного Арсеньевым в Хабаровске.

И наконец, задача экспедиции 1908—1910 годов — всестороннее

обследование той части
Уссурийского края, которая
протянулась с запада на восток от
нижнего течения Амура до пролива
Невельского. Частью этой
экспедиции, продолжавшейся 19
месяцев, было отыскание
кратчайшего летнего пути от
Хабаровска до Императорской (в
наше время Советской) Гавани.
Насколько она была трудна, можно
судить хотя бы по тому, что к её
окончанию в отряде Арсеньева
осталось только три человека из
шестнадцати, остальные выбыли по
болезни и другим причинам.

Отчёт об экспедиции был
помещён в газете «Приамурье» 10

апреля 1910 года, где имя Арсеньева ставилось в один ряд с именами Н. М. Пржевальского и П. Н. Козлова.

Октябрьскую революцию Арсеньев встретил словами: «Революция для всех, в том числе и для меня!» В этой фразе он весь: гражданин и патриот, работающий не за страх, а за совесть, не за вознаграждения и похвалы, а по внутреннему убеждению.

Из экспедиций этого периода необходимо отметить Камчатскую в 1918 году, Гижигинскую в 1922-м, а также поездку на Командорские острова в 1923-м и прохождение маршрута Советская Гавань — Хабаровск в 1927-м. Все они были

связаны с решением важнейших народнохозяйственных и научных задач, вставших перед молодой Советской республикой. И, как всегда, Арсеньев исполнял роль руководителя с величайшей ответственностью и пониманием. Так, он одним из первых поставил вопрос о запрещении сдавать в аренду американским и японским промышленникам наши тихоокеанские острова; от него исходила инициатива организации первых природных заповедников на Дальнем Востоке для сохранения его уникальной флоры и фауны; он с неистощимой энергией занимался делом восстановления рыбных и

звериных промыслов на Командорских островах, экономике которых был причинен огромный ущерб за время иностранной интервенции.

Всем этим вопросам Арсеньев отдавался целиком, хотя именно в этот период он пережил тяжелейшее личное потрясение: в ночь с 24 на 25 ноября 1918 года на Украине были убиты бандитами мать и отец Арсеньева, брат Клавдий с женой и две сестры. Лишь большая сила воли и понимание своей необходимости помогли Арсеньеву пережить эту трагедию.

Но на протяжении всей своей работы Арсеньев был не только её

организатором и одним из непосредственных исполнителей, но и пытливым учёным. В этих заметках просто невозможно рассказать обо всём, что сделал Арсеньев для географии, истории и этнографии Дальнего Востока, однако даже неполный перечень его научных трудов даёт представление о необычайно широких интересах этого человека. Начиная с 1908 года и до конца жизни им написано несколько десятков научных работ, которые сохранили своё значение до нашего времени, таких, как: «Наблюдения над лососёвыми Зауссурийского края», «Материалы по изучению древнейшей истории

Уссурийского края», «Краткий физико-географический очерк бассейна р. Амура», «Шаманство у сибирских инородцев и их анимистические воззрения на природу», «Тихоокеанский морж», «Этнологические проблемы на востоке Сибири», «Тазы и удэхе» и др.

К сожалению, осталась незавершённой основная работа Арсеньева «Страна Удэхе», над которой он работал 27 лет и редактировать которую согласился известный русский советский этнограф Л. Я Штернберг. Более того, после Великой Отечественной войны рукопись «Страны» исчезла и

не обнаружена до сих пор.

Однако, отмечая современность звучания этнографических трудов Арсеньева, нельзя оставлять в стороне противоречивость и ошибочность некоторых его положений, о чём ему справедливо указывали в своё время и Л. Я. Штернберг, и В. Г. Богораз, и которые критически осмыслены нынешней советской этнографической наукой.

Имя Арсеньева навечно закреплено в целом ряде научных названий, свидетельствующих о непосредственном касательстве Владимира Клавдиевича к разнообразным научным вопросам.

Например, всем известна так называемая «линия Арсеньева» — биогеографическая граница между маньчжурской и охотской флорой и фауной в Сихотэ-Алине; в честь его назван новый вид бабочки и полуподземный бокоплав неизвестного для Азии рода, не говоря уже о том, что существует ледник Арсеньева на Камчатке, вулкан на Курильских островах, горы в Сихотэ-Алине и на острове Парамушир. В них, в этих названиях — безоговорочное признание научных заслуг выдающегося естествоиспытателя. К этому остаётся лишь добавить, что около 20 отечественных научных обществ

избрали Арсеньева своим членом, а Вашингтонское национальное географическое общество приняло его в свои ряды пожизненно.

Талантливый человек талантлив во всём, и громадный жизненный материал, накопленный Арсеньевым в его путешествиях, не мог не подвигнуть его к пробе пера. Конечно, для этого у человека должны быть определённые художественные наклонности, и можно утверждать, что они у Арсеньева были (например, он ещё в юные годы хорошо рисовал), но толчок к тому, чтобы рассказать об увиденном и пережитом, дали ему, несомненно, его экзотические

маршруты, на которых он встретил много интересных, неординарных людей. Этому содействовала и дальневосточная природа. Её мощь, величие и своеобразие должны были всколыхнуть наблюдательную и впечатлительную душу.

Литературоведы много спорили о том, когда началась писательская деятельность Арсеньева. Указывались разные годы, но, думается, нет смысла оспаривать свидетельство самого писателя, сообщавшего в одном из писем Л. Я. Штернбергу, что работу над книгой «По Уссурийскому краю» он начал в 1910 году. Через десять лет она вышла во Владивостоке, а в 1923 году

там же появилась и вторая книга Арсеньева — «Дерсу Узала».

Первое же знакомство с ними читателей вызвало восторг и восхищение. Искренность тона, невыдуманность сцен и деталей, а также простота изложения сразу выдвинули Арсеньева на видное место среди других советских и зарубежных писателей. М. М. Пришвин, тончайший ценитель природы и человеческих чувств, прочитав обе книги, объединённые в одну под общим названием «В дебрях Уссурийского края», немедленно отправил её в Сорренто А. М. Горькому, снабдив припиской, что она «станет на полки всех наших

библиотек и воспитает юношество лучше, чем М. Рид». Пришвину же принадлежит и другое высказывание о литературном мастерстве Арсеньева: «...я не сомневаюсь теперь, что если бы не среда, заманившая меня в искусство слова самого по себе, я мало-помалу создал бы книгу, подобную арсеньевской, где поэт до последней творческой капли крови растворился в изображаемом мире».

Но так ли просто далась Арсеньеву та простота стиля, которая восхитила всех? Было ли это свободным дыханием одарённого человека, или и здесь присутствовал кропотливый труд? Оказывается,

присутствовал. В рабочем наследии Арсеньева сохранились его собственные выписки из произведений многих русских и заграничных писателей, из которых видно, что Арсеньев учился писательскому мастерству. Выписки эти не датированы, но, судя по всему, сделаны в разное время. Интересен и подбор цитат—большинство из них касается темы природы. На примерах классиков Арсеньев как бы пытается проникнуть в существо природы и понять взаимосвязь её проявлений, поэтому не случайно так чётко определены темы выписок: лунная ночь, огонь, птицы, утро, море и т. д.

Были споры и о жанре

арсеньевских книг. Может быть, для специалистов это и важно; для нас же важнее другое: книги эти есть то, что называется великим и вечным словом — Литература. Можно писать целые тома и оставаться всего-навсего занимательным беллетристом, интерес к которому скор и преходящ; тема Арсеньева — человек и природа — не имеет границ ни во времени, ни в пространстве. Умрём мы, умрут целые поколения, но истина взойдёт на других нивах и пажитях, ибо её зерно падает с колоса жизни, чтобы прорасти. И в этом смысле Арсеньев созвучен духу учения В. И. Вернадского о неразрывной связи

всего сущего не только на Земле, но и в целой Вселенной.

И последнее, о чём необходимо сказать. Книги Арсеньева при всей своей документальности отнюдь не документы, строго фиксирующие хронологию и характеры людей, описанных в них. Это произведения художественные, где правда жизни образует такой сплав с художественным вымыслом, какой только и должен отличать истинную литературу. Фотография отражает точечный момент какого-нибудь явления и не может отразить его полностью в развитии. Для этого снимку надо придать движение, сделать его как бы кинолентой,

которая дала бы возможность видеть перспективу. Движение и развитие есть главные качества и всякого литературного произведения, и, только следуя за ними, возможно понять и представить себе живыми книжные персонажи. Так, кстати, произошло и с любимым героем Арсеньева гольдом Дерсу Узала.

Читая «В дебрях Уссурийского края», мы верим автору и не сомневаемся в том, что его знакомство с Дерсу произошло именно в том году, о событиях которого рассказывается в книге, то есть в 1902-м. В действительности же всё обстояло несколько иначе. Арсеньев познакомился с Дерсу в

августе 1906 года, и не на реке Лефу, как о том говорится в книге, а на реке Тадушу. Этот факт отмечен Арсеньевым в его экспедиционном дневнике за 1906 год. Кроме того, из книги же нам известно, что Дерсу одинок — его семья погибла во время эпидемии, тогда как подлинный Дерсу Узала имеет брата Степана, и этому есть доказательство — снимок братьев, сделанный Арсеньевым в сентябре 1906 года. Чем можно объяснить такое «разночтение»? Думается, во-первых, тем, что обе книги «вырастали» из путевых дневников Арсеньева и первоначально были задуманы автором как чисто научные, а точнее,

научно-популярные, но позднее, в период творческих поисков, пришло решение сделать книги художественными. Отсюда — и это во-вторых — возникла необходимость некоторого смещения событий, а также отказа от голой документалистики. Вполне вероятно, что, делая Дерсу Узала одиноким, Арсеньев тем самым как бы оставлял своего героя-язычника с глазу на глаз с силами природы, которым тот поклонялся и которые одушевлял. Как бы там ни было, но отступление от правды жизни в пользу правды художественной Арсеньев предпринял не под влиянием момента, а руководствуясь глубоким

пониманием законов литературы. И если продолжить мысль, то придётся отметить и другой очевидный факт: ведь и автор дилогии — один из её главных действующих лиц — не есть сам Арсеньев, а обобщённый литературный образ. Только так и происходит то творческое растворение, о котором говорил Пришвин.

Книги Арсеньева с годами приобретают все большую воспитательную и нравственную ценность. Вставшая во весь рост проблема гармоничного сосуществования человека и природы заставляет нас все чаще обращаться к ним. Именно это

побудило в своё время японского кинорежиссёра А. Кurosава обратиться к экранизации «Дерсу Узала»; именно гуманистическая направленность книги обеспечила фильму успех, отмеченный золотым «Оскаром»; именно она принесла книгам Арсеньева мировую известность: ныне их читают более чем на 30 языках.

**Алфавитный
указатель русских и
латинских названий
растений и
животных,
упомянутых в тексте**

а) Ботанические названия

Проверены по «Определителю растений Дальневосточного края» акад. В. Л. Комарова и Е. Н. Клобуковой-Алисовой

Акация см. Маакия амурская

Актинидия коломикта *Actinidia kolomikta* Max.

Аралия маньчжурская *Aralia manshurica* Rupr. et Max.

Астра татарская *Aster tataricus* L.

Астра трехнервная *Aster trinervius* Roxb.

Астра шероховатая *Aster scaber* Thunb.

Астрагал перепончатый
Astragalus membranaceus Fisch.

Багульник болотный *Ledum*
palustre L.

Барбарис амурский *Berberis*
amurensis Max.

Бархат см. Бархатное дерево
Бархатное дерево *Phyllodendron*
amurensense Rupr.

Берёза белая *Betula manshurica*
(Rgl.) Nakai

Берёза кустарниковая *Betula*
ovalifolia Rupr.

Берёза торфяниковая см. Берёза
кустарниковая

Берёза чёрная *Betula dahurica*
Pall.

Берёза Эрмана *Betula Ermani*
Cham.

Бересклет широколистный
Euonymus macroptera Rupr.

Борец Фишера *Aconitum Fischeri*
Rchnb.

Боярышник Максимовича
Crataegus Max'moviczii C. Schn,

Брусника *Vaccinium vitis idaea* L.

Белокопытник дланевидный
Petasites palmata Asa Gray

Вероника крупная *Veronica*
grandis Fisch.

Вика уссурийская *Vicia*
ussuriensis Oett.

Виноградник см. Виноград
амурский

Виноград амурский *Vitis*

amurensis Rupr.

Володушка длиннолучевая

Bupleurum longiradiatum Turcz.

Вяз см. Ильм белокор

Герань Власова *Geranium*

Wlasovianum Fisch,

Гнездовка настоящая *Neottia*

nidus avis Rich.

Голубика *Vaccinium uliginosum* L.

Горечавка крупнолистная

Gentiana macrophylla Pall.

Горец раскидистый *Polygonum*

divaricatum L.

Горошек полевой см. Вика

уссурийская

Гречишник раскидистый см.

Горец раскидистый

Груша уссурийская Pirus
ussuriensis Max.

Дёрен канадский Cornus
canadensis L.

Диоскорея Жиральди Dioscorea
Giraldii R. Kunth.

Донтостемон шершавый
Dontostemon hispidus Max.

Дуб монгольский Quercus
mongolica Fisch.

Ель аянская Picea ajanensis Fisch.

Жасмин тонколистный
Philadelphus tenuifolius Rupr. et Max.

Живокость Маака Delphinium
Maacklanum Rgl.

Жимолость съедобная *Lonicera edulis* Turcz.

Журавельник волосистый см.
Герань Власова

Заячье ушко см. Володушка
длиннолучевая

Звездчатка водяная см.
Звездчатка лучистая

Звездчатка лучистая *Stellaria radians* L.

Ива корзиночная *Salix viminalis* L.

Ива пирамидальная см. Ива
росистая

Ива росистая *Salix rorida* Laksch.

Ильм белокорый *Ulmus japonica*

Sarg.

Ильм горный *Ulmus montana*

Wither v. *heterophylla* Max.

Ирис-касатик см. Касатик

гладкий

Калина даурская см. Калина

Саржента

Калина Саржента *Viburnum*

Sargentii Koehne

Касатик гладкий *Iris laevigata*

Fisch.

Кедр корейский *Pinus koraiensis*

S. et Z.

Кислица заячья см. Кислица

обыкновенная

Кислица обыкновенная *Oxalis*

acetosella L.

Клён жёлтый *Acer ukurunduense*
Tr. et Mey.

Клён кустарниковый см. Клён
приречный

Клён мелколистный *Acer mono*
Max.

Клён приречный *Acer ginnala*
Max.

Клинтония удская *Clintonia*
udensis Tr. et Mey.

Княжник охотский *Atragene*
ochotensis Pall.

Козелец белостебельный
Scorzonera albicaulis Bge.

Кровохлёбка аптечная
Sanguisorba officinalis L.

Колокольчик см. Платикодон
крупноцветный

Крыжовник буреинский *Ribes*
burejense Fr. Schmidt

Крыжовник колючий см.
Крыжовник буреинский

Крыжовник оригинальный см.
Смородина ошестиненная

Курильский чай *Dasiphora*
fruticosa (L.) Rydb.

Лапчатка см. Курильский чай
Леспедеца двухцветная

Lespedeza bicolor Turcz.

Лещина колючая см. Лещина
маньчжурская

Лещина разнолистная *Corylus*
heterophylla Fisch.

Лещина маньчжурская *Corylus*
manshurica Max.

Липа Такета *Tilia Taquetii* C. Schn.

Лиственница даурская *Larix dahurica* Turcz.

Лимонник китайский *Schizandra chinensis* Baill.

Ломонос маньчжурский *Clematis manshurica* Rupr.

Любка зеленоцветная *Platanthera chlorantha* Custor.

Любка ятрышниковая см. Любка зеленоцветная

Маакия амурская *Maackia amurensis* Rupr. et Max.

Майник камчатский *Majanthemum kamtschaticum* (Gmel.) Kom.

Можжевельник даурский

Juniperus dahurica Pall.

Морошка Rubus chamaemorus L.

Ольха кустарниковая Alnus
fruticosa Rupr. v. manshurica Call.

Ольха пушистая Alnus hirsuta
Turcz.

Орляк Pteridium aquilinum Kuhn.

Орех маньчжурский Juglans
manshurica Max.

Орешник см. Лещина

Осина Populus tremula L. v.
Davidiana

Осока лесная (волосистая) Schn.

Осокорь Carex pilosa Scop. см.

Тополь

Папоротник

кочедыжник

женский *Athyrium filix femina* (L.)
Roth.

Папоротник игольчатый
Athyrium spinulosum (Max.) Milde

Папоротник широкий *Dryopteris*
dilatata A. Gray

Пихта белокорая *Abies*
nephrolepis Max.

Платикодон крупноцветный
Platycodon grandiflorus A. DC.

Подбел см. Белокопытник
Полынь обыкновенная *Artemisia*
vulgaris L.

Полынь каменная см. Полынь
Кёйске

Полынь Кейске *Artemisia*
Keiskeana Miq.

Плаун кольчатый *Lycopodium*

annotinum L.

Пробковое дерево см. Бархатное
дерево

Пушица широколистная
Eriophorum latifolium Hoppe

Рододендрон даурский
Rhododendron dahuricum L.

Роза даурская *Rosa dahurica* Pall.

Роза иглистая *Rosa acicularis*
Lindl.

Рябина двухцветная *Sorbus*
discolor Max.

Рябина кустарниковая см.
Рябина бузинолистная

Рябина бузинолистная *Sorbus*
sambucifolia Tr.

Рябина обыкновенная см.

Рябина двухцветная

Рябинолистник обыкновенный
Sorbaria sorbifolia A. Br.

Сабельник болотный *Comarum
palustre* L.

Сирень амурская *Syringa
amurensis* Rupr.

Смолёвка листовая *Silene foliosa*
Max.

Смородина ошестиненная *Ribes
hcrroidum* Rupr.

Соссюрея Максимовича
Saussurea Maximowiczii Herder

Стланец кедровый *Pinus pumila*
Rgl.

Схизопепон *Schizopereon
bryoniifolius* Max.

Таволга иволистная *Spiraea salicifolia* L.

Таволожник см. Рябинолистник обыкновенный

Таволожка иволистная см.
Таволга иволистная

Тимьян боровой *Thymus serpyllum* L.

Тис *Taxus cuspidata* S. et Z.

Тополь душистый *Populus suaveolens* Fisch.

Тростник обыкновенный
Phragmites communis Trin.

Хохлатка охотская *Corydalis ochotensis* Turcz.

Хмель охотский см. Княжник

ОХОТСКИЙ

Чемерица зелёная Veratrum
Lobelianum Bernh.

Черёмуха Маака radus Maackii
Rupr.

Чина болотная Lathyrus palustris
L. v. pilosus Ldb.

Чёртово дерево см. Аралия
маньчжурская

Шиповник даурский см. Роза
даурская

Шиповник красноватистый см.
Роза иглистая

Шикша Empetrum nigrum L.

Ясень китайский см. Ясень

носолистный

Ясень маньчжурский *Fraxinus manshurica* Rupr.

Ясень обыкновенный см. Ясень маньчжурский

Ясень носолистный *Fraxinus rhynchophylla* Hance

б) Зоологические названия

Бурундук Eutamias sibiricus
orientalis Bonh.

Бычок-подкаменщик Coitus
pocilopus Heckel

Белка Sciurus vulgaris
sibericus Thos.

Береговичок Littorina littorea

Ворона большеклювая Corvus
leucorhynchus But.

Волк красный Canis alpinus Pall.

Выдра Lutra lutra L.

Глухарь Tetrao urogallus Midd.

Гольян Phoxinus phoxinus Dyb.

Горбуша Oncorhynchus gorbischn

W.

Гриф *Aegipius monachus* L.

Дикуша *Falciennis falciennis*
(Hartl.)

Дрозд каменный *Monticola*
solitarius magnus L. a Toiche

Дрозд краснобрюхий *Turdus*
naumanni Топни.?

Дятел пёстрый уссурийский
Dryobates japonicus tsdierskii (But.)

Дятел седоголовый *Picus canus*
jessocnsis Sk'jn.

Дятел зелёный *Picus viridis*
viridis L. weПHa *Dryocopus martins*
martins (L.)

Изюбр *Cervus elaphus xanthopigus*

М. Е.

Кабан *Sus scrofa continentalis*
Nehr.

Кабарга *Moschus moschiferus*
parvipes Holl.

Касатка-мухоловка *Muscicapa*
sibirica Gmelin

Камнешарка *Arenaria interpres* L.

Каменушка *Clangula histrionica*
pacifica (Brooks)

Кета *Oncorhynchus keta* Walb.

Кит-полосатик *Balaenoptera* sp.?

Клёст *Loxia* sp.?

Коза дикая *Capreolus capreolus*
bedfordi Thos.

Колюшка *Pygosteus sinensis*
Guich.

Королёк японский *Regulus
regulus japonensis* Blak.

Кошка дикая *Felis euphilura* Elliot

Краб *Hemigrapsus penicillatus* (de
Haan)

Краснопёрка *Leuciscus brandti*
(Dyb.)

Крохаль белый *Mergus* sp.?

Кулик-песочник *Erolia* sp.?

Кулик-сорока *Haematopus
ostralegus osculans* Sw.

Кунжа *Salvelinus leucomaenis*
(Pall.)

Куница (харза) *Martes flavigula*
Bodd.

Ленок *Brachymystax lenok* (Pall.)

Летяга *Pteromys volans arsenjevi*

Og.

Лисица *Vulpes vulpes* L.

Лось *Alces alces bedfordi* Lyd.

Мальма *Salvelinus alpinus malma*

(Walb.)

Махаон *Papilio maacki* Men.

Медведь белогрудый *Ursus*

tibetanus ussuricus Heude

Медведь-бурый *Ursus arctos* L.

Налим *Lota lota* (L.)

Нерпа *Phoca hispida* Schr.?

Овсянка белоголовая *Emberiza* sp.?

Огуречник *Osmerus eperlanus*

dentex Stn.

Олень пятнистый *Cervus nippon*

hortulorum Swinhoe

Ореховка *Nucifraga caryocatactes*
macro rhynchos Brehm

Пантера *Felis pardus orientalis*
Schleg.

Поползень *Sitta europaea*
amurensis Sw.

Протомоллюск *Cryptochiton*
stelleri?

Ронжа *Cractes infaustus maritiraus*
But.

Росомаха *Gulo gulo* L.

Рысь *Felis lynx* L.

Рябчик *Tetrastes* *bonasia*
ussuriensis But.

Саджа Syrrhaptes paradoxus
(Pall.)

Сазан Cyprinus carpio

Сизоворонка Eurystomus

orientalis calonyx Sharpe

Сокол-сапсан Falco peregrinus
brevirostris Menz.

Сорокопут Lanius sp.?

Соболь Martes zibellina arsenjevi

В. Кигп.

Синица белобрюхая Parus sp.?

Сивуч Eumetopias jubatus Schr.

Скворец серый Spodiorsar
cineraceus Temm.

Com Parasilurus asotus (L.)

Сорока Pica pica jankowskii Steg.

Сойка рыжая Garrulus glandarius
brandtii Ev.

Снегирь Pyrrhula pyrrhula
griseiventris Laf.

Стриж иглохвостый Hirundapus
caudacutus (Lath.)

Сеноставец-пищуха Ochotona
hyperborea Pall.

Таймень морской Salvelinus
perryi Brev.

Тигр Felis tigris longipillis Fitz.

Толпыга Hypophthalmichthys
molitrix (Val.)

Улит Tringa sp.?

Утка серая Anas platyrhyncha L.?

Фазан Phasianus mongolicus Pall.

Хариус *Thymallus arcticus* grubel

Dyb

Хорёк *Mustela sibirica* Pall.

Чайка белая *Pagophila eburnea*

(Phipps)?

Чайка сизая *Larus canus major*

Midd?

Чечётка *Acanthis flammea* L.

Чирок-клоктун *Querquedula*

formosa (Georg.)

Щука *Esox reicherti* Dyb.

Ястреб *Accipiter virgatus gularis*

(Temm et Schleg.).

notes

Примечания

Сагид Сабитов, Степан Аринин,
Иван Туртыгин, Иван Фокин,
Василий Захаров. Эдуард
Калиновский, Василий Легейда,
Дмитрий Дьяков и Степан
Казимирчук.

Мой спутник П. П. Бордаков, пробывший в отряде два месяца, описал наше путешествие в журнале «Южная Россия» за 1914 год. Статья «На побережье Японского моря» написана весьма живо и правдиво. У П. П. Бордакова вкралась маленькая ошибка: случай с кражей денег у Дерсу был не в Хабаровске, а в Анучине (с. 1256).

2 Отряд состоял из пяти
миноносцев: «Грозный»,
«Гремящий», «Стерегущий»,
«Бесшумный» и «Бойкий».

А. Мичи. Путешествие по
Восточной Сибири, 1868, с. 350.

Синь-нань-ча — юго-западное
разветвление.

Ли-тянь-гоу — внутренняя
желобчатая долина.

Яо-цзы-хе — река с ямами
(омутами).

Ханьда—лось (маньчжурское слово), хе-цзы — речка (китайское).

Да-Си-нань-ча — большой юго-западный приток (развилина).

Сяо-Си-нань-ча — малый юго-западный приток.

Пянь-эр-гоу — покатая долина.
Лаза-гоу — скалистая долина. Хуан-
га-лян-гоу — долина красного
гаоляна.

Тень, душа.

Т. е. украл.

Бэй-я — северное разветвление.

Гу-цзя-лин — перевал (или
хребет) семьи Гу.

Цзунь-гань-шань — гора, от которой отходят главные дороги.

Гу-цзя-хе — речка семьи Гу.

Да-вай-цзы — большой
заливчик.

Дун-да-вай-цзы — восточная
большая бухточка.

Бинь-лян-бэи — холодный, как каменотесный, памятник. Вероятно, сильно искажённое туземное слово.

Maxim.

Определения иглохвостого
стрижа и чирка-клоктуна сделаны С.
А. Батурлиным.

Углубления, проделанные
морским прибоем в горной породе.

Тянь-цин-гоу-цзы — долина
небесного цвета.

Тянь-цин-лаза — небесного
цвета скала.

И-ча — западное ответвление.

Годовалый телок-излюбр,
оставивший матку.

Чэнь-шэнь-гоу — долина,
сделавшаяся святой.

Сяо-дун-ча — малое восточное разветвление.

Сяо-дун-нань-ча — малое юго-восточное разветвление.

В 1925 году Чан Лин трагически погиб там же, на реке Такеме, в местности Илимo.

Янь-дун-ла-цзы — опасная
восточная скала.

Кулунь-цзуй-цзы — конец, дыра
(отверстие).

В переводе на русский язык
значит «скала».

Бог неба.

Туземная обувь.

Китайская обувь (улы) имеет на пятках по два гвоздя с большими плоскими шляпками.

Женьшень

Лёгкие сани на трёх стойках длиной 3,6, шириною 0,7 и высотой 0,6 метра с полозьями, загнутыми кверху, спереди и сзади, чтобы они могли въезжать на колодник, запорошённый снегом, и плавно съезжать на землю.

То есть шаманили.

Две нарты принадлежали
сопровождавшим нас туземцам.

У-лянь-гоу — пять сходящихся
(связанных) долин.

Божество, сотворившее мир.

Лао-бей-ла-цзы— старая
северная скала.

У-цзей (хе) — речка сепий.

Лао-ху-цзен — опасаящийся
(этого места) тигр.

Ши-дун-гоу — каменистая
восточная долина.

Цза-гу-бай — наполовину
смешанная каста.

ФЫН-ЦЗЫ-ЛА-ЦЗЫ — скала
сумасшедшего.

Сяо-мао-дин-цзы — вершина в виде маленькой шапки.

Цяо-ма-ти-гоу-цзы — высота,
покрытая дубовыми деревьями.

Да-я-гоу — большая
разветвляющаяся долина.

Бэй-гао-ла-цзы — северная
высота скалы.

Гао-янь-хан-цзы — проход
между высокими пиками.

Олонь-чунь-динь-цзы
орочонская вершина.

—

Да-ю-тай — большая старинная башня.

Тау-да-хе — первая большая
река.